

Фредрик Браун

Смерть сумеет войти

Глава 1

Даже для Чикаго этот августовский день выдался чересчур жарким и душным. Я сидел за пишущей машинкой в нашей приёмной — на том месте, где полагалось быть секретарше, имейся у нас таковая — и стучал по клавишам одним пальцем, пытаюсь сварганить письмо в кредитную компанию на фирменном бланке детективного агентства «Хантер и Хантер». Мы предложили им наши услуги по розыску должников — вроде тех, чтобы вы поняли, кто дёрнул из города на автомобиле, не успев за него расплатиться, — и там затребовали наши условия в письменном виде. Письмо продвигалось небыстро; мне стало ясно, что если мы в самое ближайшее время не обзаведемся секретаршей, то учиться мне печатать хотя бы двумя пальцами.

Входная дверь приоткрылась на несколько дюймов; я поднял взгляд. Дверь закрылась вновь. Но звука шагов с той стороны не последовало: некто продолжал в нерешительности стоять снаружи. Сначала, видать, решил зайти, затем передумал, но полностью от своей мысли пока что не отказался.

Вот бы клиент! Чего ж медлит? Меня так и подмывало броситься к двери и пригласить его войти.

Но если вы работаете в уважаемом агентстве (а мы с дядюшкой так о себе и мнили), то негоже вам поступать как тот продавец одежды, бывшей в употреблении, что втаскивает за руку любого, остановившегося рядом с его лавочкой на Саут-Стейт-стрит. А потому я вернулся к своему занятию. Однако оно пошло ещё хуже: осознавая, что некто стоит снаружи и вслушивается в стук клавиш, я невыразимо мучился от продолжительных промежутков между ударами своего пальца.

Дверь растворилась вновь — дюйма на три. Я опять прервался и поднял глаза, ожидая что будет. Секунд семь ничего не происходило. Затем дверь распахнулась полностью, и в приёмную вошла девушка.

Пожалуй, высоковата: пять футов восемь дюймов. Рыжие волосы и всё, что к ним прилагается. Не сказал бы, что красотка, но сошла бы за таковую до появления настоящей красавицы. Носик дерзкий, вздёрнутый, и едва заметные веснушки... Впрочем, я повторяюсь — сказал ведь, что у неё имелось всё, что положено при рыжих волосах. Фигурой девушка была соразмерна, а ведь большинство высоких девушек либо сложены как амазонки-воительницы, либо попросту долговязы. А эта была женственной — вся от нейлоновых чулок, проглядывающих на открытых мысках её сандалет, до курьёзной крохотной шляпки, венчающей роскошную шевелюру. Что же до возраста... В промежутке от восемнадцати до двадцати пяти.

Картину портило только одно. Для нашей клиентки вошедшая была не слишком хорошо одета. Не хочу сказать — в бедном или заношенном платье; просто оно не тянуло на дорогой наряд, — деньгами тут не пахло. Не отношу себя к знатокам женских нарядов, да и мало меня заботит, что они там носят (хотя бы и ничего), но дорогой наряд от дешёвого отличаю. Вряд ли вошедшая зарабатывала более тридцати — сорока долларов в неделю. Если она желала от нас службы долее двух дней, то оплатить таковую не смогла бы даже по самым скромным расценкам.

Я вышел из-за стола, но начинать разговор предоставил вошедшей.

— А мистер Хантер есть? (Голосок был миленьким.)

— Даже оба. Я Эд Хантер. Другой Хантер — этот мой дядя Амброз. Тоже здесь. — Я бросил взгляд на дверь в заднюю комнату. Да, дядюшка Эм был там, но, вероятнее всего, спал на рабочем месте, водрузив ноги на стол: всю ночь он просидел за игрой в покер и домой заявился лишь к четырём утра.

— Я думаю, подойдёт любой из вас, — сказала девушка. — Хочу к вам обратиться по одному делу.

— То есть, желаете поручить нам дело? — спросил я. Будь оно так, следовало передавать клиента дядюшке, но прежде чем беспокоить его, мне полагалось убедиться, что пришедший не продаёт подписку на журнал и не собирает пожертвований на домик для нуждающихся мышек.

Но девушка кивнула в ответ на мой вопрос, а потому я прошёл к смежной двери и постучал, тем самым давая дядюшке возможность проснуться и снять ноги со стола.

— Прошу вас, мисс...

—Доерр. Сэлли Доерр.

Я ввёл её в служебный кабинет и произвёл церемонию представления. После этого я обратился к девушке с такими словами:

— Не возражаете, мисс Доерр, если мы оба вас выслушаем? Если мы примем ваше дело, то возможно, что возьмёмся за него вдвоём, а потому наше обоюдное присутствие лишь сэкономит вам время.

Девушка вновь кивнула и села на стул, поданный ей дядюшкой Эмом. Дядюшка не преминул бросить на меня взгляд поверх её плеча, да ещё скорчил рожицу, а под конец подмигнул. Этих знаков я не понял.

Сам же дядюшка вернулся за стол. Я тоже взял себе стул и придвинул его так, чтобы иметь возможность глядеть прямо на девушку. А на неё и впрямь стоило поглядеть; чего скрывать — ведь это и было причиной того, что я навязался присутствовать при разговоре.

Минуту-другую царило молчание; Сэлли раскрывала сумочку и вынимала сигарету. Я подался вперёд и предложил огня.

Дядюшка Эм, решив, что хватит тянуть канитель, прочистил горло. — Ну, мисс Доерр? — И дядюшка улыбнулся, отчего его круглое лицо стало как у этакого херувимчика средних лет, если только вы способны представить себе херувима с тёмной щёткой усов.

— Я... мне нужно, мистер Хантер, чтобы кто-нибудь меня защищал, — произнесла девушка. — Меня хотят убить.

— Вам известно, кто и почему?

— Известно... в некотором роде. Но дело в том, мистер Хантер, что денег у меня немного. При себе сто долларов, и если понадобится, то смогу достать ещё сотню, только... этого, наверно, мало?

Я, признаться, не ожидал у неё и такой суммы. Но если под защитой своей персоны девушка подразумевала услуги телохранителя двадцать четыре часа в сутки, то надолго этих денег не хватит.

— Не станем пока входить в финансовые вопросы, мисс Доерр, — сказал дядюшка; — для начала выясним, что к чему. Скажите-ка, — вы в полицию обращались?

— Обращалась, но мне ответили, что ничем не могут помочь. Похоже... они мне не поверили. Даже недослушали всего.

Звучало не слишком обнадеживающе, но могло ведь статься, что ей попался не тот человек, что день у них был тяжёлый или что она не с того начала там свой рассказ. И всё же дядюшка бросил на меня взгляд, прежде чем вновь обратиться к посетительнице.

— Кто, по-вашему, мисс Доерр, собирается вас убить?

— Марсиане.

— Марсиане? Которые с Марса, с планеты Марс?

Девушка кивнула, ни больше ни меньше. Мы потратили десять минут на чокнутую.

Дядюшка Эм вздохнул, а кресло под ним заскрипело.

— Боюсь, мисс Доерр, что мы также ничем не сможем вам помочь.

Девушка подалась вперёд; в её взгляде вспыхнул страх. Только голос не изменил ей.

— Вы думаете, что я сумасшедшая. Правда ведь?

Ответить на такое было затруднительно, и мне стало интересно, как дядюшка Эм справится. Он оказался на высоте.

— Не в моей компетенции решать такие вопросы, мисс Доерр. Вдруг вы правы, а что! Но даже если и так, то мы, предлагая вам нашу защиту, лишь выманит у вас деньги обманным путём. Видите ли... — Дядюшка криво улыбнулся. — Видите ли, мы всего лишь рядовое детективное агентство; мы не обучены и не вооружены для того, чтобы защищать вас против такой, э-э, неземной угрозы, даже если она и реальная.

— Можно же попытаться! И мне будет всё равно, верите вы мне или нет, если вы попытаетесь.

— Боюсь, мисс Доерр, мы не сможем.

— Но лишь на малое время! У меня на самом деле при себе есть сто долларов. Раз я плачу...

Дядюшка Эм медленно покачал головой.

— Не деньги тут причина, мисс Доерр. Уф... А позвольте спросить, почему вы выбрали нас, а не агентство покрупнее?

Спустя секунду я понял причину такого вопроса. Девушка ни коим образом не могла выбрать нас случайно: мы открылись лишь пару недель назад и, хотя уже имели телефон, его номер не успел ещё попасть в телефонную книгу. А если уж у нас и появлялись задания, то от тех компаний, главным образом кредитных, которым мы сами предлагали свои услуги.

— Мистер Старлок, — объяснила девушка, — из «Детективного агентства Старлока» рекомендовал мне вас. Я нашла его агентство в телефонной книге и позвонила. Он сказал, что они слишком заняты, но дал мне ваш адрес и очень высоко о вас отозвался. Сказал, что вы оба когда-то работали у него, — перед тем как начать собственное дело.

Всё стало ясно. Бен Старлок просто отфутболил девушку к нам. Понимал ведь, что денег за защиту от марсиан мы не возьмём. А иные агентства в Чикаго возьмут, не станут церемониться.

— Понимаю, мисс Доерр, — отозвался дядюшка Эм. — Что ж, сожалею, но...

Но девушка ещё не бросила попыток.

— Мистер Хантер, а не кажется ли вам, что так нельзя — не допускать даже мысли, что я нормальная?

Опять трудный вопрос, но дядюшка и тут не оплошал.

— У меня нет и мысли, что вы ненормальная, мисс Доерр. Я всего лишь полагаю, что вы ошибаетесь. Так, по моему мнению, ошибаются те, кто верит в духов или привидений, хотя в них верит множество нормальных людей. — Дядюшка пожал плечами. — Может быть, и на тот счёт и на другой я ошибаюсь. Может быть, привидения существуют. И марсиане, не исключено, что действуют на Земле. Но когда мы в них не верим, когда не даём веры тому, что говорит нам наш клиент, то для нас бесчестно брать с него деньги — да и вообще принимать его в качестве нашего клиента. Понимаете теперь?

— Но если я плачу вам! — что вам за печаль, что вы мне не верите?

Дядюшка вновь вздохнул.

— А вот и печаль, мисс Доерр. Нет, мы решительно не можем за это взяться.

И тут девушка заплакала. Не зарыдала в голос, но слёзы покатались у неё по щекам. Промокнув их каким-то несерьёзным платочком, девушка встала и направилась к выходу. Дверь за собой она прикрыла деликатно, не хлопая.

Мы с дядюшкой Эмом переглянулись.

— Бедная девочка, — сказал дядюшка. — Желал бы я...

Но я недослушал, чего дядюшке пожелалось, поскольку бросился к двери.

— Вот что, дядюшка, — крикнул я на ходу. — Надо её остановить! Попытаюсь уговорить пойти к психиатру с этими её деньгами.

— Эд, берегись! Психи опасны. Ты собираешься ввязаться в чёрт знает...

Я опять недослушал, чего там знает чёрт, поскольку был уже в коридоре. Меня чёртово знание всё равно бы не остановило. Да, дядюшка прав и нельзя связываться с психами, но я и не собирался ни с кем связываться — будто нужна мне эта Сэлли Доерр! Всего лишь захотелось ей чуточку помочь: не по душе было, что она так огорчилась нашим отказом. Чокнутую или не чокнутую, а нехорошо доводить женщину до слёз.

Указатель над лифтом показывал, что тот находится четырьмя этажами выше, а стук каблучков этажом ниже возвещал, что Сэлли отправилась пешком. Наша контора на пятом, так что девушка, должно быть, решила не ждать лифта.

Я бросился вниз; вероятно, девушка услышала и сбавила шаг. Догнал я её между вторым и первым этажами.

— Мисс Доерр, — сказал я ей. — Мне очень жаль, если мы задели ваши чувства. Могу я что-нибудь сделать для вас? Я имею в виду — лично. Вашего дела я без разрешения дяди всё равно не приму, так что я не об этом.

Девушка пристально на меня посмотрела. Глаза её высохли, и только щека в одном месте оставалась влажной.

— Не знаю, мистер Хантер, чем вы мне можете.

Да я и сам не знал — разве что советом сходить к психиатру, но вдруг такое не выпалишь! А потому я улыбнулся девушке своей воскресной улыбкой.

— Как насчёт того, чтобы выпить и поболтать? Возможно, ни то ни другое не поможет, но уж и не навредит.

Девушка улыбнулась, правда немного робко.

— Давайте попробуем, мистер Хантер.

— Зовите меня «Эд», — разрешил я. Она не возражала, и к тому времени, как мы уселись в коктейль-баре через квартал и получили по напитку из джина с сахаром, лимонным соком и льдом, я тоже звал её «Сэлли».

Первым делом хорошо было бы выяснить, как далеко зашло её помешательство.

— Расскажи о себе, Сэлли. Вся биографию. Где и когда ты родилась, чем живёшь, кто родные и что ешь на завтрак. О марсианах пока не надо. Оставим их на потом; сперва — о тебе самой.

— Ты ведь не веришь в марсиан?

— Не верю. Но оставим на время эту тему. Сейчас о тебе.

— Мне, Эд, двадцать два. Родилась я в одном городишке в Колорадо, о котором ты и не слыхал никогда, Секо. «Сухой» по-испански. Это теперь даже и не город, — так, две — три тысячи жителей. Но в детстве то был центр угледобычи в восемь или десять тысяч жителей. Прожила я там до двенадцати лет; там же умерли мои родители.

— Оба сразу?

— В одну ночь. Как-то вечером мать почувствовала резкую боль; позже выяснилось, что то был острый аппендицит. Мы жили в десяти милях от города; разразилась буря и телефонные провода оборвало, а потому папа вывел машину и в самый шторм отправился в город за доктором. Дорога была гористой, и в двух милях от дома отец перелетел через крайину дороги; он погиб. Вероятно, сильно гнал по скользкой дороге. Автомобиль нашли только утром. А мать ещё до того умерла от разрыва аппендикса.

Всё это Сэлли рассказала спокойно, но каково было девочке двенадцати лет оставаться одной с умирающей матерью!

— Нет-нет! Доктор уже был у постели моей матери, до того как она умерла, только прибыл он слишком поздно и уже не мог её спасти. Но со мной была моя сестра, да и соседи тоже. Понимаете, папа ведь выехал в восемь вечера, и когда он не вернулся к полуночи, мы поняли, что с ним что-то случилось. Мать к тому времени уже сильно мучилась от боли. Шторм прекратился, а потому Дороти, — она моя сестра, на два года младше, — побежала к соседям, пока я оставалась с матерью. Телефон вновь заработал, так что они вызвали врача из города, а затем пришли и оставались с нами.

Что ж, ей пришлось туго, однако всё было не так ужасно, как я себе вообразил: маленькая девочка всю ночь в доме наедине с мёртвой матерью и без вести об отце. Раз уж там были соседи и доктор, то ничего особенного; через подобное немало детей прошло.

— У тебя только сестра? — спросил я. — Братьев нет?

— Только Дороти. Моя ближайшая родственница, я полагаю.

— «Полагаю»? А точнее не известно?

Сэлли слегка улыбнулась.

— Ближайшая, ближайшая. Так сказать, по крови. Но есть ещё приёмные родители — опекуны, — которые приютили нас с сестрой. Дальние родственники моей мамы. Что-то вроде четвероюродных братьев, а то и пятиюродных.

— И ты всё ещё с ними живёшь?

Сэлли покачала головой.

— Только сестра. Учится в Чикагском университете, а потому зависит от них, у них и живёт. Я один год посещала колледж, и с меня хватило. Нашла работу и снимаю себе жильё.

— Чем занимаешься?

— Стенографистка. В крупной страховой компании, «Холстед мьючиел». Но эта неделя у меня отпускная. — Сэлли горько усмехнулась. — Не то настроение, чтобы поехать, куда хотелось бы, а потому просто осталась в Чикаго, даром что жара. Кроме того... — Её глаза стали панически расширяться: на горизонте, очевидно, замаячили марсиане. Я немедленно подкинул Сэлли новый вопрос.

— Ты в хороших отношениях с сестрой и опекунами?

— Да, конечно. Но я, можно сказать, от них сбегала. Не люблю их сынишку Дикки, да и дядю Рэя тоже.

— Это кто — дядя Рэй?

— Брат приёмной матери, Рэй Вернеке. Пьянтос и... Ну, не нравится он мне. У него несомненно был блестящий ум, пока он не стал мариновать его в алкоголе. А уж Дикки, тот... — И Сэлли слегка поёжилась.

— Пристаёт?

Сэлли откинула голову и рассмеялась.

— Боже мой, нет! Ему всего одиннадцать. Но он этакий юный всезнайка. Из тех паршивцев, что знают всё на свете и непременно желают блеснуть. Коэффициент интеллекта, небось, ужасающий, но у меня от него лишь мурашки по коже!

— Знавал я подобных, — заверил я.

— Уж не таких, как Дикки. К твоему счастью.

— Ещё коктейль?

— Давайте!

Я заказал по-новому. В баре работали кондиционеры, а снаружи можно было поджаривать хлебцы на тротуаре.

— Но вот твоя сестра, — продолжал я, — живёт же с твоими... как, там, их зовут?

— Стэнтоны. Джеральд и Ева Стэнтоны. О, Дороти с ними дружна, не сомневайся! Она бы тоже сняла себе жильё, как и я, если бы могла себя содержать, но её уговорили закончить колледж, так что выбирать не приходится. А Стэнтоны вовсе не плохие люди, это всё дядя Рэй и Дикки.

— Обучение в колледже они оплачивают? То есть, эти Стэнтоны?

— Оплачивают. И я бы закончила колледж, если бы захотела. Они чудесно к нам относятся!

— Регулярно их навещаешь? — спросил я. Мне стало интересно, отчего Сэлли обратилась со своими страхами в полицию и в частное детективное агентство, а не к этим опекунам.

— Да, конечно. Частенько навещаю их, раз в неделю или через неделю. А с Дороти мы видимся и чаще, поскольку она забегает ко мне, бывая в городе, и тогда мы вместе обедаем и идём на представление. А то и на пляж. Очень любим плавать.

— Этот Рэй Вернеке живёт со Стэнтонами?

— Да. Он, разумеется, оплачивает проживание. Имеет постоянный доход от своих патентов.

— Не работает?

— Нет, если не считать работой игру в казино. И пьянство.

— А опекуны твои пьют?

— Умеренно, тут всё как у людей. Жизней на это не кладут. Джеральд — мы с Дороти зовём их по именам: Джеральд и Ева, — он закупщик товара в крупном универмаге; носит очки и каждое утро ест на завтрак яичницу с беконом. Что ещё тебя интересует?

Я усмехнулся.

— Войдёт ли в тебя ещё один коктейль.

— Ну, третий, вероятно, ещё не повредит. Но не более того. Который час?

— Начало четвёртого, — ответил я. — Не возражаешь, если я сделаю один звонок? Заодно и закажу по дороге.

Я прошёл к телефонной кабинке и позвонил в наше агентство. Дядюшка Эм снял трубку.

— Что нового? — спросил я его. — Есть во мне нужда?

— Ни черташеньки, Эд, разве что... Малыш, ты не напрашиваешься там на неприятности? Психи опасны.

— Я держусь от Сэлли через столик, — заверил я дядюшку. — И всё же неплохая она девчонка.

— Марсиане не появлялись?

— Мы их ещё не обсуждали. — А поскольку я знал, чем заставить дядюшку досадовать, то добавил: — Пока — только секс.

— Ах ты, Господи! Вот что, Эд. Я прилгнул, когда сказал, что у нас ничего новенького. Появилось сразу три дела, и все срочные. Так что быстро дуй сюда.

— Ага, как же. Но и я прилгнул, что будто бы мы обсуждаем секс. Не беспокойся! Я, дядюшка Эм, буду хорошим мальчиком. Ну, как-нибудь да свидимся.

На сим я повесил трубку, заказал ещё два коктейля и вернулся за столик. Два ли выпитых коктейля были тому причиной, только Сэлли Доерр показала мне гораздо краше, чем до того. Я почти пожалел о своём обещании быть хорошим. Почти, но не вполне; приставать к психам столь же опасно, как и играть в лапту ручной гранатой.

А потому секс я из обсуждения исключил. А также, во время третьего коктейля, мы не касались ни марсиан, ни темы убийства; зато я вдруг осознал, что рассказываю Сэлли о себе. О том, как после смерти отца я провёл с дядей ярмарочный сезон и отчего мы вернулись в Чикаго, где нашли работу в «Агентстве Старлока», поскольку дядюшка Эм уже работал сыщиком, перед тем как заделаться участником ярмарок; и как мы добились того, что у нас теперь собственное агентство, которое хотя и не достигло ещё известности, но держится на плаву.

Я, конечно, рассказал это подробнее, чем здесь; к концу рассказа наши стаканы опустели. Больше коктейлей мне и самому не хотелось, но девушке-то я предложил.

— Нет, Эд, спасибо. А то уже чувствуется. Выпить я не прочь, но не перебирать. Пойдём-ка на свежий воздух.

Воздух снаружи был не столь свеж, как в помещении с кондиционерами, но мы прогулялись несколько кварталов. Едва не минули кинотеатр, да решили зайти: там давали «Энни получает ваше ружьё», а табло гласило, что внутри на тридцать градусов прохладнее.

Вышли мы в семь, а когда доели рагу по-китайски, было все восемь. Выпили ещё немного — на этот раз в ресторанчике, где можно было послушать музыку и немного потанцевать; так мы дотянули до половины двенадцатого, причём марсиане так и не объявились. Кажется, и мы о них забыли.

Я проводил Сэлли до дому. Она снимала недорогую, но уютную квартиру с уборкой — две комнаты на Ист-Уолтон-плейс. Третий этаж четырёхэтажного здания. Гостиная, один из углов которой переделан под кухню, да спальня.

Предложение перекусить я отклонил, но когда выяснилось, что в бутылке виске из буфета осталось ещё по глотку на каждого, я согласился помочь её докончить. В крохотной квартирке было душно, даже с поднятой рамой окна. Сэлли приготовила для нас высокие стаканы с содовой и кубиками льда; их приятно было взять в руки. Вечер, можно сказать, удался.

Но вот я, рассматривая Сэлли сквозь свой стакан, заметил вдруг, что она вновь плачет, — столь же бесшумно, как плакала у нас в конторе. Марсиане снова были рядом.

Внутренне я выругал себя за то, что не имел ума распрощаться с Сэлли у её порога и тем самым избавить себя от таких сцен. Теперь вот успокаивай её, когда пора уходить! И почему эти марсиане, если уж мы так им понадобились, не появились раньше, когда у меня было вдоволь времени убедить её в их несуществовании!

Но как бы то ни было, а я не мог просто сидеть и притворяться, будто не замечаю Сэллиных слёз.

— В чём дело, Сэлли? — заговорил я.

— Эд, мне страшно. Я чувствовала себя в безопасности, пока ты был со мной, — и это очень любезно с твоей стороны! Я пыталась не думать о том, что меня ждёт. Но теперь...

— Сэлли, — сказал я, — бояться тебе совершенно нечего. Нет никаких марсиан — во всяком случае, не на Земле. А если они есть на Марсе, то не причинят тебе никакого вреда — они очень далеко отсюда! И потом — зачем им это?

— Я не знаю, Эд; самой хотелось бы знать. Ведь тогда... тогда бы это было не столь ужасно — знать, почему они замышляют на меня зло. Вот собираются меня убить, — это я знаю!

— Сэлли, ты ошибаешься. Ты сама это всё придумала. Никакой опасности нет!

— Тебе, Эд, легко говорить. Ты не знаешь... Слушай, Эд, если останешься здесь на ночь, всего лишь на одну ночь, — ты же можешь спать в этой комнате, а я в спальне, — то я дам тебе те сто долларов.

Да, сотня долларов у неё была! — тот комочек банкнот, который она вынула его из сумочки и попыталась всунуть мне в руку.

— Убери, Сэлли! — возмутился я. — Не могу я. Честно, не могу. И не проси.

Она поняла, что я не шучу, и убрала деньги. Бедная девочка, подумал я. Эти марсиане и исходящая от них угроза были для неё реальны — настолько реальны, что она предлагала мне все свои деньги просто за присутствие рядом в течение одной ночи. А покинь я её, так глаз не сомкнёт от страха. Сумасшедшие вы или нет, а такое не шутка.

— Сэлли, — сказал я, — а к психиатру ты не обращалась? Нет, честно, вот на кого тебе следует потратить свои деньги. И те, что у тебя при себе, и те, что ещё удастся достать. Эти марсиане, Сэлли, — они лишь у тебя в голове.

Сэлли вытерла глаза и взглянула на меня.

— Эд, ты столь же нечестен, как и твой дядя. Вы отвергаете саму возможность того, что я могу быть правой. Ведь так?

Спрошено было прямо. Я лишь вздохнув, говоря:

— Так, Сэлли; я, кажется, и впрямь нечестно себя веду. Но если я допущу возможность того, что ты можешь оказаться права, и дойду даже до того, чтобы остаться здесь на ночь сторожевым псом, — но только в этой комнате, — то пообещай мне, что ты завтра же отправишься к психиатру. И пусть с этих денег — потому что я не в службу это делаю — начнётся курс твоего лечения.

— Хорошо, Эд!

Я почти желал, чтобы она не согласилась, но в ней не было и секундного колебания. Страх улетучился из её взора, и она улыбнулась мне слегка дрожащими устами.

— Ты замечательный парень, Эд Хантер, — почти с нежностью произнесла она.

Я же подумал про себя, что это я дурень замечательный.

Телефон находился на расстоянии вытянутой руки от кресла, в котором я устроился; я снял трубку и назвал номер дома с меблированными комнатами, в котором квартировали мы с дядюшкой. Зуммер повторился почти полдюжины раз, прежде чем к трубке подошли. То был дядюшка Эм.

— Алло, — произнёс он. (Вероятно, он ждал от меня известий у нас на этаже и прислушивался к телефону; шесть звонков — как раз за такое время можно добраться из нашей комнаты на втором этаже до телефона, стоящего на первом этаже в передней.)

— Дядя Эм, это Эд. Прости, что не позвонил раньше.

— Господи, малыш! Я уж думал, что тебя захватили марсиане. Ты всё ещё с этой сумасшедшей дамочкой?

— Да, но с нами всё в порядке. Не могу сейчас объяснять, но вернусь я только утром.

— С ума спятил, Эд! Сходи лучше в Брукфилдский зоопарк и попроси их пустить тебя переночевать к гремучим змеям — всё будет безопаснее. Боже мой, малыш, знаешь ли ты, что делаешь?

Я на это надеялся. Но в присутствии Сэлли не было возможности растолковывать, что в постель я ни к кому не залезу, а потому я сказал только:

— Я знаю, что делаю, и делаю это правильно, но объяснять долго. Завтра расскажу.

Мне пришло в голову, что дядюшка будет меньше беспокоиться, если я дам ему свой адрес и номер телефона. Я назвал ему и то и другое и подождал, пока он запишет.

— Хорошо же, Эд. Говорят, что Провидение заботится о дураках и пьяницах. Ты там, судя по голосу, трезвый, так что сам понимаешь, в какой ты категории. Доброй ночи.

— Доброй ночи, дядюшка. Брось дурные мысли.

Я положил трубку и оглянулся. Пока я говорил по телефону, Сэлли, оказывается, отлучалась в спальню. Теперь она как раз выходила оттуда, и в руке у неё был пистолет.

Глава 2

Она приближалась, и я напрягся, чтобы, уловив момент, выхватить у неё пистолет. Но тут я заметил, что он вовсе не направлен на меня, да и указательный палец девушки не на курке.

— Подумала, что тебе лучше иметь это при себе, — сказала Сэлли. — Купила вчера, но, боюсь, не сумею применить. А ты сумеешь, в случае чего.

Носовым платком я промокнул взмокший лоб и взял у неё чёрный автоматический пистолет тридцать второго калибра. На предохранителе.

— Заряжен, — объявила Сэлли. — Поосторожнее с ним.

Я и так, предосторожности ради, вынул магазин, а затем отодвинул затвор посмотреть, есть ли патрон в патроннике. Его там не было, а потому пистолет не выстрелит, даже если я вставлю магазин на место. Знала ли Сэлли об этом? Наверно, думала, что пистолет готов к бою. Я спросил:

— Что бы ты, Сэлли, сделала, если бы понадобилось в кого-то стрелять?

— Как что — нажала бы на курок. Разве не так стреляют? — Предохранителя, значит, для неё тоже не существовало. Ну и пусть, так даже лучше.

— Конечно, — заверил я, — стреляют именно так. Ну, возьму пистолет себе.

Я вставил магазин, но не стал досылать патрон в патронник. Пистолет я положил рядом с телефоном, сам встал и зевнул. Хотел лишь для виду, но мой зевок превратился в настоящий. Сняв пиджак, я повесил его на спинку ближайшего стула.

— Уже, Сэлли, за полночь, а вставать мне завтра рано. Надо всё же немного поспать. Но ты не беспокойся; у меня лёгкий сон, и чуть что — я просыпаюсь. Входная дверь заперта?

— Сейчас запиру. — Исполнив, Сэлли пояснила: — Входная дверь тут всего одна. Из спальни наружу двери нет. Только окно на вентиляционную шахту. Что ж, Эд, располагайся. Мне спать ещё не хочется; сегодня поздно валялась в постели. Ячитаю в постели. Спокойной ночи, Эд, и — я очень тебе благодарна.

— Спокойной ночи, Сэлли.

Девушка на секунду замерла в дверях, и мне захотелось подойти и поцеловать её. Она, я знал, не была бы против. Но я побоялся, что на том дело у нас не кончится.

— Я, Эд, оставляю дверь приоткрытой, хорошо? В комнате только то окно на вентиляционную шахту. Без лёгкого сквозняка задохнуться можно.

— О'кей, Сэлли. Иди уже.

Сквозь приоткрытую на несколько дюймов дверь я слышал, как она ступает к своей кровати. Не раздеваясь, я устроился как можно удобнее; снял только туфли, галстук да расстегнул воротник. Перед креслом, в котором я расположился — набивным, между прочим, — я поставил ещё и стул, чтобы вытянуть ноги. Погасил свет и попытался заснуть.

Долгое время у меня не получалось. В голове крутились разные мысли. И всё-таки я, вероятно, задремал, суда по тому, как подскочил от телефонного звонка, раздавшегося прямо над ухом.

Схватив трубку, я крикнул: «Алло!» — и ведь не подумал, что этого, вероятно, делать не следует. Какой-нибудь Сэллин приятель либо родственник справедливо удивится, услышав среди ночи мужской голос, отвечающий по её телефону. Сэлли потом придётся подыскивать объяснение. Да, не следовало! — надо было Сэлли позвать.

Но на том конце линии раздался щелчок — трубку повесили. Я тоже вернул трубку на место, выругав себя за проявленную глупость. И ещё — я очень удивился, отчего это звонивший сразу повесил трубку, даже не спросив, туда ли он попал.

Я взглянул на светящийся циферблат своих наручных часов; было почти что два ночи. Дверь в спальню была приоткрытой, в щель лился свет, но не доносилось ни звука. Либо Сэлли крепко уснула за чтением, либо намеренно оставила свет включённым, отходя ко сну. Даже телефонный звонок её, вероятно, не пробудил, иначе бы она уже стояла в дверях с вопросом, кто звонил.

Я решил, что лучше ей рассказать об этом звонке. Кто бы там ни звонил, а повесил он трубку, вероятно, решив, что не туда попал. А потому ещё перезвонит. И раз уж я допустил такой промах, что поднял трубку, Сэлли надо поставить о том в известность.

Я позвал её по имени, затем приблизился к двери и позвал громче. Ответа не последовало.

Я растворил дверь пошире и заглянул в спальню.

Сэлли Доеерр лежала на кровати. Нагая. Я сделал движение убрать голову за дверь, но тут с ужасом осознал, что её глаза раскрыты. Широко раскрыты, а взгляд уставлен в потолок. Войдя к ней, я коснулся её тела. Оно было холодным. Таким прекрасным и таким холодным. Чудная грудь не вздымалась и не опадала. И нигде на теле никакой отметины. Я вновь тихонько вышел и, оставив дверь раскрытой, снял телефонную трубку. После минутного размышления я назвал домашний номер капитана Бассета из отдела убийств. Он наш с дядюшкой Эмом близкий приятель; нам довелось оказывать ему услуги.

Спустя некоторое время в трубке раздался сонный голос. Я проговорил:

— Это Эд Хантер, Фрэнк. Во-первых, запиши адрес и номер квартиры. — Я назвал и то и другое.

— Есть, — ответил Фрэнк. — А что там?

— Мёртвая девушка. Смерть выглядит естественной, да сопутствующие обстоятельства несколько жутковаты. Веских причин обращаться в отдел убийств нет. Но мне хотелось бы, чтобы ты приехал да прихватил с собой судмедэксперта.

— Понял, Эд. Через полчаса. Сейчас же позвоню доктору Грэму, чтобы тоже немедленно одевался, и тогда прибудем одновременно.

— Спасибо, Фрэнк.

Я вернул трубку на место и постоял не двигаясь — размышляя, не позвонить ли также и дядюшке. Наконец я решил, что он всё равно ничего не сможет сделать, а потому и беспокоить его причин нет. Пусть спит, да и нашу домовладелицу миссис Брэйди незачем злить, подымая звонком с постели.

Вернувшись в спальню, я вновь взглянул на Сэлли Доеерр. Её поза была естественной, разве что одна рука, правая, была закинута на подголовник кровати. Наверно, Сэлли хотела дотянуться до цепочки торшера, что стоял рядом. Но если бы она дотянулась до этой цепочки и выключила торшер, её рука не осталась бы там. Да и торшер всё ещё был включён. Голова Сэлли покоилась поверх двух подушек, словно бы девушка читала, и рядом с ней, прямо на кровати, лежала книжца карманного формата.

Я взглянул на название. «Жизнь на иных мирах» некоего Г. Спенсера Джонса. Ничего себе чтещице на ночь для девушки, снедаемой страхом перед марсианами!

Я повернулся к окну. Оно было раскрытым, но за ним виднелась лишь шахта воздушного колодца, весьма неширокая. Я высунул голову и огляделся; вверху и внизу в шахту выходили чужие окна, но на моём уровне — ни одного. Кто-то, не исключено, мог бы проникнуть в комнату, спустившись из верхнего окна либо же взобравшись из нижнего, но следов тому не находилось, да и подоконник твердил об обратном: на нём скопилась суточная пыль летнего Чикаго, совершенно не потревоженная.

Я подумал о яде, а потому вернулся на середину комнаты, осмотрел пол рядом с кроватью и даже заглянул под кровать: вдруг где-то валяется коробочка с таблетками или пузырек с жидкостью. Заглянул я и в посудный шкаф и даже в крохотную ванную, где осмотрел медицинскую аптечку. Единственное, что выглядело похожим на яд, было полпузырька йода, но если Сэлли и умерла от отравления, то не йод был тому причиной. Отравление йодом определяется безошибочно.

Подумал я и о возможности удара током, а потому пригляделся к торшеру, который Сэлли могла задеть в минуту смерти. Понимая, что поступаю глупо, я коснулся металлической стойки: не ударит ли и меня током? Не ударило. Я потянул за цепочку и выключил торшер, а затем включил вновь, чтобы оставить его в том же состоянии, в котором и нашёл.

Но Сэлли могла тянуться к абажуру, чтобы наклонить его под желательным углом, поэтому я снял абажур и осмотрел его. Он был весьма необычный, очень красивый, каких не купишь в магазине. Металлический, матовый, — внутри алюминиевый, снаружи медный. Я решил было, что он сделан из сплошного металла, и очень удивился тому, насколько он лёгкий, когда снимал его со светильника. Затем я убедился, что абажур всё-таки пластмассовый, а медь и алюминий представляют собой лишь два слоя фольги внутри и снаружи. Я приладил абажур назад, под тем же углом.

Я вновь обошёл комнату, высматривая всё, что могло бы показаться необычным или не на месте. Ничего такого не находилось, ничего необычного в целой комнате, за исключением обнажённой девушки на кровати — девушки, которая опасалась, что её вот-вот настигнет смерть.

Вернувшись в гостиную и включив там верхний свет, я одел туфли, галстук и пиджак, после чего мне уже не оставалось иных дел, как сидеть и ждать прихода Бассета с доктором.

Бассет прибыл первым. Впустив Фрэнка, я провёл его к двери в спальню. Он только присвистнул.

— Вот так-так! Это же та чокнутая, что приходила к нам! Вчера, в отделение, просила защитить её от марсиан. Правда, была одетая.

— Не ты говорил с ней, Фрэнк?

— Нет, то был Макклейн. Но и я с ней там столкнулся. — Пока Бассет это говорил, его усталый взгляд рыскал по комнате, подмечая каждую деталь. — Макклейн усадил её и покинул, — вышел из кабинета, чтобы спросить меня, не схожу ли я поговорить с её семьёй. Они живут возле Роджерс-парка, а он знал, что у меня командировка в ту сторону. Я в самом деле побеседовал с её опекуном, чтобы выяснить, не опасно ли оставлять эту девушку гулять без присмотра, — может, следует задержать для освидетельствования.

— И что сказал опекун?

— Сказал, что она не сумасшедшая, в добром здравии, просто легко внушаема и временами её посещают дикие идеи, которые проходят сами собой. Он признал, что данная идея более дикая, чем предыдущие, но сказал, что поговорит с ней и выяснит, не нуждается ли она в помощи психиатра. Ну, с нас того и достаточно. Если эта бредовая идея у неё единственная, то в Чикаго существует уйма людей с мыслями и похуже. Вот знаю я одного, кто...

— И вы, значит, её отпустили?

— Отпустили. Я позвонил Макклейну, и он ответил, что раз её опекун так на это смотрит, то задерживать девушку он не станет. Когда бредовые идеи не опасны, то какого чёрта? Вне стен сумасшедшего дома гораздо больше психов, чем внутри него, и коль скоро они пока что...

— Нам лучше немедленно позвонить её опекуну. Его зовут Стэнтон, — да ты и сам знаешь, раз говорил с ним. Есть у него телефон?

— Есть, от него-то я и звонил Маклейну. Но сейчас придёт доктор Грэм. Можно ведь подождать, пока он её осмотрит; тогда мы будем лучше знать, что сказать Стэнтону. Ты был с ней в комнате, когда это случилось?

Я покачал головой:

— В кресле, что в гостиной.

Бассет недоверчиво посмотрел на меня, но задал следующий вопрос:

— Спал ты или бодрствовал?

— И то и другое. Даже не знаю, если взять ту минуту, когда она умерла. Я находился здесь неотлучно примерно с полуночи до той минуты, как позвонил тебе — а это было примерно в два. Думаю, что с час я не мог заснуть, а потом ещё на часок задремал. И всё, что мне известно, так это то, что смерть произошла в промежутке от полуночи и до двух ночи. Сюда я вошёл в два, и она уже была мертва.

— Чего это тебя потянуло в спальню? Одиночество заело?

Только я успел поведать Бассету про телефонный звонок, который меня разбудил, как раздался стук в дверь. Мы впустили доктора Грэма. Бассет ввёл его в курс дела, и доктор прошёл в спальню, прикрыв за собою дверь.

— Давай-ка, Фрэнк, я расскажу всё по порядку, — предложил я, когда мы вновь остались вдвоём. — С этой девушкой я познакомился лишь сегодня, и рассказ мой не займёт много времени.

И я начал от той минуты, как Сэлли Доерр пришла к нам в агентство. Когда я подошёл к тому, как согласился провести ночь у неё в гостиной, да бесплатно, мои объяснения этому поступку, сам сознаюсь, прозвучали не очень убедительно: нужных слов я не нашёл. Но Бассет, поверил он мне или нет, не перебивал.

А когда началась последняя часть моего рассказа, — как я нашёл девушку мёртвой и сразу же позвонил ему, Фрэнк спросил меня, касался я чего-либо или передвигал, не важно — до или после звонка.

— Её я, конечно же, потрогал, — сказал я, — чтобы убедиться, что она мёртвая. Торшер я тоже трогал: выключил его, а затем вновь включил, — тоже чтобы убедиться, не бьёт ли ток, но всё в порядке. Осмотрел всё в спальне и в ванной, но ничего не передвигал.

— Трогал ещё что-нибудь?

— Только собственные вещи. Перед сном я снимал туфли, пиджак и галстук, так вновь их надел, пока ждал вас.

Дверь в спальню раскрылась; доктор Грэм вышел к нам.

— Признаков насильственной смерти нет. Если бы я знал, что у неё было слабое сердце, я бы сказал, что то был сердечный приступ. Её история болезни вам известна? Знаете, кто её лечил?

— Я выясню, — сказал Бассет. — Побудете здесь пару минут?

Судмедэксперт кивнул. Бассет высмотрел номер в справочнике и вызвал его. В ожидании ответа Фрэнк обратился к доктору:

— Не можете ли назвать время смерти?

— Пока только предположительно. По меньшей мере два часа назад.

Это означало, подумал я, что Сэлли умерла ещё до того, как мне удалось заснуть, — почти сразу, как разделась и прилегла почитать. Большую часть времени я охранял труп.

Тут Бассет спросил в трубку мистера Стэнтон, а затем коротко переговорил с ним. В продолжение разговора он что-то набрасывал у себя в блокноте. Положив трубку, Фрэнк сказал:

— Стэнтон сейчас придёт. Он подтвердил, что у Сэлли было слабое сердце, и дал мне имя и номер врача, который её лечил. Я позвоню ему.

— Пусть тоже приезжает, — сказал Грэм. — Если она его пациентка, будет лучше, если он подпишет заключение.

Бассет выбрал нужный номер. Когда он закончил, Грэм спросил:

— Вы называли его «доктор Керри». Зовут — Уолтер?

— Верно. Знаете его, док?

— Только понаслышке. Очень хороший врач, из лучших кардиологов в своей области.

— Приедет, — проговорил Бассет. — Сказанное Стэнтоном он подтвердил. Сэлли много лет была его пациенткой. Увеличенное сердце, нездоровое. Её внезапная смерть его не удивила.

Грэм кивнул.

— Если он так считает, то достаточно будет одного лишь его осмотра; вскрытия не понадобится. Если только... — Врач взглянул на меня. — Если нет каких-то сопутствующих обстоятельств...

Я открыл было рот, чтобы рассказать о страхах Сэлли касательно сегодняшней ночи, но тут вспомнил, кто именно, по её мнению, собирался её убить, и рот мой вновь закрылся.

— Тебе, Эд, лучше слинять, — сказал Бассет. — А то приедет этот Стэнтон, да ещё жену привезёт, и как ты будешь выглядеть? Я-то вполне безумен, чтобы поверить, будто ты спал в этом кресле, но не думаю, что кто-либо другой проглотит подобный рассказ.

— Вероятно, ты прав, — согласился я.

— Так ты домой? Дуй лучше туда, на тот случай если вдруг понадобишься. Ну, скажем, если тот врач-сердечник будет колебаться при подписании заключения о смерти. Случись такое, заведём дело, потребуется вскрытие, и в офисе захотят твоей объяснительной. А коли смерть будет признана естественной, твой рассказ останется между нами. Впрочем, если я не свяжусь с тобой в течение ночи, можешь заглянуть утречком ко мне. Расскажу, чем всё кончилось, если интересно.

Обязательно загляну, решил я и заверил в том Бассета.

— Ну, Фрэнк, спасибо, — бросил я напоследок. — Понадоблюсь, застанешь меня дома.

В общем, я смотал удочки. До дому я добрался к трём; попытался попасть в кровать не тревожа дядюшки, но не удалось. Дядюшка раскрыл один глаз и спросил меня, какого чёрта, а потому пришлось всё ему рассказать. Сна его как не бывало; мы начали обсуждать произошедшее. Уже было полпятого, когда я, наконец, улёгся, но заснул не ранее шести.

Будильник зазвонил в семь; вспоминаю, что выключил его и лежал несколько минут, пытаюсь отогнать дурной сон, пока не пришло осознание реальности произошедшего ночью: Сэлли Доерр, такая славная девушка, не важно — спятившая или нет, умерла.

Бассета я дождался в приёмной отдела убийств; он пришёл в девять. Я проследовал за ним в кабинет.

— Всё в порядке, — сообщил он. — Замётано. Доктор Керри подписал заключение; ни он, ни доктор Грэм не выразили ни малейшего сомнения в том, что у девушки случился сердечный приступ. Керри сказал, что это могло произойти в любую минуту и безо всякой причины.

— И всё же было бы лучше, — ответил я, — если бы такая причина нашлась.

— Керри этого не отрицал. Испуг, стресс, переутомление. Но Эд, ты же был там! Уж ты бы знал, случись там что-то из ряда вон!

— Вероятно.

Бассет срезал кончик сигары и сунул её себе в рот.

— Кстати, и Стэнтоны спокойно всё восприняли. Я вынужден был объясняться насчёт твоего присутствия там, раз уж девушку обнаружили глубокой ночью, но они и это сочли нормальным. Мистер Стэнтон, скорее всего, принял твою версию как должное, поскольку просил поблагодарить тебя за то, что ты помогал Сэлли.

Я бы прекрасно обошёлся и без его благодарности, но вслух того не сказал, а только —

— Мне что-то надо сделать?

— Да вроде бы нет. А тебе бы хотелось?

— Девушка успела мне понравиться.

— В общем, возиться нечего. Смерть признана естественной, и показаний под присягой никто от тебя не потребует. Мистер Стэнтон, кстати, разъяснил одну вещь, показавшуюся мне загадочной. Сэлли всегда спала голышом, не любила пижамы даже в холодную погоду.

— Как и я. Во всяком случае, ничего сверх трусов.

— Это и объясняет, почему она легла почитать одетой — или раздетой — таким вот образом. Но, с открытой дверью и имея тебя в соседстве, она либо очень уж тебе доверяла, либо надеялась, что ты всё же к ней заглянешь.

У меня и самого были приблизительно те же предположения, но говорить о них не хотелось. Собственно, у меня имелось много других поводов для разного рода предположений.

Я поблагодарил Фрэнка за то, что он приехал по моему вызову и всё устроил, и покинул отдел. Направился я в наше агентство.

Дядюшка Эм был там — дремал, как обычно, водрузив ноги на стол, в задней комнате. Письмо, которое я сочинял накануне, всё ещё оставалось запроваженным в пишущую машинку в приёмной. Я вновь принялся за дело, всякий раз подолгу подыскивая нужную клавишу. Вскоре дядюшка Эм выглянул из дверей.

— Мне показалось, что тут строчат из пулемёта.

— Сможешь лучше?

— Хуже точно не смогу. Слушай, ты же этой ночью так мало спал! Иди сюда да сосни, а я закончу.

Мы так и поступили. Заснуть я, во всяком случае, попытался. Но мысли о том, что Сэлли Доерр так внезапно умерла, не давали мне покоя, и чем больше я о том думал, тем менее мне всё это нравилось. Тем не менее, какой-то часок я пролежал в забытьи.

После полудня у нас появилось одно дельце. Ничего серьёзного; некий адвокат желал найти одного человека, в чьей подписи под заявлением об отказе от прав он нуждался для завершения сделки с собственностью. Нити, которые наш клиент дал нам в руки, были давними и неконкретными, и мы были последние, к кому он решил ещё обратиться, но мне представилась возможность убить вторую половину дня и добавить доллар-другой к нашему банковскому счёту, хотя клиенту мы так и не помогли.

В вечерней газете я увидел заметку о похоронах Сэлли Доерр, имеющих состояться на следующий день. Я разыскал ещё открытый цветочный магазин и заказал у них отправку цветов на указанное в заметке кладбище.

Следующий день была суббота. Ничего не произошло.

В воскресенье мы заспались, а встав, засели за утренние газеты. В два мы вышли на ланч, а покончив с ним, дядюшка Эм сказал:

— Ну, Эд, как убьём день? Не сходить ли на представление?

— Собираюсь повидать Джеральда Стэнтона, — огорошил я дядюшку.

— Кого-кого? Знакомое имя...
— Опекун Сэлли Доерр.
— Господи, малыш! Зачем он тебе нужен?
— Ещё и сам не знаю. Просто хочется с ним поговорить.
— Ты — вот что: чокнулся. Всё кончено, Эдди! Знаю, что ты продолжаешь об этом думать, только о чём, собственно? У девочки же был разрыв сердца.

— Возможно.
— Да, дьявол, возможно! Был. Нет, если тебе хочется повидать этого Стэнтона, то пожалуйста! Мне с тобой тащиться?

Я покачал головой. Нет, подумал я, незачем подключать дядюшку — если только я не выисмотрю чего-то, что потребуетя распутывать.

Так как мне всё равно больше нечего было делать, я и не озаботился сперва позвонить. Сел себе в трамвай до остановки «Роджрс-парк», а оттуда прошёлся до адреса, найденного в телефонной книге на имя Джеральда Стэнтона. Оказалось, что живёт он в трёхэтажном доме из шести квартир. Номер «три» на втором этаже. Домофон отсутствовал, а потому я прошёл напрямиком к нужной двери и постучал.

Открыл мне долговязый кудрявый блондин.

— И что я могу для вас сделать? — спросил он.

Голос его был сипловат, глаза норовили разъехаться в стороны. Небось, принял будь здоров, но был к тому привычный. Лет, этак, сорока.

— Я хотел бы поговорить с мистером Стэнтоном. Он дома?

— Вот-вот будет. Входите, коли желаете дождаться. Наш дом — ваш дом, и прочая ахинея. Стул, пожалуйста. Выпить хотите? Хотите, я знаю!

А, так то был Рэй Вернеке, иначе «дядя Рэй», пьянтос. И мне, чтобы что-нибудь из него вытянуть, придётся принять его правила. Пьянтосы — они ведь такие: с ними выпьешь, так душу вам раскроют, и до смерти обидятся, когда откажетесь составить компанию.

И я сказал: «Спасибо, непременно». Бутылка была тут как тут, на кофейном столике. Недорогое виски. А стакан для меня Вернеке достал из буфета. Виски в него он лил как воду, и хотя я сразу же сказал «хватит», Вернеке это ничуть не остановило.

Стакан в восемь унций, до краёв наполненный чистым виски и без глотка запивки в поле зрения, нужен был мне как пара кандалов на ноги, но я мужественно и с благодарностью его принял. Тотчас пригубил, чтобы выказать себя хорошим.

Мы сели: я на софу, а Вернеке на стул по другую сторону кофейного столика.

— А то одиноко! — радостно объяснил он. — В доме только Дики, но он не пьёт. Правда, ему всего одиннадцать, его нельзя винить. В одиннадцать и я не пил, — ну, возможно, лишь горячий коктейль «тодди» — туда, кроме виски, ещё добавляют лимон, сахар... — это когда простужался. Те «тодди» я любил! И сейчас люблю; иногда делаю себе. Хотите горячий «тодди»? Выпивайте, и я сварганю.

— Спасибо, как раз тружусь над этим. — И я сделал второй глоток, чтобы показать свои успехи.

— Я, значит, говорил, отчего Дики не пьёт. Всего одиннадцать. Впрочем, и остальная семейка — не того... Думают, что пить до наступления темноты — это глупо. Глупо не пить! Джеральд и Ева поехали прокатиться — глотнуть свежего воздуха. И что им в том свежем воздухе! Хотите увидеть Дороти?

— А она дома?

Вернеке мрачно покачал головой.

— Пошла в кино. Я велел. А то сидела бы здесь да кручинилась. А склонных к психопатии от кручины нужно оберегать. Дороти склонна, хоть и разумная девушка. Я же помогаю ей сохранять психическое здоровье. Сэлли не позволяла мне помогать ей. Не любила меня. Вероятно, в меня не верила. А Дороти меня любит. Я смогу ей помочь.

— А как помочь?

— Своим знанием науки о психическом здоровье. Я в том специалист. Разбираюсь в психиатрии лучше иных психиатров. Всеми техниками владею. Работал отгадчиком мыслей в варьете. Ясновидением занимался. Всю жизнь изучаю подобные вещи. Знаю, о чём вы сейчас думаете.

— И о чём же?

— Что мне следовало бы самого себя излечить от пьянства.

Вернеке оказался чертовски прав, и я со смехом признал это. Чокнутый или нет, а он начинал мне нравиться.

Глава 3

— А я всегда прав, — заверил меня Вернеке. — Но вот вам мой ответ: с лёгкостью брошу пить. Только зачем? Мне это нравится, к чему ж прекращать? Я не об алкоголе. К спиртному у меня тяги нет. Пью, потому что люблю пить. Что в том плохого?

— Ничего, полагаю, — ответил я.

— Ну, сокращу себе жизнь на немного, так что? Живу той жизнью, которой хочу жить, пока жив. Логично?

— Думаю, так.

— Ну, и не пью же всё время. Только половину. Когда трезв — голова работает прекрасно! Столько всего придумывается в эту трезвую половину моей жизни, сколько не напридумывают иные за всю свою трезвую жизнь. У Дики Стэнтон тоже умишко что надо. Исключительно одарённый ребёнок. Но ему всего одиннадцать. Не пьёт! Ты знал Сэлли?

На это я просто кивнул. Пока он так разглагольствует, мне самому стоит говорить поменьше.

— Чудесная девушка. Но меня не любила. А ведь мог бы помочь, вылечить её! Ты был её другом? (Я вновь кивнул.) Зашёл, значит, выразить соболезнование... Нехорошо так говорить, но я рад, что ты зашёл. Выпить не с кем, а до возвращения Джеральда и Евы я обещал оставаться дома. Допивай же, а то я сильно опережаю.

Я сделал ещё глоток и объяснил, что не люблю пить быстро.

— Логично! Никогда не пей быстро, а то не успеешь как следует начать, а уж закончил. Лучше так: достигни края и оставайся на нём. Своих лучших результатов я добивался, когда был на краю.

— А в какой области?

— Изобретения. Приложение ментальных наук к электронике. Замечательные вещи выходили! Средства, правда, поступают от электронных приборчиков. Были патенты несколько лет назад, это с них постоянный доход. Отчисления за право пользования авторским трудом. Не много, но много и не нужно. Я не привередлив. Достаточно, чтобы пить то, что нравится. С женщинами не связываюсь. Ты — любитель женщин?

— Любитель.

— Молодой ещё. Пить лучше. Так о чём это я? Ах, да! На выпивку мне хватает. И здесь оплачиваю стол и дом. Это Стэнтону впрок, помогает сводить концы с концами, да и Дороти надо доучиться в колледже. Сэлли получать образование отказалась. Захотела работать, жить отдельно. Меня зовут Рэй Вернеке. Сэлли про меня рассказывала?

— Да, как про «дядю Рэя».

— То есть, говорила, какой я пьяница и неприятный тип. Не любила меня, а ведь я мог бы ей помочь. Я ведь ей не прямой дядя, а так, сколько-то «юродный». Ева — моя сестра. Джеральд с Евой удочерили девочек, когда их родители погибли в Колорадо. Десять лет назад. Сэлли было двенадцать, Дороти десять. Меня они зовут дядей Рэем. Но ты не зови меня дядей Рэем. Просто Рэем. Как тебя зовут?

— Хантер. Эд Хантер.

— Где-то я слышал это имя. Не ты ли... — Тут он воззрился на меня почти трезвым взглядом. — Ведь это ты был с нею в ночь на пятницу! Когда она умерла! Частный детектив, «защита от марсиан». Вот только не защитил. Не твоя вина.

— То есть, вы всё же думаете, что она на самом деле была убита?

Вернеке покачал головой.

— Нет, не думаю. Само выскочило. Никогда не обращай внимания на то, что у меня выскакивает, когда я пьян. Марсиане существуют, но какой им резон убивать Сэлли?

— Не знаю, — сказал я. — А почему вы думаете, что марсиане существуют?

— Контакт с ними. Мысленно. В глаза ни одного не видел, а видел — так не признал. Но они на Земле, среди нас. Замаскированные. Ты не марсианин?

— Сожалею.

— Всё равно бы не признался. Но возможно, ты и не марсианин. Боюсь, что именно я и внушил Сэлли мысль о марсианах. Нельзя было. Слишком сложная для неё идея. Но ума не приложу, с чего она взяла, будто они её преследуют. Я ей такого не говорил! Ей следовало лечиться.

— Если вы не разыгрываете меня, мистер Вернеке, — сказал я, — если вправду верите в присутствие на Земле марсиан, то откуда вам известно, что у них не было причин преследовать Сэлли?

— А потому что они дружелюбны. Я ведь читал их мысли. Только я, насколько мне известно. Хотели бы кого-то убить, так меня бы и убили. А, ну вот и Джеральд с Евой.

Дверь отворилась; я поставил свой стакан на столик и встал. Миссис Стэнтон вошла первой. Полная, средних лет, и вид несколько глуповатый, что, однако, ей шло. Простая женщина, которая дни напролёт смотрит мыльные оперы. Мистер Стэнтон, вошедший следом, выглядел постарше, этак на пятьдесят. Был он мал и худ, с несколько землистым цветом лица, весь какой-то болезненный.

Рэй Вернеке, так и не встав с дивана, произвёл процедуру представления. Женщина кивнула и посмотрела на меня мрачным безжизненным взглядом, — так глядят коровы. Стэнтон же приблизился и протянул руку.

— Рад знакомству, молодой человек. Не пройти ли нам в кабинет? — И когда мы там оказались, когда Стэнтон прикрыл за нами дверь, он продолжал: — Предложить вам выпить?

— Спасибо, меня уже угостили и напиток был крепковат; боюсь, я так и не допил.

На лице Стэнтоня появилась гримаса.

— Гостеприимство моего шурина не восполняет культуру питья. Количество он предпочитает качеству и ждёт того же от других. Заговорил вас, должно быть?

— Вовсе нет.

— Опасаюсь, что у вас сложилось о нём неверное впечатление. Он ведь вполне сносен, когда трезв. Да и когда выпьет, я никогда не видел его злым и желающим поскандалить. Всего лишь немного приставучий, и то лишь когда пьёт несколько дней подряд, как сейчас. Это на него, вероятно, смерть Сэлли так подействовала. Он её любил.

— Без взаимности, — уточнил я.

— Это он вам сказал или Сэлли?

— Получилось, что оба так сказали.

— Всё верно. К Рэю Сэлли испытывала неприязнь; я никогда этого не понимал. Сестра её этой неприязни не разделяет, наоборот — испытывает к Рэю симпатию. Как и мы с женой.

— В результате нашей с ним беседы, — сказал я, — прояснилась одна вещь: где Сэлли набралась мыслей о марсианах. Неужто мистер Вернеке на самом деле в них верит? Или только дурачится?

— Это может прозвучать странно, мистер Хантер, но я и сам не могу ответить на этот вопрос. Когда Рэй трезв, он отрицает всяких марсиан и смеётся этим выдумкам, но стоит ему уйти в запой, как марсиане словно бы делают его навязчивой идеей. А ведь Рэй — не сумасшедший, поскольку запои — не сумасшествие. Ум у него в самом деле блестящий; сейчас его болтовня, вероятно, была несколько бессвязной, вот вы этого и не увидели. Но он владеет широкими научными познаниями, особенно в психологии и психиатрии.

— Он говорил мне, что работал телепатом в варьете. Это так?

— Тут, я боюсь, он над вами подшутил. Он имеет степень бакалавра и в свои тридцать лет работал преподавателем в высшей школе; своё свободное время он в тот период посвящал электронике и получил несколько патентов, которые по сей день приносят ему стабильный доход. Этот доход, я бы сказал, и погубил его карьеру — с общепринятой точки зрения, сам он думает иначе. Доход позволил ему оставить работу и налечь на алкоголь. С тех пор он и не трудится, — лишь время от времени для собственного удовольствия. Но оставим эту тему. Я столько наговорил лишь потому, что вы видели Рэя не в лучшую минуту. Могу быть вам чем-нибудь полезен, мистер Хантер?

Он был бы очень полезен, продолжая свои рассказы, но я того ему не открыл.

— Я лишь вот что хотел бы спросить у вас, мистер Стэнтон. Полностью ли вы удовлетворены заключением о том, что смерть Сэлли была естественной? Да, с медицинской точки зрения это

так. И марсиане, в который Сэлли верила, — это миф. Но меня смущает совпадение: Сэлли полагал, что её собираются убить, и она в самом деле умерла.

— Я... я не вижу, каким образом Сэллина смерть может не быть естественной, мистер Хантер. То, как поведал мне о том капитан Бассет, не оставляет никаких сомнений, тем более что ведь и судмедэксперт, и её лечащий врач-кардиолог сошлись в едином мнении. А сами вы находились в соседней комнате, ведь так же, и, кажется, в тот час не спали?

Я кивнул. Да, все мои подозрения — будто возможно убить человека с очень слабым сердцем столь внезапно и при этом не оставить на лице жертвы даже выражения испуга — звучали глупо. Да и окно, распахнутое в вентиляционную шахту, привлекать в качестве некоего средства.

— Не то чтобы я полагал, мистер Стэнтон, будто бы Сэлли умерла не своей смертью. Просто... просто мне хочется исключить малейшую возможность чего-то иного.

Взгляд Стэнтона посуровел.

— Боюсь, молодой человек, что не могу согласиться с вами в том, что тут будто бы замешана чья-то злая воля. Как и не могу нанять вас произвести расследование. Если вы знаете, что такое универсальный магазин, то поймёте, что как закупщик я не создал себе капитала. А поскольку мы должны обеспечивать учёбу Сэллиной сестры в колледже...

Я перебил Стэнтона.

— Но я вовсе не это имел в виду, мистер Стэнтон! Для меня это личное. Ведь, как никак, а Сэлли надеялась на мою защиту. Если только её убили, значит это я провалил дело.

Мистер Стэнтон медленно покачал головой.

— Ошибаетесь вы, мистер Хантер. То есть, это я надеюсь, что вы ошибаетесь. На каком основании мы должны предполагать, будто Сэлли была убита? Но если уж вы нечто подозреваете, я не встану у вас на дороге: от своего имени вы можете предпринимать какое угодно расследование. Чем могу — помогу.

— Тогда скажите мне вот что. Была ли кому-нибудь — хоть кому-то! — выгодной в каком-либо отношении эта смерть?

— И речи нет. Доерры оставили дочерям лишь несколько сотен долларов, давно растраченных, и немного совершенно бесполезной земли на северо-западе Колорадо.

— И кто наследует Сэллину часть?

— Даже не знаю. Насколько мне известно, завещания она не оставила. Да и зачем бы ей... Я и сам до сих пор о таком не думал. Не знаю даже, как там по закону, — поскольку Сэлли умерла без завещания, — ко мне переходит имущественное право, либо же к Дороти как её сестре. — Стэнтон вздохнул. — Я ведь того совсем не добиваюсь. Участок почти ничего не стоит, и мы только приветствовать будем Дороти в качестве наследницы. Но ведь необходимы будут некоторые определённые законом процедуры, чтобы осуществить полноправную передачу права на владение.

— Но точно ли вы уверены, что участок ничего не стоит? — продолжал настаивать я.

— Так случилось, что в этом мы уверены точно. Менее года назад нам предложили за него триста долларов. У Сэлли с Дороти тот час появилась фантазия, что участок, вероятно, стоит баснословных денег, что кто-то проведал про нефть либо что-то подобное. И одна фирма по геологоразведке из Эль Пасо послала специалиста обследовать землю; с ним и мой шурин отправился. Рэй всё равно тем летом планировал путешествие на Запад, он и решил выяснить источник и мотив того предложения о продаже. Я читал отчёт специалиста. Земля совершенно бесполезна, за исключением одного плоского участка: там скот пасти можно, да и то если больше нигде. Никакой нефти, никаких минералов. Он даже со счётчиком Гейгера там прошёлся — вдруг уран.

— А выяснил мистер Вернеке, откуда поступило предложение?

— Тут как раз никакого подвоха. Хозяин ранчо с примыкающего участка. Он всё равно пас там своё стадо, вот и захотел вовсе приобрести землю, если получится по номинальной стоимости. Готов был поднять цену даже до четырёхсот долларов, но никак не выше.

— Честная цена, как вы думаете?

— Вполне. Но девочки решили не продавать, уж не знаю отчего. Налог ничтожен, несколько долларов в год. А им нравилась сама мысль, что они владеют участком земли, даже ненужной.

— Это и вся их собственность?

— Это вся. Даже страхования жизни нету. После того, как Сэлли пошла работать, я вспомнил, что она говорила что-то про небольшой полис, — на похороны. Но я очень сомневаюсь, чтобы она реально обзавелась таковым. Среди её бумаг никакого полиса не оказалось. Был небольшой банковский счёт; запись показывает, что там было сто восемнадцать долларов, но в прошлую среду она сняла сто наличными. Эти сто долларов нашлись в её сумочке.

Я кивнул. За эти сто долларов Сэлли пыталась нанять нас, а потом предложила одному мне, чтобы я защищал её в течение ночи. Я рассказал обо всём этом Стэнтону, как и то, что в случае надобности Сэлли обещала достать ещё сотню.

— Не имеет, конечно, значения, — прибавил я, — но на что она тут намекала? У вас бы заняла?

— Сомневаюсь; ей известно наше материальное положение. К Рэю бы пошла, хоть, вероятно, и скрепя сердце; но он бы ей одолжил. А то и заняла бы в ссудной кассе — под обеспечение жалованья. Не знаю.

Как я и сказал, это не играло роли. Я вернулся к теме собственности в Колорадо, — это тоже мало что значило, но тут всё же мог скрываться хоть какой-то мотив, а больше ничего в голову не приходило.

— Самим-то вам известна та фирма по геологоразведке? — спросил я. — Заслуживает доверия?

— Она мне прекрасно известна. «Уэйд энд Макнэлли», и самого Макнэлли я знаю очень хорошо: учился с ним в школе, здесь в Чикаго, пока он не переехал на Запад и не сделался высококлассным недроразведчиком. Да и без того ясно, что эта фирма — крупнейшая и знаменита на Западе. Вот почему, когда девочки получили то предложение насчёт продажи, я написал Джорджу, а не фирме Дэнвера. Дэнвер обошёлся бы нам дешевле, поскольку им не надо было так далеко забираться.

— Макнэлли не сам поехал?

— Нет, но он отписал мне с докладом, что отправлял одного из лучших сотрудников, — я помню его имя, поскольку оно подходит для такой профессии: Джек Сильвер.

— И не было других предложений о покупке, после того как девочки отклонили те четыреста долларов?

— Нет и, вероятно, не будет. Следовало продавать, пока покупают.

— Были у Сэлли враги, мистер Стэнтон?

— Насколько я знаю, таких, кто бы испытывал к ней неприязнь, не существовало.

— Была ли помолвлена? Поклонники имелись?

— О, свидания у неё были! Но ничего серьёзного, насколько мне известно. Около месяца назад я уж подумал, что у неё всё же нечто завязалось с одним молодым человеком; вероятно, Сэлли вышла бы за него замуж, сделай он ей предложение. Но вдруг их отношения прекратились. Я упомянул о нём, когда Сэлли последний раз к нам заходила, а было это неделю назад, и она сказала, что больше с ним не встречается. Кто был инициатором разрыва, я не знаю, но и не спрашивал.

— А кто был этот молодой человек?

— Уильям Хаберман, если по имени. Я видел его, и он показался мне симпатичным, но известно мне о нём лишь то, что его отец владеет салоном подержанных машин в Эванстоне, и Уильям там тоже работает, машины продаёт.

— Вы сказали, что в последний раз Сэлли заходила сюда неделю назад, в ту субботу. Она была одна?

— Одна. Зашла на обед, а после они с Дороти отправились в город в кино. Потом Дороти вернулась.

— И с тех пор никто из вас не встречался с Сэлли и не разговаривал по телефону?

— Насколько я знаю, то было в последний раз. С Дороти она, возможно, и говорила по телефону, — это у Дороти надо спросить, — но я уверен, что больше они не встречались. У Дороти в университете летние занятия, чтобы подтянуть предмет, запущенный в последнем семестре; приближается экзамен, и она все вечера проводит дома, занимается. Вечером в четверг она куда-то выходила, но не с Сэлли.

— Вы знали, что Сэлли верит в марсиан?

— Знал. Одно время я пытался даже отговорить её от этой мысли, но бросил. — Стэнтон пожал плечами. — Когда у человека появляется навязчивая идея, так просто его не отговоришь.

— Но насчёт состояния её рассудка вы не беспокоились?

— Вообще-то, не очень. Интеллектом Сэлли не блистала, но во всяком вопросе проявляла рассудительность. Бывала, правда, мнительной, и этот вздор насчёт марсиан переняла, по-видимому, от Рэя, когда тот бывал навеселе, так что я, по крайней мере, знаю, где тут собака зарыта. Но ничего опасного я в том не видел. И помимо того, чтобы отговорить её от этой мысли, — а я делал такие попытки, уверяю вас, — что ещё можно было поделать?

— Может быть, отправить её к психиатру?

— И пообещать оплачивать его счета! Но она отказалась от психиатра, так что вот как. Не сумасшедшей же она была; смешно — да и жестоко — было бы принуждать её к осмотру. Я подумал — ну, может быть, и внушил сам себе, — что это просто сумасбродство, которое постепенно пройдёт, и уж во всяком случае оно безобидно. Так вы не хотите выпить, мистер Хантер? У нас в буфете имеется добрый шерри, и сам я с удовольствием выпил бы.

— В таком случае составлю вам компанию, — согласился я. — По крайней мере, собью привкус виски во рту. Мне не хотелось бы, чтобы поняли так, будто я вас осуждаю, мистер Стэнтон, но мне всё кажется, что отклонения у Сэлли должны были беспокоить её родных. Ведь если человек страдает манией, то это указывает на проблемы с психикой, а такое...

Я запнулся, подыскивая нужное слово. И прежде, чем я нашёлся, Стэнтон принёс два наполненных стакана.

— Понимаю вас, — сказал он мне. — Но неужели же мания означает помешательство? Разве не каждый из нас страдает какой-нибудь манией? Ну, вот лучший пример, с моей точки зрения: моя жена религиозна, верит в антропоморфного Бога, окружённого ангелами, херувимами и серафимами, Святым Духом и душами умерших праведников, и, что хуже, верит в дьявола в окружении чертей и грешных душ. А ведь между верой в такое и верой в марсиан я выбрал бы веру в марсиан не раздумывая. На Марсе есть каналы — или это астрономы так уверяют, — что говорит о том, что Марс населён разумными существами. И если вы следите за успехами в области ракетостроения, то знаете, что мы вскорости собираемся достичь Марса, уже при нашей жизни. Что невозможного в том, что марсиане первыми добрались до нас — и, будто бы, отнюдь не сегодня? И если у них там какая-нибудь сверхнаука, то почему им нельзя затеряться среди нас, существовать скрытно? Вот в это я могу поверить, а не в Царство Небесное. Марс существует на деле, я даже как-то видел его в телескоп. Там он. А Царство Небесное я покуда не наблюдал. Нет, честно, — только не говорите моей жене, — я думаю, что это она сумасшедшая, а не Сэлли.

Я глотнул из стакана; шерри оказалось недурным. В рассуждениях Стэнтона присутствовало слабое место, но мне не хотелось заострять на нём внимание. Да и было ли оно столь уж слабым...

— Но разве не забеспокоились вы, — спросил я, — узнав, что Сэлли обратилась в полицию с просьбой защитить её от преследования со стороны марсиан? Допустим, что вера в марсиан безобидна, но тут ведь ещё и мания преследования! Страх не столь безобиден.

— Верно. И всё-таки я был против того, чтобы полиция задержала Сэлли для обследования. После разговора с капитаном Бассетом я надумал вновь поговорить с Сэлли при первой же возможности и настоять, чтобы она обратилась к психиатру. Утром в среду Бассет заходил к нам; я как раз был дома — приболел, или, скажем, был болен сильнее обычного. Всю вторую половину дня я пытался дозвониться до неё по телефону, но она, видимо, не возвращалась домой часов до одиннадцати, когда я прекратил попытки. Наутро я снова стал звонить из магазина. Звонил весь четверг. Но теперь знаю, что после обеда она была уже с вами.

И тут я спросил:

— Не вы ли звонили ей часа в два утра, — я ещё от звонка проснулся?

— Нет, в последний раз я звонил в половине двенадцатого. Потом не мог. Врач предписал мне много спать. Моё сердце, боюсь, в значительно худшем состоянии, чем даже у Сэлли. Правда, тут другое. У Сэлли увеличенное сердце, а у меня грудная жаба. Работать я способен — ну, лишь проболую временами денёк, — но соблюдаю строжайший режим. — Стэнтон криво усмехнулся. — Мне и вот этого шерри нельзя было пить, да пропускаю стаканчик время от времени.

Пока он говорил, я доканчивал свой стакан. Сделав последний глоток, я встал и поблагодарил Стэнтона. Больше мне не о чем было спрашивать.

Гостиная была пуста, когда Стэнтон провожал меня к выходу; я был этому только рад. Разговаривать с миссис Стэнтон мне казалось лишним, да и Рэй Вернеке не лез со своим ужасным пойлом (а мой недопитый стакан всё ещё стоял на кофейном столике, куда я поставил его, чтобы пожать руку пришедшему Стэнтону).

В дверях Стэнтон сказал мне:

— Спасибо вам, что прислали цветы. Ведь вы знали Сэлли всего один день.

— Мне она очень понравилась, — объяснил я.

А по пути домой я подумал, что и Стэнтон был мне симпатичен. Насчёт Рэя Вернеке я не мог бы высказаться определённо; рассказ Стэнтон о шурине многое объяснял, и всё же Вернеке несомненно был с причудами.

Дядюшка Эм сидел дома, читал.

— Ну, малыш?

— Не многое, — ответил я на такой вопрос. — Дядя у неё ещё более сдвинутый, и эти мысли про марсиан — они от него. Но верит ли он сам в них — вопрос открытый. Говорит, что верит, когда пьян, а трезвый не верит.

— А что марсиане преследуют её, это он тоже ей внушил?

— Это он отрицает, и, думаю, правда. Дома Сэлли появлялась в прошлую субботу и была в норме. А в среду, за день до прихода к нам, Сэлли приходила в полицию, так что именно в этот промежуток ей стало чудиться, будто марсиане хотят её убить. Ранее того марсиане не выказывали враждебности.

— Ага... Что-то ещё? Выяснил, почему опекун не сводил её к психиатру? Особенно после того, как она обратилась в полицию за защитой?

Я рассказал дядюшке, что слышал.

— Что ж, малыш, вот всё и разъяснилось. Тебя уже ничего не гложет? Ты удовлетворён?

— Удовлетворён, кажется. Мне только ночной телефонный звонок не нравится. Стэнтон говорит, что он не звонил.

— А вдруг врёт? И по весьма простой причине. Проснулся среди ночи и решил вновь попытаться дозвониться. Ответил мужской голос. Значит, у Сэлли заночевал молодой человек, вот Стэнтон и смутился этим открытием, скоренько повесил трубку. А теперь стыдно признаться в том, что он заподозрил собственную подопечную в чём-то неблагоприятном, да ещё и трубку повесил, не сказав ни слова! Вот и отнекивается.

— Вероятно, — согласился я. Только я так не думал. — Как бы то ни было, а — никакого мотива, денежного или иного. А если бы даже и был, всё равно совершенно непонятно, как её ухитрились убить.

— Брось это, малыш, а то сам начнёшь верить в марсиан. Ну, что, сходим на представление?

Мы сходили на представление; вернулись ещё не поздно.

О Сэлли я старался больше не думать, но она мне приснилась. Будто бы я сидел в кресле у неё в квартире, а Сэлли раскрыла дверь из спальни, стала в проёме, нагая, и произнесла: «Эд, я боюсь. Иди, ляг со мной». Но не успел я двинуться или заговорить, как нечто высокое и тёмное показалось в дверях за спиной у Сэлли. Оно взмахнуло лапой, и Сэлли исчезла, и тогда чудище стало приближаться ко мне. От ужаса я не мог пошевелиться. Когда чудище приблизилось ко мне вплотную, я проснулся. Простыня и подушка были влажными от пота.

Комнату заливал лунный свет; я встал и подошёл к комоду взять с него журнал детективных рассказов. Будить дядюшку мне не хотелось, поэтому я прошёл с этим журналом по коридору в ванную комнату. Там я почитал немного, чтобы изгнать из головы остатки сна. Прочёл я рассказ об убийстве, но там всё было просто: жертву из автомата расстреляли гангстеры. Какие же это славные вещи, гангстеры с их автоматами. Лучше мне убедить себя, что Сэлли Доерр умерла естественной смертью, и что я глупец, подозревая иное. С такой мыслью я и вернулся в постель. Спал ли я, нет ли, не помню. Наступило утро понедельника, оно ничем не отличалось от прочих утр, но лишь до тех пор, пока в десять часов не зазвонил телефон.

Дядюшка Эм в ту минуту находился в приёмной, наливал себе стакан воды из кулера, я же смотрел в окно в задней комнате. Телефоны у нас в обоих помещениях, спаренные, и ответить мог любой из нас. Но ради того, чтобы, случаем, не схватиться за трубки одновременно, мы условились, что отвечать будет тот, кто находится в служебной комнате. Значит — трубку снял я.

- «Хантер и Хантер».
- Это один из Хантеров говорит?
- Да, Эд Хантер.
- Вы меня не знаете, мистер Хантер. Меня зовут Йат-Дун. — Так, по крайней мере, мне слышалось, а уточнить можно было и позже.
- Чем можем помочь, мистер Йат-Дун? — спросил я. Дядюшка Эм возник в дверях, ожидая, не подам ли я ему знака поднять вторую трубку.
- Просто Йат-Дун, — произнёс голос в трубке. — Мы не пользуемся в разговоре титулами вроде «мистер». Видите ли, я марсианин.

Глава 4

Я махнул дядюшке Эму, и тот исчез в дверях. Я же продолжал как ни в чём не бывало: «Что мы можем для вас...» — но тут послышался щелчок — это вторую трубку подняли с рычажков, и тогда голос сказал:

— Не пытайтесь отследить сигнал, а то я повешу трубку.

— Мы вовсе не пытаемся вас отследить, — заверил я. — Коли на то пошло, у нас и оборудования такого нет. Но другой мистер Хантер — Амброз Хантер — тоже здесь, и я дал ему знак поднять трубку параллельного телефона. Вы ведь не будете возражать?

— Нимало. Выслушайте же оба. Хочу поручить вам расследование смерти мисс Сэлли Доерр. Насколько я понял, вы и сами в нём заинтересованы.

— Кто вам сказал? — спросил я.

— Не имеет значения. По моим сведениям, вы не вполне удовлетворены заключением о том, что смерть Сэлли была естественной. Так ли это?

— Более или менее, — почти подтвердил я. — Только если её смерть не была естественной, то я не могу постичь, как её убили. Вы не подскажете?

— Не подскажу. Так вы согласны предпринять расследование? Разумеется, за приемлемую сумму. Скажем, в тысячу долларов. Плюс ещё тысяча в случае убедительного результата.

— Какую же цель вы преследуете, нанимая нас?

— А вам это важно?

— Боюсь, что да. Мы не можем работать на клиента в темноте. Нам нужно знать, кто вы и какую преследуете цель. А также как и куда посылать вам отчёты.

— Кто я и что из себя представляю, я вам уже сказал. Мой адрес вам не нужен, поскольку отчёты меня не интересуют. Если накроете убийцу, просто передайте доказательства полиции, и пусть она его арестует; уж я о том узнаю.

— Но каковы ваши мотивы?

— Просто мы, марсиане, никак не замешаны в смерти Сэлли. Марсиане не убивают. Когда же в умах некоторых из землян зарождается хотя бы малейшее подозрение, что мы как-то причастны к смерти мисс Доерр или к другим преступлениям, то мы желаем, чтобы эти подозрения были рассеяны. И надеемся, что ваше расследование их рассеет.

— Так вы не верите, что её смерть была естественной?

— Не вполне. Мои сомнения в точности таковы, что и ваши, — не более, не менее. И я не предоставлю вам никакой помощи, помимо финансовой. Так вы берётесь?

— Только если вы скажете нам, кто вы такой.

— Значит, берётесь. Ведь кто я такой, я вам уже сказал. Аванс вы найдёте под перекидным календарём на столе в вашей задней комнате. Благодарю вас.

Раздался щелчок. Тут же и второй — это дядюшка Эм положил трубку на параллельном телефоне в приёмной. Я положил свою трубку и уставился на аппарат.

Когда дядюшка показался в дверях, я уже приподнимал перекидной календарь. Никаких денег там не было. А я и не ждал. Мы с дядюшкой переглянулись.

— Есть мысли, малыш? Сумасшедший?

— Не знаю, — медленно проговорил я. — О Сэллиной смерти в газетах не сообщалось. А о том, что я был с Сэлли в момент её смерти, почти никто не знал, не говоря уж о том, что у меня, дескать, есть какие-то подозрения. Её семья, Фрэнк Бассет, пара врачей... Если бы то был голос Фрэнка, я бы решил, что это он нас разыгрывает.

— Это не Фрэнка голос, — сказал дядюшка. — Он, разумеется, мог поручить какому-нибудь сотруднику, но я не слыхивал, чтобы Фрэнк устраивал розыгрыши. А что, если...

— Что?

— Бен Старлок. Ведь это он прислал к нам Сэлли, вот и решил доиграть до конца.

Я кивнул. — Кажется, дядя Эм, ты прав. Голос был не его, но он, вероятно, подключил кого-то из своих. И он тоже дружен с Фрэнком Бассетом, вот от него он и узнал о том, что произошло в ночь на пятницу. Только... Да, видал я, какие розыгрыши откалывает Бен Старлок, но не столь же

бесцельно! Чувство юмора у него что надо. Я так и вижу, как он забавляется, посылая к нам Сэлли Доерр. Но вот этот телефонный звонок... Не пойму, что он нашёл в нём забавного. Чего он желал им добиться? Что мы воспримем всё всерьёз?

— По крайней мере, не после того, как не найдём под календарём денежек. Слушай, малыш, ты заглядывал под календарную подкладку. А посмотри-ка под сам календарь, как тебе и сказали. Я имею в виду, между календарём и подкладкой.

Не имея ничего против, я посмотрел.

В результате у меня в пальцах появилась тысячедолларовая банкнота. Та самая, что с портретом Гровера Кливленда прекрасной работы.

— Подери меня чёрт, — пробормотал я.

Дядюшка Эм принял банкноту из моих рук, тщательно осмотрел её и ощупал.

— Если поддельная, то чертовски хорошо сделана, Эд, — изрёк он.

Мы переглянулись; говорить нам не пришлось, ибо подумали мы об одном и том же. Банкнота могла оказаться настоящей либо поддельной, только Бен Старлок был тут ни при чём. Тысячей долларов так не шутят.

Кто бы там ни звонил нам давеча, он был настроен серьёзно. Насчёт того, кто он сам и какова у него причина желать расследования смерти Сэлли, звонивший, разумеется, наплёл нам небылиц, но он не шутя желал этого расследования. Тысячи долларов не пожалел.

Дядюшка Эм присел на край стола.

— Малыш, ты разговаривал как со Стэнтоном, так и с Вернеке. Это был голос одного из них?

Я задумался.

— Ни с кем из них я не разговаривал по телефону, а телефон ведь искажает голос. И всё же... в общем, если то был один из них, то голос свой он изменил. Повысил тон и, возможно, говорил сквозь шёлковый носовой платок, — нечто в таком роде. Я бы указал на Вернеке, а не на Стэнтона, но ведь, когда я разговаривал с Вернеке, тот уже был хорошо нагрузившись, и речь его была не вполне внятной. Будь он трезв, то и голос мог быть немного иным.

— А Вернеке — это который верит в марсиан, так ведь?

— Может верит, а может и нет. Но если он пожелал поручить нам расследование смерти Сэлли, то почему сделал это таким странным способом? Мог бы действовать открыто.

— То же и Стэнтон. По всему выходит, Эд, что один из этих двоих. Кому ж ещё? И кто бы он ни был, у него, значит, имелись причины держаться инкогнито.

— Что ж, — согласился я, — на данном этапе вполне можно полагать, что это либо один, либо другой.

— Вполне можно, малыш. И вот у нас деньги, причём выпущенные в Америке, а не на Марсе. Что же с ними делать? Сигару от них прикурить, что ли?

— Но этично ли будет принять их в качестве аванса, если мы не знаем, кто наш клиент?

Дядюшка Эм вновь воззрился на банкноту.

— А почему нет, если само дело не является чем-то зазорным? Это ведь всего лишь расследование смерти с целью выяснить, было то убийством или не было.

И всё же дядя колебался. — Давай так, — решил он: — не будем торопиться и сдавать её в банк. Если мы начнём копать в этом деле — а мы ведь непременно начнём, — то и выясним, чьи это деньги и зачем ему понадобилась анонимность. И может случиться, что, когда мы найдём так далеко, нам захочется держаться подальше от этих денег. А потому положу-ка я их в сейф, словно бы за отсутствием владельца. Мы таким образом, и не принимаем дела, и не отказываемся от него.

Сейф у нас был, но не потому, чтобы мы действительно в нём нуждались, — достался вместе с помещением. А раз так, то мы заплатили пару баксов, чтобы сменить цифровую комбинацию, да и держали в нём разные мелкие суммы да те документы, которые — их не было много — нам не хотелось хранить легкодоступными в картотечном шкафу. Этот шкаф запирался, но отвёрткой его мог вскрыть и ребёнок.

Дядюшка Эм засунул тысячедолларовую банкноту в конверт, а тот положил в сейф. Вновь усевшись за свой стол, дядюшка произнёс:

— Ну, Эд, иной работёнки у нас пока нет, так что и терять нам нечего. Сперва надо понять, как деньги тут очутились. Не далее чем в субботу я поместил новый перекидной календарь на эту

подкладку, так что деньги оказались тут не ранее того. И не позже той минуты, как я отпер контору сегодня утром, поскольку сегодня я ещё не покидал её. Ты спускался вниз за сигаретами примерно в час, но я никуда не отлучался.

— Так-так, — сказал я. — Значит, в ночь на воскресенье, в воскресенье либо же в ночь на понедельник — то есть этой ночью. Я думаю — именно этой ночью, после того, как я заходил к Стэнтонам.

— Вероятно, малыш. Хоть он и не признаётся, но на Стэнтона, возможно, нашло наитие после твоего рассказа о своих сомнениях в связи со смертью Сэлли. И вот после твоего ухода он направляется сюда и...

— Постой-ка, — перебил я дядюшку. — Судя по тому образу жизни, что ведёт Стэнтон, невозможно, чтобы у него в кармане нашлась тысяча долларов, а банки в воскресенье не работают.

— Давай, Эд, решать по одной загадке зараз. Сейчас нас беспокоит то, каким образом попали сюда эти деньги. Осмотрим дверной замок: не повозился ли кто с ним...

Мы отправились к двери и внимательно осмотрели замок. Царапин и иных отметин, которые говорили бы о том, что в замке ковырялись, мы не обнаружили. Замок был автоматический и очень хороший. Не обладая слесарскими навыками — и не будучи опытным взломщиком, — проникнуть внутрь можно было, только выломав этот замок.

Дядюшка Эм покачал головой.

— Не этим путём, Эд. Разве что выкрали ключ доступа у уборщицы. Должно быть, к нам проникли через окно по пожарной лестнице. Это достаточно просто: мы не закрываем окон в такую жару, чтобы по утрам в конторе не было душно.

— А вдруг наша уборщица — марсианка, — сказал я, — сообщница того, кто нам звонил. Она и подложила банкноту вместо него.

— Может, и так. А вот я спрашиваю их, да и коменданта здания, как они работают и где хранятся ключи. Но скорее всего — окно; пошли взглянем.

Мы вернулись в заднюю комнату и осмотрели подоконник нашего окна, выходящего на пожарную лестницу. Никакого следа на нём не оказалось, но пробравшемуся этим путём не было нужды становиться на подоконник, — достаточно было просто перешагнуть его. Я выбрался на лестницу и взглянул вниз, в переулок. Затем крикнул дядюшке, что собираюсь спуститься вниз да осмотреться там, а вернусь на лифте.

Я спустился три пролёта; лестница заканчивалась на уровне второго этажа. Там оказалась скользкая лесенка, которая могла доставала до тротуара, стоило только потянуть за противовес, благодаря которому она оставалась в поднятом положении. Я осмотрел желобки, по которым скользила эта лесенка, а также её направляющие, и вполне убедился в том, что лесенку уже давно не опускали, по крайней мере с той поры, как последний раз покрасили.

Я перегнулся через перила второго этажа, свесился с края прыгнул в переулок. Лететь мне пришлось фута четыре. Какой-нибудь спортсмен мог бы в прыжке с разбегу уцепиться руками за нижнюю перекладину пожарной лестницы, чтобы, подтянувшись, забраться на неё, но ни Стэнтон, ни Вернеке — в особенности Стэнтон — не походили на спортсменов, а потому я огляделся. Здание на другой стороне переулка было снабжено отгрузочной платформой. На ней штабелями были сложены ящики и коробки.

Человек в спецодежде вносил коробки из одного штабеля внутрь здания. Я вступил на платформу и подождал, пока он вернётся за новой охапкой; тогда я обратился к нему:

— Не скажете ли, этот картон и эти ящики остаются здесь на платформе на ночь?

— А? Это вам зачем знать? — Человек смотрел на меня с подозрением.

Я показал ему значок нашего агентства. — В здании напротив ночью случилась кража со взломом. Вот мы и думаем — не проник ли взломщик по пожарной лестнице. А если так, то как он до неё добрался. Будь у него под рукой эти ящики, он мог бы взгромоздить их один на другой, да и взобраться наверх.

— А! — Работник взглянул на пожарную лестницу, затем прошёлся до края платформы, где сплюнул табачную жвачку на тротуар. — А что... Это видите? — он указал на большую грудку упаковочных ящиков из дерева на дальнем конце платформы. — Пустые. Мы отпихиваем их туда с дороги, а потом, по понедельникам, приезжает один на грузовичке и увозит их, — ну, платит что-

то там за древесину. Прошлой же ночью всё это так здесь и лежало; сегодня я ничего ещё к тому не прибавил.

Я спросил:

— А не можете сказать, они в том же виде, как вы их оставили?

Работник обошёл груды, посматривая на неё.

— Кажись, выглядит иначе. Божиться не стану, но ближняя кипа сложена не того. Нет моего порядку.

Я подошёл поближе и убедился, что работник прав. Всего было четыре штабеля тары, каждый высотой футов шесть. Ближайший к нам сложен была явно небрежнее прочих.

— А не знаете, — продолжал я, — ночью этот переулок освещён? Если кто-то будет тут трудиться, фонарик ему понадобится?

— Не-а. Не темно, не оступитесь. Пару раз я зарабатывался допоздна, так что знаю. А много спёрли?

— Почесть, тысячу, — отозвался я. — Что ж, спасибо.

Я направился к парадному входу и на лифте поднялся на наш этаж.

— Похоже на правду, — согласился дядюшка Эм, когда я всё ему рассказал. — А убираться тем же путём ему не было нужды, если только он сам того не пожелал. На двери у нас пружинный замок. Забрался сюда через окно, а вышел в дверь; та сама за ним и захлопнулась.

— Но в таком случае, — возразил я, — ему пришлось бы вновь возвращаться в переулок, чтобы вернуть те пустые ящики на платформу. Лично я бы не стал.

— А он, значит, стал, — ведь дал же себе труд сочинять нам по телефону, что он марсианин и прочую белиберду. Выделяется, вот и всё. Небось, решил, что мы настолько глупы, что поверим, будто бы марсиане способны проходить сквозь запертую дверь, если только не оставить нам чётких свидетельств того, как именно к нам проникли. Но я всё же хочу поговорить с местными уборщицами.

— А зачем? Ведь мы почти уверены, что он проник в окно.

— Они могли видеть, как он уходит. Пока ты осматривался там внизу, я позвонил коменданту здания и разузнал насчёт ключей и времени работы уборщиц. Их две; одна убирается на четырёх верхних этажах, другая — с первого по пятый. В магазинчиках на первом этаже убираются свои. Уборщицы приходят каждый вечер — кроме воскресенья — в одиннадцать и работают до семи утра. Ключи к конторам индивидуальные, единого ключа доступа нет, и висят эти ключи на двух кольцах в чулане для мётел на втором этаже. Сам чулан запирается пружинным замком, и обе уборщицы имеют к нему ключ. Отправляясь на уборку, каждая берёт по своему кольцу с ключами. Скорее всего, так и было: наш приятель проник через окно; но я всё равно желаю поговорить с этими женщинами, по крайней мере с той, которая обслуживает наш этаж и нижние. Она могла заметить, как голубчик спускается по лестнице. Лифт по воскресеньям не работает.

— Но мы всё ещё не уверены, что он оставил нам деньги именно в воскресенье.

— А чего ж тут сомневаться! Этот ведь твой приход к Стэнтонам подстрекнул главу семейства — ну, либо же Вернеке — нанять нас. Вероятно... давай, знаешь, звать его Стэнтоном, — так вероятно Стэнтон и сам имел некие смутные сомнения, а твои вопросы, твои подозрения наложились на его собственные, и он решил действовать.

Я был согласен с дядюшкой.

— Думаю, ты прав. Иначе бы он нанял нас не откладывая, в пятницу или в субботу. Не позволил бы делу остывать несколько дней. Ну, хорошо: выяснить, кто наш клиент, непременно стоит, так что поговори с уборщицами. А мне тогда чем заняться?

— Я, малыш, думаю, что нам стоит иметь твой отчёт — главным образом для меня, чтобы изучить, — о той ночи на пятницу, а также о твоём разговоре со Стэнтоном и с Вернеке вчера в Роджерс-парке. Вкратце ты мне всё пересказал, но мог упустить неприметные детали, а мы не знаем, что окажется важным, а что нет. К счастью, на мелочи у тебя прекрасная память. Так что сваргань-ка полный отчёт о ваших беседах с Сэлли — ну, помимо личных материй, если таковые были, — и с двумя голубчиками из Роджерс-парка. Пока память свежа, занеси на бумагу каждое сказанное слово и всё, что там ни случилось. И нашу давешнюю беседу с марсианином тоже не забудь!

Я вздохнул.

— На это уйдёт весь остаток дня, но ладно уж. Вот так и чувствую писательский зуд!

— Слушай, малыш, а ведь мы богаты! Позвони-ка в агентство по найму, чтобы прислали стенографистку — да получше, чтоб смогла записывать с той же скоростью, как ты говоришь, и на весь остаток дня. Если ты заполучишь такую немедленно, то вы закончите к полудню, и до вечера она успеет всё перепечатать. Тем самым сэкономишь полдня, да и дело легче пойдёт.

— Прекрасно! — обрадовался я. — В соседнем квартале есть одно агентство по найму. Сбегаю посмотреть, что у них под рукой.

— Позвони, не бегай! Чего рассматривать, кто да как выглядит! Тебе нужна временная стенографистка, а не артистка кордебалета. Что тебе за дело, коли у неё окажутся кривые ноги да клыки будут выдаваться? Так даже и лучше, отвлекаться не будешь.

— Ладно, дядюшка. — И я взял телефонный справочник.

— Знаешь что, малыш? — вмешался дядя. — Сделай-ка вначале другой звонок. Мне кажется, нам надо бы взглянуть на ту квартиру, в которой проживала Сэлли. Если у Стэнтона всё ещё есть ключ, то понадобится его разрешение. Вы уже знакомы, тебе будет проще попросить. Так позвони ему от меня, я?

Я позвонил домой Стэнтонам. Ответила миссис Стэнтон; она сказала, что её муж на работе, и дала мне нужный номер. Там я Стэнтона и застал. Услышав мой вопрос насчёт ключа, он ответил:

— Мы там никогда не бывали, мистер Хантер, вплоть до той ночи, когда Сэлли умерла. На следующий день я разговаривал по телефону с владельцем того дома, так он сказал, что аренда оплачена до конца месяца, а потому можно не спешить; ну, мы туда ещё и не возвращались.

— И никто из ваших не бывал в той квартире?

— Ещё нет. Как-нибудь на неделе жена с Дороти сходят туда забрать принадлежавшие Сэлли вещи. Дороти, должно быть, подойдут платья, хотя бы некоторые. Ну, и другие вещи, я думаю.

— А мебель досталась Сэлли с квартирой, или была куплена ею?

— Квартира сдавалась с мебелью, а вот вещи поменьше Сэлли сама приобретала. Занавески, подушки, светильники и прочее. Дороти знает, что там чьё.

— Вы не против, чтобы мы в течение дня сегодня осмотрели квартиру?

— Вовсе нет. Только у меня ключа не имеется. Когда мы ночью уходили оттуда, дверь запирали капитан Бассет; что он сделал с ключом, мне неизвестно, но мне не передавал. Скорее всего, у владельца здания есть дубликат. Он живёт в квартире номер один, внизу.

Я поблагодарил Стэнтона. Дядюшка Эм слушал с параллельного телефона, и передавать ему наш разговор не было нужды. Он заглянул в дверь и сказал:

— О'кей, Эд. Звони в агентство по найму. Хотя нет, постой. Как тебе голос показался?

На секунду его вопрос поставил меня в тупик. Затем я понял и сравнил голос Стэнтона, впервые услышанный мною сейчас по телефону, с голосом нашего таинственного клиента.

— Возможно, возможно, — проговорил я. — Если он искажил свой голос, повысив тон и произнося слова более размеренно. Не сказал бы, что голос тот же самый, но и не стал бы это отрицать.

— Вот и я так думаю. Знаешь, малыш, если тебе понадобится сегодня поубивать время, то позвони ещё этому Рэю Вернеке, да послушай его голосок. Нанял нас, скорее всего, именно Стэнтон, но не будем отбрасывать и иную возможность. Ну, я пошёл. Повидаю наших двух уборщиц да осмотрю Сэллину квартиру.

По его уходе я позвонил в агентство по найму и подробно объяснил им, что мне от них нужно, а также что работа будет лишь на полдня и платить я готов по достойной почасовой ставке.

— У нас имеется девушка в настоящую минуту, мистер Хантер. Как раз сейчас у меня с ней собеседование. Она имеет опыт секретарской работы. Спросить её насчёт работы на оставшийся день?

— Непременно, — подтвердил я. — И если она согласна, пусть побыстрее приходит.

— Минутку, пожалуйста. — И, спустя минуту: — Девушка отправляется к вам, мистер Хантер. Будет у вас минут через десять. Её зовут Моника Райт.

Я поблагодарил и вернул трубку на место. В ожидании Моника Райт я решил последовать совету дядюшки — поговорить по телефону с Рэем Вернеке. Мне и без того желалось поговорить с ним вновь, лично, так что было не придумать лучшего мотива для звонка, чем договориться о личной встрече.

Я вновь набрал номер Стэнтонов и теперь, когда ответила миссис Стэнтон, я спросил Вернеке. Спустя минуту в трубке раздался его голос: «Вернеке слушает». Судя по голосу, он был трезв — ну, либо не столь пьян, как накануне. Я назвал себя и объяснил цель звонка.

— Вечером буду дома, — сказал на это Вернеке. — Сможете зайти в районе восьми?

Я заверил, что смогу, и поблагодарил его.

Затем я вернул трубку на место, но не сводил с неё взгляда. Который из двух голосов более походил на голос нашего клиента? Ни один не казался мне более похожим, чем другой, но оказаться таковым мог каждый, слегка искажённый.

Тут отворилась наружная дверь, и я отправился взглянуть, кто пришёл. Для стенографистки вроде бы рано...

То был Фрэнк Бассет. Сняв шляпу, он утёр лоб и усмехнулся мне.

— Привет. Всё ли спокойно на Марсе?

Глава 5

— Спокойно, да не всё, — ответил я. — Вот что, Фрэнк. Только что я разговаривал со Стэнтоном по телефону, так он говорит, что у него нет ключа от квартиры Сэлли, что вы той ночью заперли дверь и не отдали ему ключа. Ключ всё ещё у вас?

Глаза Фрэнка расширились.

— Боже мой, Эд, так ты продолжаешь забивать голову этим делом? На кой чёрт? Но что касается ключа — да, я по рассеянности сунул его в карман, а на следующий день забыл о нём напрочь — после разговора утром с тобой. А вечером я проходил мимо, да и вернул ключ домовладельцу. Он живёт в том же здании.

— Разговаривали с ним?

— О чём бы? Я, разумеется, объяснил ему, что случилось, — дескать, один из его квартиросъёмщиков умер от сердечной недостаточности, но тело уже забрали, и кому надо, те обо всём позаботятся.

— А он что ответил?

— А какого ты ждёшь от него ответа? Ответил, что слабо знал Сэлли Доерр, но всё равно жаль её. Ещё он хотел знать, что будет с её имуществом, и я ответил, что её опекуны, возможно, свяжутся с ним на сей предмет.

— Стэнтон ему звонил, — подтвердил я. — Он выяснил, что аренда оплачена до конца месяца, а потому на этой неделе миссис Стэнтон и Сэллина сестра заглянут туда и позабирают её вещи.

— Ну, вот! Ведь я лишь в шутку спросил тебя насчёт Марса. Вообще-то я заскочил узнать, не прочь ли вы с Эмом засесть сегодня вечером за покер по-маленькой, у меня в конторе. И ребята соберутся.

— Я спрошу дядюшку, Фрэнк; он даст тебе знать. Сам я, боюсь, не смогу. На этот вечер я только что встречу назначил в Роджерс-парке.

— В Роджерс-парке? Послушай, Эд, — ты что, продолжаешь заниматься делом Сэлли Доерр? Стэнтон нанял тебя?

— Мы так полагаем, — ответил я. — Мы не...

Но тут раскрылась дверь и вошла какая-то девушка. Блондинка, среднего роста, миловидная. Её лицо с вероятностью могло оказаться привлекательным, сними она тёмные очки в роговой оправе. Я тотчас обратился к ней.

— Мисс Райт? — Стоило ей кивнуть, я продолжил: — Забыл сказать одну вещь, когда звонил в ваше агентство. Блокнот для стенографирования у вас, случаем, не с собой?

— Нет, мистер Хантер. Ведь вы же мистер Хантер?

— Один из них. Боюсь, без блокнота мы не сможем начать; не сбегаете ли купить? В одном квартале к северу есть магазин канцтоваров. Так как?

— Непременно.

Она вышла, а Бассет спросил:

— В чём дело? Уже можете позволить себе секретаршу? И не дурна!

— Это, Фрэнк, только временно. Есть у меня дельце, на которое я весь день потрачу, если стану сам печатать, а надиктовать смогу всего за пару часов.

— А! Но что ты имел в виду, говоря, что вы полагаете, будто бы Стэнтон нанял вас? Не получили аванса для уверенности?

Я решил, что не будет беды, если Бассет всё узнает, а потому рассказал ему про телефонный звонок, случившийся в десять. Слушая, Бассет начал было ухмыляться, и только когда я раскрыл сейф и предъявил ему тысячедолларовую банкноту, лицо его сделалось не на шутку серьёзным.

Банкноту Бассет хорошенько пощупал, затем посмотрел на просвет. — Надо же, настоящая! — проговорил он наконец. — Я легко распознаю фальшивки. Но какого чёрта Стэнтону — а это Стэнтон, уж точно — подсовывать её вам исподтишка?

— Вот этого мы ещё и не выяснили. Вместо Стэнтона это может оказаться и Вернеке, не забывайте. По телефону я проверил обоих насчёт голоса, но определённо ничего не скажу. Мне даже кажется, что поработал некий посредник.

Бассет вынул свой блокнот и тщательно переписал серийный номер банкноты, прежде чем вернуть её мне.

— Попытаюсь проследить её путь к вам, — сказал он. — Банки записывают номера выдаваемых населению тысячедолларовых банкнот. Возможно, это поможет выяснить, кто ваш клиент. Это, видимо, всё же Стэнтон. Но вот зачем...

— Вероятно, по неким причинам, — перебил я, — ему нежелательно, чтобы остальные члены семьи — либо кто-то один из них — узнал, что он профинансировал расследование. Это бы всё объяснило. Вот только не сказал бы я, что его финансовое положение это стерпит. Скорее наоборот!

— А может, он не столь беден, каким хочет казаться, — предположил Бассет. — Множество людей уверяют, что разорены, а у самих там и сям попрятано.

— Да, возможно. Но уж тогда он и щедр! Мы бы подхватились и от гораздо меньшей суммы. Со стороны денег, скорее можно подумать на Вернеке. Хотел бы я знать, насколько всё-таки невелик его «небольшой доходец».

Бассет сдвинул шляпу на затылок.

— А вот я выясню. Самому интересно стало. Эта тысяча баксов сильно меняет взгляд на вещи. Если некие члены семьи не удовлетворены медицинским заключением о смерти, то у них, вероятно, имеются на то причины. Просмотрю-ка сведенья по Вернеке, да и по Стэнтону тоже. И если от этой банкноты проляжет дорожка к одному из них, схвачу его и выжму все соки, пока не выложит что знает, а ведь знает же, раз так расщедрился. Вероятно, я даже и с теми двумя докторами немного поговорю, хотя бы по телефону, — которые Сэлли осматривали.

— Было бы чудесно, Фрэнк. Мы это оценим. Их нужно будет спросить, нет ли чего такого, что можно дать человеку со слабым сердцем, и оно остановится, а других симптомов не будет.

— Правильно. Ну, я поехал. Держи меня в курсе.

Бассет отправился по своим делам, я же вернул банкноту в сейф. Затем я начал было вращать диск телефона, как вернулась Моника Райт. Я ввёл её в нашу заднюю комнату и усадил за стол; самому мне казалось, что будет лучше думаться и диктоваться, если я буду чувствовать простор.

Я принялся проговаривать всё то, что способен был вспомнить из встречи Сэлли со мной и с дядюшкой Эмом тем вечером в четверг, затем перешёл к тому, как я остановил её на лестнице, и ко всем прочим событиям того вечера. Я попытался продумать всё то, что Сэлли говорила и что могло бы, даже отдалённо, иметь отношение к случившемуся позже. Подойдя к той минуте, когда я собирался заснуть в кресле, я заметил, что уже первый час. Я спросил девушку, не желает ли она спуститься да поесть.

Она только глаза подняла.

— На самом интересном месте? Желаю знать, что было дальше!

Она произнесла это с таким увлечением, что я только усмехнулся, хотя тот час почувствовал, что случившееся далее не подходило под определение «захватывающее». Оставив ухмылку, я сказал:

— Боюсь, что с этой минуты ничего доброго там не произошло. Наверно, лучше, всё-таки, поесть сперва.

— Хотите сказать, что вы...

— Ладно, — вздохнул я. — Лучше уж закончить, чем объяснять.

Мы продолжили. Закончив рассказ о ночи на пятницу, я сказал:

— Время, наверно, к часу. Заканчивать до еды будем, или прервёмся сейчас?

— Продолжайте же. Давайте закончим. Пожалуйста!

Я выложил всё, что мог вспомнить, из своего разговора с Вернеке и затем со Стэнтоном, равно как и телефонный разговор с нашим клиентом с Марса.

— Вот и всё, — сказал я Монике. — Пошли. Есть хочется.

Я запер контору, мы спустились вниз и съели завтрак. За кофе Моника обратилась ко мне.

— Мистер Хантер...

— Эд, — поправил я. — Ведь и я буду звать тебя Моникой.

— Эд, а вы не сочинили всё это? Всё правда?

— Это всё правда, — заверил я девушку. — В точности как было.

Она слегка, и очень мило, вздрогнула.

— Ужас какой! Но отчего вы... То есть, если бы вы легли спать не в том кресле, а...

— Мисс Райт, — сказал я, — Услуги, не входящие в прейскурант, сыщик клиентам не оказывает.

Она слегка покраснела, отчего стала только привлекательнее. Но попытки не бросила:

— Она не была вашим клиентом. Вы не взяли с неё денег за защиту.

— Послушай, Моника. Девушка эта была нездорова. Душевно больна. Покинь я её, уйди от неё, она провела бы долгую и страшную ночь. Я правильно сделал, что не ушёл. И я также правильно сделал, что...

Я запнулся, сам подивившись тому, точно ли правильно поступил, решив оставаться в этом проклятом кресле. Не останься я в нём, разве Сэлли было бы хуже? Разумеется, если она действительно умерла от разрыва сердца, а я был бы в ту минуту рядом, то хуже было бы мне, а не ей. А если её всё же убили, то не была бы она спасена моим близким присутствием?

Но она не была убита. Не могли её убить, просто никак! Только почему тогда некто настолько подозревает здесь убийство, чтобы всучить нам тысячу долларов наличными? И я вновь, как и раньше, почувствовал, как всё запутанно.

— К чёрту всё, возвращаемся в контору.

Мы вернулись, и я усадил Моника с её записями за тот стол, что был оборудован пишущей машинкой. Снабдив её пачкой писчей бумаги, наблюдая как она стучит по клавишам, я дивился, почему то, что она мне сказала, заставляло меня так негодовать, а вдобавок искать оправдания, хотя бы против себя самого. А также почему тот факт, что она с тех пор вовсе не упоминала Сэлли, раздражал меня даже больше.

— Мне надо кое-кого повидать, — сказал я Монике. — Если зазвонит телефон...

Телефон зазвонил. То был дядюшка Эм.

— Заполучил стенографистку, малыш? Сможешь с ней справиться?

— Диктовать я уже закончил, — сказал я дядюшке. — Сейчас собирался пройтись к Бену Старлоку.

— Хорошая мысль. Вероятно, Сэлли он послал к нам на авось и без задней мысли, но не худо будет всё же выяснить. Больше никаких мыслей, верно?

— Верно. Только эта, — убедиться, что послал к нам её именно он.

— Гм-м... Не подумал об этом. Впрочем, — он, кто ж ещё, непонятно только зачем. А всё, что я успел до этой минуты, так это поговорил с обеими уборщицами. Ни одна из них не видела никого в здании вечером в субботу. Таким образом, идентифицировать нашего клиента с этой стороны мы не можем. Либо он приходил до того, как они заступили на смену, либо он и пришёл, и ушёл по пожарной лестнице. Сейчас я двигаюсь в сторону Сэллиной квартиры.

— Добро, — сказал я. — Покопайся там как следует. Я лишь по верхам глянул, особенно никуда не лез. Туда уже спешил Фрэнк, и я должен был заверить его, что ничего не трогал; Фрэнк, кстати, был здесь. Спрашивал, не придёшь ли к ним поиграть в покер.

— Пока не знаю. Не то чтобы мне было чем заняться по этому делу. Но я тем или иным способом свяжусь с ним. Какова эта стенографистка?

— Замечательная, — ответил я.

Дядюшка рассмеялся.

— Слышны утробные ноты. Но, наверно, тебе нельзя говорить свободно. Это... ты рассказал Фрэнку про нашего клиента?

— Рассказал.

— Хорошо. Рад, что он в курсе насчёт денег. Не пострадаем, если с этим делом окажется что-то не так. Не забывай, что мы просто держим эти деньги на условном депонировании, пока не узнаем, кто нас нанял и что им движет.

— Оставим эту высокую нравственность, — отозвался я. — Особенно теперь, когда Бассету всё известно. Он между делом собирается проследить купюру по серийному номеру, проверить, кто из двоих, Стэнтон или Вернеке, финансирует расследование.

— Отлично. Что ж, я вернусь, как побываю у Сэлли, но там я проведу, вероятно, два или три часа. Да поговорю с домовладельцем. Всё равно ведь встретаться с ним, чтобы ключ получить. Вернёшься раньше меня — развлекайся как знаешь, только дверь запри.

Я хмыкнул и бросил трубку на рычажки. На улице было весьма жарко, но мне хотелось пройтись, и я покинул контору.

Старлок поздно отправился на ланч, так что пришлось его дожидаться. Вернувшись, он бросил мне:

— Привет-привет. Неужели вновь желаешь поступить к нам на службу?

— Ещё не приспичило. В другой раз, Бен.

— Пойдём в мою берлогу. Серьёзно, всё ли у вас в порядке с Эмом? Надеюсь, что так.

— Если серьёзно, — ответил я, — то мир ещё не запалили, и неизвестно, сможем ли. Зато — платёжеспособны.

— Это хорошо. — Старлок заложил руки за голову и откинулся назад в своём вращающемся кресле, которое отчаянно заскрипело. — Не позволяйте себя утопить. Обстановочка сейчас не очень. Вот у меня двое сотрудников штаны просиживают в задней комнате. Это всё жара. Бог знает отчего, а только в периоды аномальной жары в детективные агентства не очень-то обращаются. Как только вновь загрузимся по полной, лишних клиентов придётся вновь к вам посылать.

— Это как раз то, о чём я хотел спросить вас, Бен. О клиенте, которого вы послали к нам в четверг. Сэлли Доерр. Это она так нам сказала, что вы послали её. Не подшутить ли вы решили над нами?

Старлок ухмыльнулся.

— Ну, в общем, да. А что такое?

— В общем! А в частности?

— А в частности... В общем, девчонка была мне симпатична. Я пытался убедить её отправиться к психологу или к психиатру, вместо того чтобы тратить деньги на детективов. Не преуспел. И мне подумалось, что если я просто выгоню её, она отправится наудачу в другое агентство, которое позарится на её деньги. Стало жаль её денег, вот и решил послать её к вам с Эмом. Так что — верно, частью это была шутка, но в глубине также и надежда, что вы дадите ей тот же совет, а чем больше людей это сделают, тем больше шансов, что она послушается. В особенности тебя, Эд. Ты к чему угодно склонишь женщину.

— Спасибо, — сказал я, — и вас я уважаю. Но разочли вы, Бен, верно. То самое я ей и посоветовал. И ведь она согласилась так поступить — на следующий день. Но ей не довелось. Той же ночью она умерла.

Кресло под весом Старлока завизжало.

— Чёрт! — проговорил он. — Как?

— Предположительно, разрыв сердца. Но кое-кто не верит. Мы получили задаток и проводим расследование.

— Могу я, Эд, помочь вам?

Я ответил Бену:

— Просто расскажите мне, что в точности происходило, когда она пришла сюда, — всё, что рассказала. Могла ведь сказать вам нечто такое, чего не рассказала нам.

Старлок сжал губы.

— Что ж; случилось это приблизительно в такое же время дня, около двух, в прошлый четверг. Она пришла и спросила у Джейн, нельзя ли ей поговорить со мной.

— Вас она назвала по имени?

— Нет, просто спросила директора. Обычно Джейн задаёт парочку вопросов, чтобы просеять проходящих, но не в тот раз. Я сидел тут, ничего не делал, да и дверь была открыта; видел, как эта Сэлли Доерр разговаривает с Джейн. Да, на неё стоило посмотреть; люблю рыженьких. Джейн заглянула сюда — взглянуть, вероятно, чем я занят, я и кивнул. Тогда Джейн ввела посетительницу. Та сказала, что желает нанять нас для защиты, и я предложил ей присесть. Тут она и принялась за своих марсиан.

— И что она про них рассказала?

— Что они собираются убить её — или пытаются убить, забыл, что именно.

— Рассказала какие-нибудь подробности — почему это они так или как она о том узнала?

Старлок выдавил кривую улыбку.

— Да нет; мне мгновенно стало неинтересно. Я сказал ей, что все наши сотрудники заняты, и мы не сможем ей помочь. Предложил обратиться в полицию, — подумалось, что если она настолько безумна, как мне кажется, то так будет лучше всего: они задержат её для освидетельствования. Она ответила, что уже была в полиции и там ей помочь отказались; спросила, не посоветую ли я ей какое-нибудь агентство, которое не было бы столь загружено.

Я уже хотел сказать «нет», как вдруг подумал о вас с Эмом и... тут, как я уже говорил, была частью шутка, но частью — нет. Мне подумалось, что вам удалось бы прочистить ей мозги и отправить туда, куда ей сразу надо было идти, — к психиатру. Ох да, я ведь и сам предложил ей это, ещё до того как она спросила меня про другое агентство, но она и слушать не стала.

— А вы её не спросили, почему она выбрала именно ваше агентство?

— Да, спросил; мне самому любопытно стало, не послал ли кто-то её ради шутки же и сюда. Но она ответила, что нашла нас в телефонной книге, и это вполне правдоподобно. Вот, полагаю, и всё, Эд, что могу тебе сообщить. Жаль, чёрт возьми, девочку. Серьёзно думаешь, что не всё там чисто? Или занимаешься этим формально, поскольку кто-то нанял?

— Сам не знаю, — признался я. — Просто совпадения не нравятся. А Сэлли, наоборот, нравилась; я провёл с ней вечер, она была славной девушкой. Ничуть не спятившей, если забыть об этой мании. Что ж, Бен, большое спасибо.

— Жаль, что не могу помочь чем-то ещё.

Я вышел на улицу; было так жарко, что я решил глотнуть холодного пивка да немного поразмыслить. Разговор со Старлоком не дал ничего, разве что развеял сомнения: Сэлли поведала нам правду — она действительно пришла от Старлока, да и причина, по которой Старлок послал её к нам, не вызвала сомнений. Но всё это никуда нас не вело.

Я направился к страховой компании «Холстед мьючиэл», где Сэлли, по её словам, работала. Там я провёл около часа, но не обнаружил ничего такого, что позволило бы двигаться дальше. Сэлли являлась всего лишь пешкой из команды в дюжину стенографисток, сидящих за дюжиной столов в большой комнате. Непосредственным начальником у неё была тощая старая дева по фамилии мисс Уилкинс (а имени у неё, вероятно, никогда и не было) — заведующая отделом; она распределяла среди своих подопечных текучку. В обязанности Сэлли входило печатать письма по установленной форме, временами страховые полисы. Ну и набрасывать под диктовку письма о предложении услуг от любого из распространителей, которому только могло понаняться написать какому-либо из своих клиентов. Зарабатывала она тридцать шесть долларов в неделю и спустя пару месяцев дошла бы, вероятно, до всех сорока. С начальством и коллегами была в хороших отношениях, но дружбы ни с кем не водила.

Совсем несложно было вызвать мисс Уилкинс на разговор, поскольку никто не озаботился позвонить в эту фирму и сообщить о Сэллиной смерти. Ожидалось, что этим утром Сэлли вернётся к работе — её отпуск закончился. Мисс Уилкинс дважды звонила к Сэлли на квартиру, но не получила ответа; она решила, что Сэлли уезжала из города и не возвратилась в срок. Мисс Уилкинс была этим возмущена; она гневалась на Сэлли за то, что та ни позвонила ей, ни телеграфировала. Весть о Сэллиной смерти столь её шокировала, что она даже не поинтересовалась, почему я задаю столько вопросов.

Я выразил согласие, что Сэллины опекуны должны были поставить мисс Уилкинс в известность.

— Вы говорите, что похороны уже состоялись? Компания, мистер Хантер, непременно послала бы венок от себя. Не пойму, отчего никто нам не сообщил.

— А с её опекунами вам доводилось встречаться?

— Нет, не доводилось. Согласно нашим данным, она проживала не с ними, но снимала где-то квартиру. Разумеется, в деле есть и адрес, и телефон. Желаете получить их?

Я поблагодарил и ответил, что они у меня уже имеются. И тут мне пришла в голову одна мысль. Вряд ли задуманное что-либо дало нам, но попробовать стоило: мы ничего не теряли. И я спросил у мисс Уилкинс, имеется ли у них список очередников на должность, либо они начнут искать Сэлли замену с чистого листа.

— Я позвоню в агентство по найму, — ответила на это мисс Уилкинс. — Списка очередников у нас нет.

— Мне, вот, подумалось... — протянул я. — Есть одна девушка, очень хорошая стенографистка, и как раз в данный момент ищет работу. Её зовут Моника Райт. Могу я прислать её к вам?

— Что ж... с удовольствием побеседую с ней, только бы она не мешкала. Когда сможет прийти?

— Да сегодня же после полудня.

— Тогда присылайте. Если ей нужна работа и она нам подойдёт, то начнёт завтра же. Иначе мне нужно будет искать другую, и я обращусь в агентство по найму.

— Мне известно, где её найти, мисс Уилкинс. Будет здесь в течение часа, либо же я позвоню вам и скажу, чтобы вы обращались в агентство.

Назад до конторы я добирался на такси, чтобы не подвести мисс Уилкинс промедлением. Моника всю печатала в нашей приёмной, а дядюшка Эм восседал в служебном помещении. Услышав мой приход, он поспешил выйти.

Бросив обоим «привет», я попросил Моника поучаствовать с нами в совещании. Пройдя в заднюю комнату, мы расселись вокруг письменного стола.

— Моника! — начал я. — Тебе ещё сколько печатать?

— Часа три. Может, и меньше, но два — так точно.

— А дома у тебя есть пишущая машинка? Не сможешь закончить вечером дома?

— Смогу. А что такое?

— Теперь, Моника, — сказал я, — об этом деле тебе известно почти столько же, сколько и нам с дядей Эмом. Мне кажется, ты могла бы немного помочь нам. Как ты на это смотришь?

— А что нужно делать?

— Освободилась место Сэлли в фирме. Стэнтонам, вероятно, и в голову не пришло в эту фирму позвонить. Предлагаю тебе поступить на это место. Только что я разговаривал с её нанимательницей и сказал той, что кое-кого пришлю — свою знакомую, хорошую стенографистку, которая в настоящее время ищет работу. Почему бы тебе, в самом деле, не устроиться туда на работу?

— Какие обязанности? И много ли платят?

— Работа стенографистки-машинистки в «Холстед мьючиэл». Сэлли получала тридцать семь с перспективой до сорока. Тебе, вероятно, придётся начинать с тридцати пяти.

— Боюсь, Эд, этого недостаточно. Моя квалификация позволяет мне зарабатывать поболее. На предыдущем месте я зарабатывала пятьдесят — и меня даже не увольняли. Просто та фирма перенесла свой головной офис, а уезжать за ними из Чикаго мне не хотелось.

— Пусть жалование тебя не беспокоит, — сказал я. — Ты проработаешь там всего неделю, просто чтобы познакомиться с коллегами Сэлли по работе и порасспросить их о том, о сём. Вероятнее всего, ты ничего не узнаешь, но и мы ничего не теряем. Не вижу, каким образом Сэллина смерть могла быть связана с её работой, но проверить стоит, особенно раз это так просто сделать — лишь послать тебя на её место. — Тут я посмотрел и на дядюшку, чтобы не показалось, будто я один всё решаю. — Я прав, дядя Эм?

Дядюшка вполне меня понял и вознамерился внести ясность.

— Вы, Моника, денег на том не потеряете, — сказал он. — Если устроитесь на место и проработаете неделю, то получите... скажем, семьдесят пять долларов. Соглашайтесь на любое жалование, а разницу мы вам доплатим. Начнёте с тридцати пяти, добавим сорок. Это вас устроит?

— Звучит замечательно, мистер Хантер. Когда и с кем я должна увидеться?

Я всё ей объяснил и велел отправляться немедленно, причём взять такси. Дядюшка Эм прибавил:

— Скажите, что приступите завтра же, и, если получите это место, то возвращайтесь. Мы всё обговорим, и я объясню вам, какие нужно будет задавать вопросы. Договорились?

В общем, Моника тот час ушла, чтобы попасть в страховую компанию до истечения предписанного мисс Уилкинс часа.

— Как тебе только это удаётся, малыш? — обратился ко мне дядюшка Эм по её уходе. — Даже по телефону норовишь заказать всё словно какую-то беженку — из Европы да в Голливуд¹. У тебя при себе что, карманное издание Зигфельдовых блондинок? Или требуешь предварительного уведомления?

— Ничего я не требую. Она хорошая стенографистка и не глупа, так что вполне справится с нашим заданием. А что до прочего — так уж какая есть.

— Она тебя что, обидела?

— Замечания её мне не понравились. Уж успела выразиться в том смысле, что лучше бы мне провести ночь поближе к Сэлли, чем в соседней комнате.

— И впрямь не глупа, — усмехнулся дядюшка. — Ну ты их себе и подбираешь!

— Ты же, чёрт возьми, сам настаивал, чтобы я... Ладно, проехали. Собственно, в этом и весь вопрос: если только мы не выясним, естественной ли была смерть Сэлли, мне так и не узнать, сыграло ли свою роль то обстоятельство, где именно я провёл ночь.

Дядюшка Эм положил руку мне на плечо; больше он не насмешничал.

— Прости, Эд. Если и есть тут чья-то вина, так только моя. Но мы же, чёрт возьми, сыщики, мы не предсказатели! У нас нету возможности наперёд знать, что произойдёт!

— О'кей, — вновь произнёс я: — проехали. У Сэлли ты нашёл что-либо интересное?

— Ничегошеньки. Мило побеседовал с владельцем того дома — его зовут Корбицкий. Охотник поговорить, да сказать нечего.

— В такое дело мы вляпались, дядя Эм: все готовы всё выболтать, но им нечего.

— Не забывай, Эд, одной вещи: ведь, может статься, тут ничего и нет. Ну, в общем, я с ним переговорил, а потом побывал и у Сэлли, рыскал там дюйм за дюймом. И насколько могу судить, никто там с ночи на пятницу так и не побывал. Всюду, знаешь, трёхдневный слой нашей чикагской пыли, совершенно не тронутый. Никакого тебе подвоха, если и был ранее. Мне лишь одно оставалось: забрать стаканы, из которых вы с Сэлли пили положенное перед сном. Они так и оставались единственной не помытой посудой в раковине, на угловой кухоньке. Занёс их на обратном пути в лабораторию Кендалла на анализ содержимого.

— Я наблюдал, как Сэлли готовит это самое содержимое; в наших стаканах было одно и то же.

— Знаю, но у Сэлли было больное сердце, а у тебя оно здоровое. А вдруг туда попало нечто такое, от чего её сердце остановилось, а на себе ты даже не почувствовал? Вроде никотина, а? Не он сам, разумеется; в столь большой дозе ты бы его непременно ощутил. Но нечто столь же опасное в действии, а на вкус неразличимое. Вот и всунул некто смертельную дозу в бутылку, рассчитывая на то, что Сэлли примет чуток голландской храбрости перед сном, да и... Там было много виски?

— На две порции, не больше.

— Ну, вот, кто ж тут распознает за глоток-другой. Особенно если сердце раз — и остановилось. О, для Сэлли было бы вполне достаточно. Пустую бутылку из-под виски я оставил на месте, как и почти полную из-под содовой; невымытых стаканов нам достаточно.

— Достаточно, — согласился я. — Но не лучше ли было сделать Сэлли вскрытие?

— А на каком основании требовать его, малыш? Официально мы не подключены к делу — и вообще не знаем, на кого работаем. Вскрытия мог бы потребовать Стэнтон, но коли наш клиент — это он, то ведь не признаётся, а потому вскрытия ждать не стоит. Но если в лаборатории установят, что в стаканах было нечто помимо виски, соды и лимона, то нам лишь останется передать их заключение полиции. Вскрытие и впоследствии.

— И всё-таки, — продолжал я, — если Сэлли что-то приняла, то не знаю как, если только то средство уже не находилось в бутылке. Мы провели вместе всю вторую половину дня. И шлялись всюду без разбора. Ты не спрашивал в лаборатории насчёт средств, от которых одно сердце остановится, а другое и не подумает?

— Спрашивал. Есть такие средства. Например, эфедрин. Но не заметить его присутствие невозможно. Ты, случайно, не отметил у себя вдруг сердцебиения?

¹ В дальнейшем читателю назовут имя одной из таких беженок — актрисы Хеди Ламарр из Австрии. Она — одна из героинь фильма «Девушка Зигфельда» (1941), по имени персонажа Флоренца Зигфельда, режиссёра ежегодного «Зигфельдова ревю» и открывателя новых талантов.

— Не заметил. Разве что в ту минуту, как впервые заглянул к Сэлли в спальню; забилось, нечего скрывать! Но лишь на мгновение. А в бумаги Сэлли ты не заглядывал?

— Заглядывал, какие там были. Так, ничего особенного, не считая пачки любовных писем. Горячий материалаец; всё от одного и того же человека; подписано «Билл».

— Уильям Хаберман, — уточнил я. — Стэнтон его упоминал. Они с Сэлли встречались некоторое время, но три недели назад произошёл разрыв. Живёт в Эванстоне, работает у своего отца, хозяина салона подержанных автомобилей. Он в моём списке, кого повидать. И что там, в письмах?

— Да, это он. Всё болтает про Эванстон и про салон своего папаши. Все письма в конвертах и помечены от трёх месяцев до трёх недель тому назад. Судя по всему, встречались они раз в неделю, а остальное время переписывались. И пока всё не кончилось, словно бы пылали страстью друг к другу. Но что там произошло — ни намёка, даже в последнем письме. Но ты, конечно же, выяснишь, раз голубчик у тебя в списке. А ты чем был занят сегодня, помимо того что заходил к Сэлли на работу?

Я пересказал дядюшке беседу с Беном Старлоком. И пока я говорил, мне случилось бросить взгляд в окно, на ту пожарную лестницу, по которой наш клиент забрался к нам в контору, чтобы подложить тысячедолларовую банкноту под настольный календарь.

— Не навесить ли нам замок на наше окно, дядя Эм? — проговорил я.

Дядюшка тоже глянул в ту сторону и издал отрывистый смешок.

— Чтобы наш клиент не забрал назад свои денежки, а? Малыш, если ему удастся забраться к нам в сейф, то уж через окно он проберётся, разве что оно будет забрано железной решёткой. Не собираешься же ты...

Скорее всего, я как раз это и собирался сделать, но предложения дядюшка не закончил, поскольку мы оба услышали, как наша наружная дверь сначала раскрылась, потом закрылась, а для Моники Райт было ещё слишком рано вернуться из похода в страховую компанию. Я поспешил взглянуть, кого это к нам занесло.

А там стояла девушка, такая — высокая, с рыжими волосами и всем тем, что к ним полагается. Я ухватился за косяк: у меня едва не подкосились ноги. Ведь в последний раз, когда я видел Сэлли, она лежала в...

Глава 6

Мгновение спустя я, конечно же, понял, что вошедшая — не кто иная как Дороти Доерр, Сэллина сестрица. Но что я пережил за это мгновение!

Оправившись, я заметил и отличия, хотя и не бросающиеся в глаза: обе девушки были удивительно схожими, а ведь не двойняшки! Волосы Дороти, тоже подходящие под определение «рыжие», всё же были потемнее Сэллиных, веснушки на лице далеко не столь заметны, а её формы не столь развиты. Одета вошедшая была в простое белое платье, отчего среди августовской жары на нас словно бы повеяло прохладой.

— Мисс Дороти Доерр? А я Эд Хантер.

— Мне бы хотелось поговорить с вами, мистер Хантер. Вы не возражаете?

— Нисколько. Да и мой дядюшка здесь. Хотите, он тоже вас выслушает?

Девушка согласилась, и я отступил в сторону, приглашая её пройти в заднюю комнату.

Дядюшка, несомненно, нас слышал, а потому не был удивлён при виде посетительницы. Он вышел из-за стола и предложил девушке стул, тот же самый, на котором четыре дня назад сидела здесь Сэлли. Та сцена живо представилась мне теперь. Дороти вынула сигарету — столь же нервозно, как тогда её сестра, — я вновь предложил огня, после чего занял тот же самый стул, сидя на котором слушал тогда Сэлли.

Дядюшка прочистил горло.

— Ну-с, мисс Доерр? (Знает ли он, ещё подумал я, что теми же самыми словами он и Сэлли пригласил к разговору?)

— Мистер Хантер, вам не приходила в голову мысль, что моя сестра, возможно, была убита?

Дядюшка вновь прочистил горло.

— Но никаких... э... признаков того, мисс Доерр, найдено не было.

— Тогда зачем ваш партнёр приходил вчера побеседовать с мистером Стэнтоном?

Дядюшка бросил взгляд в мою сторону.

— Расскажи-ка сам, Эд. Это по твоей части.

Дороти Доерр также перевела взгляд на меня. Я начал подбирать слова.

— Не могу утверждать, мисс Доерр, что будто бы смерть вашей сестры показалась мне неестественной. Но как бы ни была мала вероятность обратного, я не мог оставить её без внимания. Не люблю совпадений, а тут так вышло, что Сэлли опасалась в ту ночь за свою жизнь — и в самом деле умерла.

Девушка подалась вперёд.

— Но у Сэлли было слабое сердце; вам это, конечно же, известно. Вы не подумали, что её могла убить сама мысль о том, что ей предстоит умереть? Что тот страх, до которого она себя довела, страх из ничего, вызвал у неё разрыв сердца?

Я покачал головой — медленно, но веско.

— Смерть могло вызвать лишь некоторое происшествие; правда — будь она одна. Только ведь я находился рядом — то есть в соседней комнате. Я не спал. Это её как раз-таки успокоило: с той самой минуты, как я согласился остаться у неё, она перестала бояться! Перестала изводить себя напрасными страхами и весело пожелала мне спокойной ночи.

— А вдруг потом нечто до смерти её напугало?

— Тогда — да. То же и я в то время подумал; но дело-то в том, что мы всё там тщательно осмотрели — мой дядя только что оттуда — и не нашли ни следа чего-то такого, что внезапно или не внезапно могло вдруг напугать Сэлли. Вот вам, мисс Доерр, ничего в голову не приходит?

— Нет, не приходит.

— Тогда позвольте спросить, раз уж вы здесь. Не было ли у Сэлли врагов? Тех, кто по каким-либо причинам желал её смерти — недолюбливал, либо получал от того некую выгоду?

— Нет, мистер Хантер. Ни единого человека. Сэлли никому не причинила вреда. И что тут можно получить? Денег у неё не было. Не знаю, почему, но (тут Дороти нервно примяла конец сигареты о пепельницу на столе) мне хотелось бы заняться расследованием. А много будет стоить, если я поручу это вам? Денег у меня нет, но я одолжу у дяди Рэя.

Я перевёл взгляд на дядюшку: пусть он решает. Нам, разумеется, нельзя иметь двух клиентов по одному делу, а потому предложение Дороти следовало отклонить. Но объяснять ли, что причина отказа именно такова, я предоставил на усмотрение дядюшки.

— У нас уже есть клиент, мисс Доерр, — сказал дядюшка. — И такое расследование уже нам поручено.

— Кем? — изумилась Дороти.

— Боюсь, мы не можем вам сказать, — ответил ей дядюшка, и это было правдой, хотя Дороти, скорее всего, решила, что дело тут в профессиональной тайне, а не в нашем собственном неведении.

— Уж конечно, не Джеральд, — проговорила она. — Он в долгах. Может, конечно, занять у дяди Рэя, но... думаю, не станет. Мог бы дядя Рэй, но тогда я ничего не понимаю. Всё утро он убеждал меня, что Сэлли никак не могла быть убита.

— Ну, когда я разговаривал с ним вчера, — возразил я, — он не был столь категоричен.

— Вчера он был... того... Всё что угодно способен сказать, когда пьян. Вот как иногда толкует о марсианах, словно бы сам в них верит, — когда подопьёт. А утром он был ещё трезвый. Он не в пьяном виде нанимал вас, нет?

От прямого ответа дядюшка опять уклонился.

— Говорю же вам, мисс Доерр, что не могу назвать нашего клиента. Но нанимал тот нас в трезвом виде.

— Не иначе как дядя Рэй, но тогда почему же он так усердно внушал мне, что... — Тут Дороти всплеснула руками: — Ох, мне всё ясно!

Мы глядели на неё не перебивая, и это подействовало.

— Ведь я рассказала ему о своём предчувствии. Собственно, я пришла к вам из-за этого тоже: хотела нанять вас помимо расследования смерти Сэлли ещё и защищать меня, поскольку это одно и тоже, если вы меня понимаете, а дядя Рэй желал меня успокоить, вот он и...

Тут Дороти потянулась за новой сигаретой, я вновь предложил ей огня, а дядюшка Эм тревожно спросил:

— Что ещё за предчувствие, мисс Доерр?

— Вы в предчувствия верите?

Решительным «нет» поспешил высказаться я. Но о Сэлли я не забыл, хотя и не добавил к своему ответу то, что вертелось у меня на языке: да, не верю в предчувствия, но терпеть их не могу. Особенно когда потом они оправдываются.

Дядюшка меня поддержал.

— Мы не верим в предчувствия, мисс Доерр. Всё это суеверие.

Но Дороти отвечала ровным тоном:

— Вы в том уверены, мистер Хантер? Вам не доводилось читать про опыта доктора Райна в университете Дюка? Я вот читала. Дядя Рэй увлекается парапсихологией, это он меня ею заинтересовал. Мы тоже ставили опыты, и результат оказался выше среднестатистического по угадыванию игральных карт. Временами процент моих угадываний был невероятно высок!

Можно смеяться над суевериями, но когда их именуют парапсихологией, спорить трудно. Я вновь взглянул на дядюшку; он не сводил глаз с Дороти Доерр.

— Вы хотите сказать, — произнёс он, вновь прочистив горло, — что у вас, как вы говорите, предчувствие, будто бы с вами нечто произойдёт?

Медленно, словно бы с неохотой, Дороти кивнула.

— Да, мистер Хантер. И сегодня же вечером.

Дядя Эм развернулся у себя в кресле в мою сторону. Я понял, о чём он думает. Нет, чёрт возьми, не стану, подумал и я в свою очередь. Выразить это взглядом, пока Дороти не спускала с меня глаз, я не решился, понадеявшись лишь, что дядюшка достаточно умудрён в парапсихологии — прочтёт мои мысли.

Он-таки прочёл! Подмигнул мне (надо же!) пока Дороти не видела. Затем произнёс:

— Мисс Доерр!

Она повернулась к нему лицом.

— Да, мистер Хантер?

— Боюсь, в наших рядах назревает разногласие. Мы продолжим нашу беседу, но сперва нам с напарником нужно переговорить приватно. Вы не возражаете?

— Вовсе нет! Я — подожду в приёмной?

Я проводил её туда, где предоставил стул и журнал; важности ради мы располагаем для посетителей номерами «Полицейского вестника», но сейчас, на счастье, нашёлся и оставленный кем-то «Лайф».

Затем я вернулся к дяде и плотно затворил за собой дверь. Что касается внутренней перегородки, то она у нас звуконепроницаемая, — это было первым, в чём мы удостоверились, сняв помещение. Если только мы не начнём друг на друга кричать, девушка не услышит нас, даже приложив ухо к дверному полотну. Но ради пущей предосторожности я отошёл в самый дальний угол, и дядюшка присоединился там ко мне. И всё равно убеждать его я начал шёпотом.

— Нет, дядя Эм. И ты отлично знаешь, что это значит, когда я говорю «нет».

— Да на здоровье, малыш! Мы сейчас же позовём её, немного потолкуем и отправим восвояси. Если утром её найдут мёртвой, в том не будет нашей вины.

Он хотел сказать, что в том не будет моей вины. Я ответил:

— Тебе, значит, хочется, чтобы я провёл с ней вечер. Прекрасно; я собираюсь доказать тебе, что это не очень удачная мысль. Обсудим её с двух противоположных точек зрения — во-первых, с той точки, что Сэлли умерла естественной смертью, и, во-вторых, с той, что её убили.

— Эд, ты споришь с самим собой, не со мною, но продолжай. Послушаем, как ты себя убедишь.

— Во-первых, пусть смерть Сэлли была совершенно естественной и безо всякой посторонней помощи, а её предчувствие — если можно назвать предчувствием навязчивую идею, что будто бы тебя собираются убить марсиане — оказалось совпадением.

— О'кей, пусть так, то что?

— Тогда предчувствие Дороти ничего не значит, и никакая защита ей не нужна. Правильно?

— Абсолютно. Но разве ты гуляешь с девушками только потому, что им нужна защита? Мне вспоминается иное.

Я пропустил это мимо ушей.

— Возьмём альтернативу. Пусть Сэлли всё же была убита, связано с этим её предчувствие или не связано. Чем я помог ей, находясь рядом? Разумеется, я полагал, что она просто слетела с катушек, и не сильно-то о ней и беспокоился, но даже прими я её всерьёз, что ещё я мог бы для неё сделать? В ту минуту, как её убили, я не смыкал глаз; я был в соседней комнате, при раскрытой двери и с пистолетом в руке.

— Именно. В соседней комнате.

— Чёрт возьми, дядюшка, ведь ты сам этого потребовал. Я, конечно, тоже склонялся к тому — в данном конкретном случае, — но...

— Ш-ш-ш... Не повышай децибелы. Всё верно, я и не спорю. Мы не приняли Сэлли всерьёз.

— А если ты принимаешь всерьёз Дороти, так сам её и защищай.

Дядя издал отрывистый смешок.

— Взгляни на меня, Эд. А после взгляни в зеркало. Дороти не примет всерьёз меня. Но продолжай да закругляйся со своими доводами. Как только ты загонишь себя в угол, я поведаю тебе свой план.

— Я твой план знаю. Мои же доводы таковы: я не защитил Сэлли от убийцы, коль скоро её убили, — мне ведь всё ещё невдомёк, каким образом это удалось. Так как же я смогу защитить Дороти?

— Вот ты и загнал себя в угол. Ну-ка, ответь, чего это ты так вспылал от самой мысли, что тебе придётся защищать Дороти?

Несколько секунд я размышлял.

— Верно, — согласился я. — Я испугался. Если с ней что-нибудь случится, пока я вот так же буду рядом, я... пушу себе пулю в лоб.

— Ну а если ты даже не попытаешься, если мы её отфутболим, с каким чувством ты узнаешь завтра утром, что её нашли мёртвой? И — да, я буду чувствовать то же самое, если никто из нас не попытается её защитить, и с ней что-то случится. А потому, если ты отказываешься, малыш, то за дело возьмусь я. Единственная причина, по которой я пытаюсь уговорить тебя, та, что ты лучше к

тому пригоден — в данном конкретном случае. Она скорее тебе доверится, и вы лучше споётесь. Теперь я не думаю, будто ты кинешься её соблазнять — если только у вас к тому не будет обоюдного желания. Но ты так и не выслушал мой план. Готов слушать?

— Говори уж, — ответил я.

— Если мы собираемся её защищать, то следует предположить, что некто собирается её убить. Но если он её не найдёт, то и убить не сможет, верно? А потому какая может быть опасность, если никому не известно, где вы?

Я попытался было перебить дядюшку, но тот знаком велел мне молчать.

— Стэнтоны, конечно, будут беспокоиться, если не дать им знать, но это можно сделать, вовсе и не рассказывая даже им, где Дороти. Схема такая. Во-первых, своди её выпить коктейля, а затем поужинать, — в точности как и Сэлли, только не туда же. Затем, поскольку вечер ожидается знойным, предложи ей арендовать машину и немного прокатиться — подальше от городской жары. Пока понятно?

— Понятно. Продолжай, но без интимных подробностей.

— А во время поездки внуши Дороти мысль, что никто не сможет причинить ей зла, если её местопребывание для всех останется тайной. Уговори укрыться где-нибудь на ночь ради её же безопасности. Где-нибудь остановитесь, и пусть позвонит Стэнтонам да что-нибудь им расскажет — даже и правду, не имеет значения, — чтобы те не беспокоились. Но там, откуда вы позвоните, — там вы не оставайтесь: звонок можно отследить. И после того, как снова двинетесь в путь, позаботьтесь о том, чтобы Дороти уж больше не звонила — ни в твоём присутствии, ни одна.

Мне думается, Эд, что лучше всего подойдёт мотель, хотя бы по одной этой причине: как правило, в номерах там нет телефонов. Такой и выбери. И спать не ложись. Не имеет значения, где ты будешь на страже — в самом номере или снаружи, в машине, наблюдая за дверью; но не смыкай глаз и не позволяй произойти никакой странности.

— Ты настолько серьёзно всё это воспринял, дядя?

— А что остаётся, раз уж мы вообще за это взялись? К счастью, у нас есть наш аванс и мы можем не заботиться о расходах наподобие аренды машины или оплаты номера в мотеле. И кто бы ни нанял нас расследовать смерть Сэлли, он ещё более будет заинтересован в том, чтобы ничего не случилось с Дороти. По той же причине, полагаю.

— Ты прав, дядя Эм, — согласился я. — Прости мне нытьё. Но уж если что-то случится с Дороти...

— Эд, если ты предпримешь все мыслимые меры, то уж твоей вины в том не будет. Не смей так и думать! Просто нигде ничего не упusti. Убедись, что никто вас не выследил и не преследует. И что Дороти сама не знает, где находится, когда звонит в первый и последний раз.

Да, дядюшка не шутил! Я понял: Дороти — не единственная, у кого случаются предчувствия.

— Если Дороти убьют, Эд, значит убийца тот ещё умник. — И дядюшка протянул руку. — Удачи, малыш.

Я вынул из сейфа деньги на расходы.

— Поведу её в «Ирландию». Если буду нужен, ты найдёшь меня там.

Дороти, казалось, не соскучилась нашим отсутствием. Она с готовностью согласилась выпить со мной коктейль, а там не составило труда договориться и об ужине. Девушка сказала, что и так намеревалась остаться на ужин в центре, чтобы потом, после захода солнца, освежиться купанием в озере.

Мы повторили заказ, а затем на такси прибыли в «Ирландию». Я убедился — насколько это было возможно в транспортном потоке на Чикагской внутренней автодорожной Петле, — что нас никто не преследует.

Мне нужно было подтверждение из другого источника насчёт той собственности, которую Сэлли и Дороти унаследовали в Колорадо, и я подвёл к тому разговор. От Дороти я услышал то же самое, без отклонений и существенных дополнений, что и от Стэнтона. Обе девушки читали геологический отчёт и сговорились не продавать тот клочок земли, который предлагал откупить фермер с прилегающего участка.

За салатом я выпытал Дороти насчёт её детства, чтобы сравнить с рассказом сестры, и получил её полный отчёт о той ночи, когда погибли их родители. Обе истории ничем не отличались друг от друга.

— Насколько, Дороти, вы были близки с Сэлли?

— Я бы сказала — не слишком, для сестёр. Нет, мы были, конечно, добрыми друзьями и часто виделись. Но когда люди молоды, то два года разницы — ведь это две разные возрастные группы. Да и после, — Сэлли ведь работала и жила отдельно, я же посещаю колледж, — мы, кажется, ещё более друг от друга отдалились.

— Но как часто вы виделись?

— Кратко говоря, раз в неделю. Иногда чаще. Сэлли навещала меня дома на обед или просто поглядывать на нас, да и я приезжала в город пообедать с ней, а потом сходить в кино.

— Часто вы едали на квартире у Сэлли?

— Нет, Сэлли там редко готовила. Разве что себе что-нибудь на завтрак. Там не очень-то наготовишься, да и Сэлли не любила готовки и домашней работы. Почти всегда она куда-нибудь отправлялась поесть, если только ей не приспичивало приготовить себе сандвич на перекус.

— А на ночь ты когда-нибудь у неё оставалась?

— Только раз — нет, дважды. Первый раз прошлой зимой, когда вечером поднялась метель и движение на дороге замерло, а мы как раз смотрели концерт, и мне едва ли бы удалось добраться в Роджер-парк. В другой раз... — Сэлли улыбнулась. — То было прошлой осенью, мы сидели у неё да потягивали из бутылки; я выпила больше чем надо и разомлела, домой просто не захотелось. Сэлли им позвонила и сказала, что я остаюсь у неё; правда соврала, что я растянула лодыжку. Я ещё тогда пару дней всё притворялась дома хромой.

— А когда, Дороти, ты видела её в последний раз?

— В воскресенье, во вторую половину дня. Она пришла тогда к Стэнтонам, чтобы остаться на обед. Дома меня ещё не было, но к обеду я уже пришла, а после обеда мы с Сэлли пошли посмотреть представление — в театр Стэйт-Лэйк. Закончилось оно после одиннадцати, поэтому мы тут же перед театром и расстались. Сэлли захотелось зайти куда-нибудь выпить и съесть бутерброд, а на следующий день у неё начинался отпуск, так что ей можно было бродить хоть всю ночь, но у меня-то на раннее утро были назначены экзамены, так что я отправилась домой.

— В тот вечер она вела себя как обычно?

— Вот и нет. Её расстраивало, что всю отпускную неделю она по недостатку средств не сможет никуда выехать из Чикаго. Говорила, что на счету у неё имеется сто долларов, но впереди осень и зима, и ей понадобится новая одежда; потратив эти деньги на поездку, она не успеет накопить столько вновь.

— Не было видно, будто она чего-то боится?

— Не было, Эд. Веселилась, за исключением, повторяю, нерадостной перспективы оставаться в отпуске в Чикаго.

— Про марсиан не вспоминала?

— Ни словечком.

— И то был последний раз, когда вы разговаривали? Я хочу сказать — не перезванивались потом?

— Нет, ни разу. Последний раз, когда я её видела и слышала её голос.

В ту минуту мы кончали десерт, и мне подумалось, что пора претворять в жизнь дядюшкин план. Я спросил Дороти, чем она собиралась заняться вечером.

— Вообще-то мне нужно заниматься, но...

— Так-так, что-нибудь вместо?

— Я же говорила, Эд, что хочется искупаться. Жарко и пыльно; самое время окунуться в воду. Ты плаваешь?

— Не очень хорошо, — признался я. — Но для такого вечера мысль и впрямь заманчивая. Вот только городские пляжи будут полны народу. Давай я найму машину, и мы проедемся вдоль озера за город. Как это тебе?

— Замечательно!

Тут к столику подошёл официант.

— Прошу прощения, сэр. Вы — мистер Хантер?

Оказалось, меня спрашивают по телефону; я извинился и прошёл в будку.

— Ну, как там, Эд? (Дядюшка Эм, конечно же.) Ещё не приступал к задуманному?

— О поездке за город уже договорились. Далее того я не шёл.

— Прекрасно. У меня тут появилась ещё парочка мыслей. Во-первых, сегодня я иду к Стэнтонам, и...

— Кстати, — перебил я, — совсем забыл. Я договаривался о встрече с Вернеке, сказал, что приду примерно в восемь вечера. Не позвонишь ли, чтобы извиниться от моего имени?

— Вот и приду вместо тебя. Заодно поговорю со Стэнтоном, если он будет. Ты повидал их обоих, а я ни с одним не встречался. Но я вот о чём. Собираюсь рассказать Стэнтонам, что Дороти приходила к нам и поведала о своих предчувствиях — ну, будто с ней сегодня непременно что-то случится. И я скажу им, что по нашему совету на ночь она скроется, причём никому не станет говорить, даже нам, где именно. Так что телефонный звонок ты можешь отбросить. Я заранее сообщу им, что Дороти дома сегодня не ночует.

— Что выставит нас дураками, коли я её на это не уговорю, — добавил я.

— У тебя прекрасно получится. И слушай вот что: это может оказаться важным. Если её смерть запланирована на эту ночь, убедись, что Дороти не носит её с собой. Обыщи её сумочку, тайно либо открыто — не важно, как именно. Отбери весь аспирин и снотворное, да и всё остальное, что у неё там с собой для приёма внутрь. Купи взамен в аптеке, если ей невмоготу станет.

— Хорошая мысль. Ещё что?

— Всё. Монику Райт приняли на работу в страховую компанию. Она вернулась вскоре после твоего ухода, так я её проинструктировал — что ей делать и какие задавать вопросы, как их задавать и всё такое прочее. Я думаю, она прекрасно справится. Умница она у нас.

— Понятно. Я не думаю, что в той страховой компании нечто найдётся — подери меня чёрт, если я вижу какой-то мотив и могу связать его с её работой, но попытаться нужно везде.

— Приступает она завтра с утра. Я велел ей сделать вид, будто они с Сэлли знакомы, так её расспросы про Сэлли будут выглядеть естественно. А из того отчёта, что ты ей надиктовал, она знает о Сэлли достаточно, чтобы самой не попасть впросак.

— Ты откуда звонишь?

— Из конторы, а что?

— Я тут подумал... Перед тем как ты скажешь Стэнтонам, что Дороти не будет ночевать дома, я ведь могу выложить перед ней оставшуюся часть плана и убедиться, что она её принимает. Дай-ка мне на это четверть часа.

— Вот что, малыш. Я убеждён, что принимает. А также голоден! Вот сейчас как зайду куда-нибудь, и буду есть за обе щёки. И то здесь задержался оттого, что Моника вознамерилась закончить этот отчёт перед уходом, вот я и ждал. Теперь он у меня в руках, и я изучу его за едой. Тогда и разговаривать со Стэнтоном и с Вернеке будет веселее.

— О'кей, — отозвался я. — Но каким идиотом ты будешь выглядеть, если я сяду в лужу, попытаюсь уговорить Дороти где-то проваландаться ночь напролёт.

— Ты не сядешь в лужу.

Я и не сел. На деле, мне даже не было нужды вообще в чём-то Дороти убеждать. Когда я вернулся к столу, он мне сказала:

— Мне, Эд, нужно кое-куда позвонить. Отпустишь меня на минутку?

— Разумеется, — ответил я. — Только, раз я как бы тебя теперь защищаю, ты уж скажи мне, кому будешь звонить.

— Стэнтонам. Я... это, возможно, и глупо, Эд, но я боюсь. Сегодня я не собираюсь ночевать дома. Мне хочется оказаться где-нибудь там, где никто меня не отыщет. На всякий случай.

Я рассмеялся и объявил ей, что и звонить никуда не надо. Затем я раскрыл перед ней план дядюшки Эма.

Глава 7

Дороти накрыла мою руку своей.

— Замечательно, Эд! Очень рада, что мне не нужно звонить домой! Мне было бы трудно им объяснить; прозвучало бы так, словно я им не доверяю, а дело-то в ином! Просто... ну, не знаю, как и объяснить. Мысли путаются.

— Выбрось всё из головы, — посоветовал я.

— А куда ты меня повезёшь?

— Сам пока не знаю. Планировать заранее мы ничего не будем. Куда нас занесёт, там и остановимся.

— А мне платить ты позволишь? За автомобиль и прочее?

Я решительно покачал головой.

— У нас есть клиент. Я не шучу. И мы получили приличный аванс, так что можем взвалить расходы на себя, начиная с этого ужина.

— Это Джеральд, Эд? Или дядя Рэй?

— Дороти, честное слово, не могу сказать! Хоть и желал бы. — Вот последние слова были святой истиной, хотя Дороти, кажется, приняла их за фигуру речи. И ещё более того я желал знать, отчего наш клиент притворяется не тем, кто он на самом деле.

— Ладно, — промолвила Дороти, — не один, так другой, а прочее не имеет значения. Да и кто именно из них, тоже не важно.

— А ты бы кого предпочла?

— Даже не знаю... Лажу я с обоими. Дядя Рэй более занимательный и много помогает мне с учёбой. Я специализируюсь по психологии, а уж он знает в ней толк. Правда, его теории неортодоксальны, но интерес представляют. Особенно парапсихология, вроде экспериментов доктора Райна.

— Ты говоришь про угадывание картинок на карточках — квадраты, круги, треугольники?

— Именно. Я... в общем, у меня процент угадываний был вдвое выше, чем допускается законом больших чисел. А в состоянии лёгкого гипноза я ещё лучше справляюсь.

— А остальные члены семьи тоже интересуются этим — парапсихологией?

— Джеральд немного пытался вникнуть, но оказался совершенно лишён сверхчувственного восприятия, так что бросил. А Ева вообще не интересуется такими вещами.

— А как насчёт умненького Дикки?

Дороти поморщилась.

— Также не проявил интереса. Думает, что мы — Рэй и я — свихнулись на этом. Сейчас его привлекают одни лишь естественные науки. Главным образом химия и электротехника.

— Он и впрямь некое чудо?

— Не сказала бы, но — одарённый ребёнок, что правда то правда. На два-три года опережает сверстников. В следующем семестре буду посещать курс по тестам на уровень интеллекта, так если Дикки согласится, чтобы я с ним поработала, то степень его умственного развития я выясню точно.

— Сэлли была от него не в восторге, — бросил я словно бы между прочим.

— Наверно, я тоже не его поклонница. Заносится. Надеюсь, перерастёт. Но мы с ним ладим, да и знание психологии мне в том помогает.

К этой минуте мы покончили с кофе, и я потребовал счёт. Тут я, правда, вспомнил наказ дядюшки Эма насчёт сумочки. Я объяснил Дороти свою цель. Её глаза слегка расширились, но девушка без возражений передала мне свою сумочку. Внимательно осмотрев последнюю, я забрал из неё, с обещанием вернуть, полпакетика леденцов кружочками да баночку, содержащую, по её словам, кофеиновые таблетки, необходимые для того, чтобы не уснуть на занятиях либо дома над книгами во время подготовки к экзамену. Оставалась губная помада. Могла ли она представлять опасность? Я решил довести дело до конца и отобрал также и её.

Взяв такси, мы доехали до ближайшего пункта проката автомобилей на Петле и, насколько могу судить, никто за нами не увязался. Я не терял бдительности на всём пути за город. В пункте

проката я выбрал почти новый двдверный шевроле, погнал на нём к великому озеру Мичиган и затем на юг по прибрежному шоссе.

— Знаешь какое-то место, Эд? — спросила меня Дороти.

Я покачал головой.

— А если б знал, то не сказал бы. Но нам ведь не важно, верно?

— Да, разумеется. Ты только не гони. Если попадём в аварию, это ведь будет не лучше, как если бы... если бы случилось нечто ужасное.

А она, оказывается, запаниковала! Я вовсе не гнал машину, и всё-таки снизил скорость.

На главных улицах Чикаго движение было чересчур интенсивным, чтобы можно было увериться в том, что нас никто не преследует, но когда мы оказались к югу от Джексона-парка, я пересёк авеню Стоуни-Айленд и покрутил по прилегающим улочкам. Увяжись за нами какой-то автомобиль, я бы его невольно заметил. И хотя мне уже смешными стали казаться все наши предосторожности, но за Хэммондом я для сугубой уверенности притормозил в стороне от озера. Затем я вновь отыскал к нему какую-то дорогу, причём сам потерял всякую ориентацию. И если хоть кто-то на Земле знал теперь, где мы, или мог нас отыскать, то он был точно вундеркиндом. Я почувствовал изрядное облегчение.

— Не развезло от выпивки? — спросил я у Дороти.

— Нет... нормально. Но ты обещал, что мы искупнёмся. И давай проедем ещё немного вперёд. Чем дальше мы от Чикаго, тем мне спокойнее. Знаешь что?

— Что?

— Пока магазины не закрылись, купим-ка виски. Нужно иметь что выпить, вдруг захочется. И когда остановимся на ночлег, будет что принять перед сном.

— Верно, — отвечал я, хотя и подивился, нет ли у неё на уме чего-то ещё. Впрочем, спешить с выяснением было совершенно незачем, а вот гадать на сей счёт было ох как приятно.

В следующем же городке я остановился у закусочной и купил бутылку бурбона. А поскольку стояла духота, а виски было тёплым, — к тому же, имея задаток в тысячу долларов, я мог позволить себе некоторые расходы, — я уделил ещё пять баксов на термос вместимостью в кварту и велел продавцу наполнить его водой вперемешку с колотым льдом. Приобрёл я и два стакана.

Дороти весьма удивилась, когда я вернулся к машине с этим ворохом покупок.

— Назначаешься буфетчицей, — сказал я.

— Эд, ты намерен сорить деньгами?

Я усмехнулся и завёл двигатель.

— А как же! Деньги-то поступают с Марса.

— Чего-чего?

— Так, шутка. Я давно уже мечтаю о таком термосе, вот и купил по случаю. А то что же, нам тёплое пить? И потом, ты начинаешь мне нравиться. Это ли не стоит отпраздновать?

— Наверно, стоит. Ты тоже начинаешь мне нравиться.

— Тогда наливай. Я буду медленно ехать.

— Лучше сверни к обочине. Нам понадобятся три руки, поскольку стаканы некуда поставить, пока я буду открывать да смешивать.

Сразу за городской чертой я подрулил к обочине и включил верхний свет, чтобы нам не пришлось наполнять стаканы в темноте. Мне действительно пришлось держать их, пока Дороти смешивала питьё. Затем мы чокнулись и попробовали то, что у нас получилось. Вышло недурно. Я выключил верхний свет и взял свой стакан в левую руку, чтобы правой обнять Дороти. Поцелуй в губы показался мне лучше выпивки. Много лучше.

Было так чудесно, что пришла мысль — не задержаться ли здесь немного, прежде чем двинуться дальше в поисках места для стоянки на ночь. Взглянув на светящийся циферблат своих наручных часов, я увидел: начало одиннадцатого.

Дороти заметила моё движение.

— Который час, Эд?

— Пять минут одиннадцатого. Ну, допьем стаканы и поищем местечко. А не то — можем ещё немного поездить.

— Мне всё-таки хочется искупаться. По-быстрому. Где мы, ты не знаешь? Можно тут взять напрокат купальники?

— Если только пляж поблизости. Эта дорога ведёт вдоль озера; оно, наверно, сразу за этими дюнами. Ещё недавно мелькало между ними. Проедем немного вперёд, и пляж найдётся.

— Как сияет луна! Давай, Эд, пройдемся к озеру пешком, между дюнами. Здесь так пустынно. Если вблизи нет ни домов, ни людей, то можно и...

— Идёт, — ответил я. — Как только допьём. Но идти нам, возможно, и не придётся. Я немного проеду: поглядим, нет ли меж дюн боковой дорожки к побережью.

— Прекрасно. И можно не спешить, если только тебе не нужен общественный пляж, ещё открытый. А так даже лучше.

Я вновь обхватил её за плечи, и она склонилось ко мне головой. Чикаго казался таким далёким, а опасность ещё дальше. Была только ночь, тёплая до приятности, да теплота тела Дороти, прижавшейся ко мне. Не спеша, молча, мы покончили с питьём: разговаривать нам не было нужды.

Спустя несколько минут я передал Дороти свой стакан и завёл машину. Я верно рассудил: всего в нескольких ярдах впереди открылся боковой проезд между дюнами.

Этот проезд быстро сужался и, как проезжая дорога, вскоре почти исчез из виду; нас вели вперёд лишь отпечатки чужих шин на мягком песке. Вскоре я и их перестал различать, но «шевроле» чувствовал колею. Мы обогнули ещё одну дюну, и перед нами открылось озеро Мичиган, волны которого лениво лизали ровный, манящий берег. Высоко над водной гладью висела полная луна, такая яркая и прекрасная, что казалась ненастоящей. Я остановился носом к ней, и мы залюбовались зрелищем сквозь ветровое стекло. Нигде не было ни души, даже лодки, насколько хватало взгляда.

— Вполне уединённое местечко, — сказал я. — Выпьем же вновь, и если никого не покажется...

Мы приготовили себе по чуть-чуть, но попивали медленно и лениво, болтая ни о чём. Между прочим я сказал:

— Кстати, Дороти, я ведь посредственный пловец. Мой рекорд — дорожка в плавательном бассейне: туда и назад. Ты не заплывай далеко.

— Нет, нет! Я тоже не пловчиха на дистанции. Вообще не стану заплывать на глубину; лишь окунусь, чтобы освежиться.

— Тогда порядок. Просто не хочу рисковать. Особенно сейчас.

— Почему особенно сейчас? — Дороти рассмеялась. — О, я тебя поняла!

Я запрокинул ей голову и вновь поцеловал её. Губы девушки задвигались под моими, и она отстранилась.

— После купанья, Эд. Всего несколько минут. А то я от жары вся липкая.

Она ухватилась за верхнюю пуговицу платья, но тут же убрала руку.

— Давай, Эд, ты разденешься снаружи? Тут слишком тесно, и я... стесняюсь.

— Конечно! — Я ещё раз поцеловал Дороти и покинул машину. Одежду свою я развесил на автомобильных крыльях. Дороти, впрочем, справилась раньше — вышла из машины ещё до того, как я полностью разоблачился. Она постояла в ожидании, пока я закончу, и её тело сияло в лунном свете. Как истинная леди, она не подсматривала. Но мне-то кто велел быть джентльменом? Я глаз от неё не мог отвести.

Тело настолько походило... не сказать бы мне, на холодный труп, лежавший тогда на постели. Я велел себе думать лишь о живом теле Дороти — что было совсем не трудно, — и забыть про останки её сестры. Обхватив Дороти руками, я привлёк её к себе, и мы начали было целоваться, как Дороти вновь мягко меня отстранила.

— Эд, сначала в воду, — прошептала она. — Ты же способен подождать, правда?

По лёгкому уклону песчаного берега мы направились к воде, и вода мягко обернулась вокруг наших лодыжек, затем добралась до колен и наконец — ярдах в тридцати или сорока от берега — мы оказались в воде по грудь. Как приятна была её прохлада! Я, правда, жаждал ледяного душа.

Оглянувшись, я увидел на берегу нечто, не примеченное нами ранее. С берега этого и правда было не видать — заслоняли прибрежные дюны, весьма близко подобравшиеся к воде. То был домишко с крыльцом, а на крыльце сидели трое.

Они, несомненно, видели нас с той самой минуты, как мы вошли в воду по колено, и я тихо выругался. Но столь же несомненно, что те люди, хоть и разглядывали нас, не двигались с места, а

потому я не стал смущать Дороти, привлекая к ним её внимание. Она, разумеется, заметит их, возвращаясь на берег, но сейчас отравлять ей удовольствие от купания было глупо; мы и так далеко зашли.

Дороти окунулась по плечи и пустилась вплавь. Обернув голову, она крикнула мне со смехом: «Ну же, Эд, плывём к наплавному мосту!» Дурачилась, конечно: не было там никакого наплавного моста.

Я пустился вплавь следом, но она двигалась быстрее, и я начал отставать. Спустя примерно тридцать ярдов — а это было примерно столько, сколько я мог проплыть вперёд с уверенностью, что сумею вернуться — девушка была уже далеко впереди, и я мог разглядеть её только тогда, когда ухитрялся как следует приподнять голову над водой.

— Назад, Дороти! — позвал я. — Не могу дальше!

Она отозвалась, и её голос звучал отрывисто, словно она задыхалась; мне едва удалось её понять:

— Только до наплавного моста, Эд! Там передохну — и назад!

Я снова раскрыл рот, чтобы позвать, но только нахлебался воды. Крикнуть удалось, лишь отплевавшись:

— Вернись, Дороти!

Ответа не последовало; я крикнул вновь, а затем повернулся к тем людям, что сидели на крыльце. Теперь я был только рад, что они там.

— На помощь! — крикнул я им. — Лодку!

Утлое каноэ было тут как тут, двое уже несли его откуда-то из-за дома, а третья фигура, которая с такого расстояния показалась мне мужской, но вскоре обернулась женщиной в штанах-шароварах, уже бежала к кромке воды.

Убедившись, что помощь идёт, я вновь повернулся к Дороти и призвал её поворачивать к берегу, но не дождался ответа. Что было силы я принялся грести в том направлении, где видел девушку в последний раз; мои конечности будто налились свинцом, а стоило раскрыть рот, чтобы позвать или вздохнуть, как я захлёбывался холодной водой.

Прошли дни, недели, а я всё боролся, но теперь моя голова уже не поднималась над водой, и вода, не воздух, вривалась мне в ноздри. Лунный свет померк окончательно, и всё объяла тьма.

Очнулся я на песке; рядом шелестели прибой и людские голоса, а надо мной склонилась женщина. Она была мокрая и нагая — лишь бюстик да трусики, — но это была не Дороти. Женщина была крупной и мускулистой, её волосы свисали тёмными сосульками.

Я попытался подняться на локте, но сил не хватило. Грудь болела, крутило в животе. Хотел подать голос — и несколько секунд лишь отрыгивал. Только потом я издал хрип; говорить стало возможно, и мне удалось выдавить из себя:

— Дороти... Её вытащили?

— Спокойно, сынок, — проговорила крупная женщина. — Вытащили. Но, боюсь, слишком поздно.

Глава 8

Я приложил все силы, и на этот раз, стоило женщине отодвинуться, мне удалось сесть. Лицом я был обращён к воде; впереди, по-за женщиной, я увидел вытасченное на берег каноэ, а также блузу, туфли и широкие штаны, которые женщина сбросила с себя у края воды. Вот она-то, как я понял, была опытной пловчихой; должно быть, меня и спасла, пока мужчины в каноэ плыли дальше, стараясь нагнать Дороти.

— Вам уже лучше? — спросила женщина, не сводя с меня глаз. Её совершенно не тревожило, что на ней почти ничего нет, а на мне ещё меньше. Я также этого не осознавал. Другие голоса, тех мужчин, занимали меня больше.

Ярдах в пяти вверх по склону мужчины трудились над Дороти. Девушка лежала на животе, её лицо, покоившееся на подвернувшемся под него локтевом сгибе, было обращено в мою сторону. Один из спасателей сидел на девушке верхом, делая искусственное дыхание. По всему видать, был в том дока.

Крупная женщина опустилась на песок рядом со мной и обхватила меня за плечи.

— Спокойно, спокойно, ты ничем не сможешь. Билл (это мой сын) отправился за помощью и за аппаратом для искусственного дыхания: в четырёх милях отсюда станция береговой охраны, у них есть один. Он взял твою машину: наша заперта в гараже, и на твоей он обернётся быстрее.

Мне удалось подняться на ноги и проковылять к тому месту, где мужчины пытались привести Дороти в чувство. Тот, кто делал искусственное дыхание, не подымал глаз, второй же взглянул на меня и покачал головой.

— Захлебнулась, — проговорил он. — Нет шансов, но пытаться не бросим, пока не доставят аппарат искусственного дыхания.

Женщина приблизилась и придержала меня за руку.

— Оденься. От потрясения тебя колотит.

Я и сам почувствовал дрожь: зубы стучали как кости в чашке перед броском. Женщина была права насчёт причины тому — потрясение; саму её ничуть не колотило.

Она отвела меня в сторонку, и я увидел свою одежду на песке, куда упомянутый Билл, должно быть, смахнул её с крыла «шевроле», прежде чем уехать на нём.

— Вот, одевайся, — продолжала женщина. — Сейчас же.

Она говорила со мной как с ребёнком. Поскольку я ни сделал ни единого движения, чтобы выполнить её приказ, она подняла мои брюки и протянула их мне.

— Надевай. И рубашку, и пиджак. Прочее неважно. И пойдём в дом. Я кофе приготовлю.

Убедившись, что я всё же начал одеваться, женщина отошла, чтобы поднять с песка собственную одежду; надевать же её она не озаботилась. Я напяливал свою совершенно машинально. Закончив, я поплёлся по песку к мужчинам и лежащей Дороти. Первый мужчина продолжал наблюдать за мной, да и второй поднял взгляд.

Оба они вымокли до нитки, но одежду своих не снимали. Их каноэ, должно быть, опрокинулось, когда они пытались втащить в него тело Дороти, и пришлось им плыть к берегу держась за него как за поплавок, но и тела девушки не выпуская.

— Ступай в дом, — произнёс один из двоих явно по моему адресу. — Тебе, сынок, нужно очухаться.

В ту минуту я не понимал, что это будет такое, когда «очухаешься», — это как-то связано с чувствами? Сейчас всех чувств я лишился напрочь. Да, меня била дрожь, но не от холода. Никакого холода я не ощущал.

С дороги, что по ту сторону дюн, донёсся звук быстро приближающегося автомобиля, а потом этот же звук показал, что автомобиль чуть-чуть замедлился на повороте к нам. Но что там за автомобиль и какое он имеет отношение к нам, мне было невдомёк; всё внимание было поглощено лежащей на песке мёртвой девушкой — то ли Сэлли, то ли Дороти, то ли то была одна и та же девушка, та прежняя, которую я ни в тот раз, ни в этот не уберёг от смерти.

Стоявший из двух мужчин взял меня под руку.

— Ну, давай, отведу. Ты ведь тоже едва не утонул и в себя не пришёл ещё. Кофе с бренди — вот что тебе сейчас нужно. Аппарат искусственного дыхания уже привезли.

Смутно дошли до меня его слова. Но тщетно я пытался уразуметь про аппарат искусственного дыхания. Меня стали подталкивать вперёд, но песок, кажется, достиг колен, затем ударил в грудь, и голова моя коснулась чего-то мягкого и сыпучего. Когда я вновь открыл глаза, надо мной был потолок. Уже рассвело; я лежал под простынёй на кровати.

Дядюшка Эм сидел возле меня на стуле; я смотрел на него и молчал.

— Не унывай, малыш, — произнёс дядюшка. — Ты не пострадал.

— Дороти... Умерла?

Дядюшка кивнул.

— Только не надо себя винить. Ты сделал всё, что мог. Даже попытался погибнуть вместе с ней.

— Моя вина. Надо было...

— Молчи. Ничего уже не исправишь. Не твоя! Выбрось из головы. Не смей об этом и думать.

Я не ответил.

Стул под дядюшкой — качалка — скрипнул, когда тот подался вперёд.

— Выбросил?

— Похоже, — сказал я.

— Тогда слушай внимательно. Всего минуту. Я обещал миссис Ауслендер — это та женщина, что вытащила тебя из воды, — что оповещу её, как только ты придёшь в себя. Беспокойся. Но сперва вот что. Нам незачем входить в лишние подробности, когда будем объясняться с этими людьми. С Дороти у тебя было свидание; вы уехали из города, остановились здесь, чтобы вдоволь наобниматься, да захотелось поплавать. Только и всего.

— И совсем «не всего».

— Но ведь же именно так и было? Ну да, миссис Ауслендер говорила мне, будто девушка кричала, что собирается добраться до наплавного моста, которого тут и в помине нет. Обсудим это позднее. А с них достаточно предположения, что то была оптическая иллюзия — бревно проплывало в отдалении или ещё что-то, вот ей и померещилось.

— Ярko светила луна, — возразил я. — Видно было на полмили кругом, и ничего такого в воде не плавало.

— Малыш, об этом позже поговорим! А сейчас я вот что пытаюсь тебе внушить: незачем впутывать этих Ауслендеров в такие тонкости. Они тебе жизнь спасли. И пытались изо всех сил спасти Дороти.

— Я понял. Когда сматываемся?

— Ещё четыре часа. Врач сказал, что когда бы ты ни пришёл в себя, должен оставаться в постели ещё четыре часа, и только если тогда будешь чувствовать себя хорошо, разрешается встать.

— Я уже чувствую себя хорошо.

Дядюшка поднялся на ноги.

— Не глупи. Встанешь раньше, вырублю тебя и вновь уложу. Ну, я к миссис Ауслендер.

Он вышел, а минутой позже ко мне вошла та крупная женщина. На ней были всё те же штаны-шаровары, футболка и сандалеты. Она несла чашку дымящегося кофе.

— Привет! — произнесла женщина и улыбнулась.

Мне сильно захотелось кофе, и я приподнялся на локте.

— Большое спасибо, — сказал я, принимая чашку. — И не только за кофе, разумеется.

— Ты, Эд, не первый, кого я вытащила из озера Мичиган. Пятый, если точно.

— Вы, наверно, спортсменка.

— Выступать случалось. Могу и призы предъявить. До сих пор проплываю перед завтраком по пять миль. Пейте кофе, пока не остыло, да так пейте, чтоб стало жарко в желудке, а после я завтрак подам.

Я отведал кофе. Оно и впрямь способно было обварить мне внутренности.

— Нет, в самом деле, — продолжал я. — Не знаю, как и благодарить вас за помощь.

— Не глупи, молодой человек. Надо же иногда практиковаться. Жаль вот только... — И женщина закусила губу. — Но тебе, наверно, не хочется об этом говорить.

— Хочется, миссис Ауслендер, — сказал я. — Вам, наверно, покажется странным, но мне хотелось бы, чтобы вы рассказали мне всё от начала до конца. Сам я помню только отдельные места.

— Ну, хорошо, Эд. — Миссис Ауслендер села в качалку. — Перво-наперво, тут нет ничего такого, в чём тебе следовало бы себя обвинять. Ты ничем не мог там помочь. Собственно, ты сам изо всех сил старался утонуть. Сколько ты способен проплыть?

— Точно не знаю. Ярдов, наверно, сто.

— Я схватила тебя в добрых двухстах ярдах от берега, и ты всё ещё пытался плыть дальше, причём уже не вынимая головы из воды. Я вынуждена была тебе как следует врезать, чтобы ты перестал отбиваться. Челюсть не болит?

Я потрогал челюсть и убедился, что её слегка саднило. Впрочем, у меня ныло всё тело, вот почему я того не замечал.

— Норма, — ответил я. — Но начните, миссис Ауслендер, с самого начала и расскажите всё по порядку.

— Так вот. И зови меня Бэки. Как тебя по имени, я узнала из твоего удостоверения, так мы смогли связаться с твоим дядей. Но сначала, так сначала. Мы сидели на крыльце и уже собирались уходить в дом, ведь было пол-одиннадцатого. Втроём: мой муж да приехавший навестить нас его брат. Мой сын Билл — а ему восемнадцать — оставался в доме. Мы слышали, как вы подъезжали с той стороны дюн, но не обратили особого внимания, поскольку люди время от времени сюда наезжают: прекрасный вид на озеро, и парочки любят тут миловаться, а иногда, как вот вы, заодно и поплавать. Мы привыкли.

Так что — ну приехали и приехали. А вы вообще были похожи на двух детишек. А то, что без купальных костюмов — так не общественный же пляж. Зашли в воду по плечи, и только тут я увидела, как ты обернулся и заметил нас — непременно заметил, поскольку потом стал звать нас на помощь.

— Да, я тогда вас увидел.

— Ну, вы и поплыли, девушка впереди. Ночью голоса над водой слышны очень хорошо, и мы слышали, как она звала вас доплыть до какого-то наплавного моста. Мы-то знали, что такого моста тут нет, но, думали, шутит либо это у вас что-то из личного. Ну, плывёте вы... Девушка делает это лучше тебя, и слышим мы: ты зовёшь её вернуться. Она опять отвечает вам что-то насчёт моста, — точных слов не помню. Ты снова кричишь «вернись!», а когда она перестала отвечать, тут ты и позвал нас на помощь.

Это всё я и сам помнил.

— Продолжайте, — сказал я, кивнув.

— Джордж и Харви побежали за каноэ, я же кинулась прямо в воду, на ходу раздеваясь. Когда добралась до тебя, на воде ты ещё держался, но уже начал захлёбываться, так что я взяла тебя в охапку. Те, кто был в каноэ, отправились за девушкой, но она была уж очень далеко, и уберечь её от остановки дыхания они не успели.

Да, её искали минут десять, и что опоздали — поняли ещё до того, как доставили девушку на берег. Но продолжали делать ей искусственное дыхание, пока служащий со станции береговой охраны не прибыл сюда с аппаратом искусственной вентиляции лёгких.

— Я помню, как подъехала машина, — сказал я. — А вот после — ничего. Сам ли я пришёл в дом... погодите, — да, я же упал на песок.

— Упал. И пока служащий с аппаратом пытался спасти девушку, Джордж с Харви перенесли тебя сюда. Мы положили тебя на кровать и послали за врачом, а потом осмотрели карманы в поисках документов, позвонили в Чикаго твоему дяде, и он приехал.

— Сколько сейчас?

— Около восьми. Твой дядя прибыл сюда к четырём, со Стэнтонами.

— Со Стэнтонами? Так они здесь?

— Нет, отбыли. Твоему дяде мы позвонили ещё в то время, когда люди из береговой охраны бились за жизнь девушки. Мы ещё не начинали рыться в её сумочке и обыскивать вашу машину в поисках её документов, но твой дядя сказал, что знает, кто она, и сообщит её опекунам. Так что они прибыли с ним, вернее — он с ними, в их машине.

Но к четырём часам, когда они приехали, тело девушки уже было передано в городской морг, и Стэнтоны задержались здесь лишь для того, чтобы узнать как было дело, а затем поспешили в морг, чтобы получить разрешение забрать тело в Чикаго.

— Как они... ну, насчёт всего?

— Судя по всему, были очень удручены. Ведь ещё и недели не прошло, как они потеряли другую воспитанницу, сестру этой девушки. Разрыв сердца. Но если ты спрашиваешь, Эд, вину ли они тебя, хотя бы частично, то — нет! Я всё им объяснила: и что случилось, и как ты пытался её спасти ценой собственной жизни.

Так что, Эд, ты, пожалуйста, не выдай меня, если когда-либо заговоришь об этом со Стэнтонами. Я соврала им в одном маленьком пункте.

— В каком же, миссис Ауслендер?

— Бэки, Эд, Бэки. Я, Эд, не знала, насколько строги эти Стэнтоны насчёт морали и что они подумают насчёт вашего с этой девушкой поведения, когда узнают, как вы вместе купались голышом, поэтому я решила пощадить их чувства. Перед тем, как девушку забрали в город, я нашла у вас в машине её трусики и бюстгальтер, вымочила их в озере и надела на неё. А про вас сказала, что вы были в трусах.

— Вы замечательная, Бэки, — сказал я. — Лишь одна женщина из миллиона поступила бы так.

— Что ты! Всего лишь одна из тысячи. Ну, кофе допил? Молодец. — Женщина приняла у меня пустую чашку. — Сейчас завтрак принесу.

— Пожалуйста, не надо. Спасибо. Мне совсем не хочется есть.

— Тебе придётся.

По её взгляду я понял, что лучше ей не перечить.

— А дядюшке Эму, кстати говоря, вы что сказали насчёт наших купальных костюмов?

Женщина не сдержала смеха.

— Он не показался мне человеком, которого легко шокировать. Принял всё спокойно, когда Стэнтоны удалились. Ну а теперь лежи тут, жди завтрак. Он будет плотным, предупреждаю, и если что — я затолкну его тебе в глотку веслом от каноэ. Тебе и твоим марсианам.

— Кому-кому?!

— Марсианам. Этой ночью ты всё поминал их во сне. Воображал, что они убивают людей и тебе никак не удаётся узнать, как они это делают. Ну, отдыхай.

Я откинулся на спину. Беседа с миссис Ауслендер очень меня утомила, а потому я расслабился и закрыл глаза. Мысли в голове мутились, и я постарался ни о чём не думать.

Спустя некоторое время миссис Ауслендер внесла завтрак; её сопровождал дядюшка Эм. Пока я ел, он развлекал меня разговором, но в нём не касался ни сестёр Доерр, ни Стэнтонов. Вероятно, решил мешать мне думать о деле, пока я не почувствую себя лучше.

Но я находился в слишком подавленном состоянии, чтобы наслаждаться ролью слушателя. Прервав на середине дядюшкин рассказ о крахе одной ярмарки, я спросил его, не задержат ли какие-нибудь формальности наше возвращение в Чикаго.

— Ничего серьёзного не предвидится, — ответил дядюшка. — Тебе, как одному из нескольких свидетелей утопления, потребуется подписать кратенький протокол. Но тело уже передано Стэнтонам, так что это будет лишь формальность. — И дядюшка не стал возвращаться к прерванному рассказу, а просто молча наблюдал, как я кончал с завтраком.

А я, покончив с ним, попытался уговорить дядюшку отправляться немедленно, но не преуспел в том. И вынужден был предаться предписанному врачом отдыху вплоть до последней минуты из указанных четырёх часов, а поскольку проснулся я в семь-тридцать, то лежать было мне до половины двенадцатого. Мне и одежду-то не выдавали; зато миссис Ауслендер вычистила её и выгладила.

Эта женщина, забирая у меня пустые тарелки, велела и дядюшке Эма следовать за ней, чтобы я вновь поспал пару часов. Мне же всё равно делать было нечего, поэтому я сам попытался заснуть, и, к моему удивлению, мне это удалось. А потом некий будильник в моей голове пробудил меня за минуту до половины двенадцатого. Тотчас мне выдали одежду, и нам с дядюшкой пришлось ещё отговаривать нашу хозяйку угостить нас ланчем перед уходом. Распрощались мы с ней за несколько минут до полудня.

С целью чем-нибудь заняться по дороге домой и избавиться от назойливой круговерти мыслей в голове я пожелал сам вести машину, но дядюшка наотрез мне в том отказал. Я был слишком слаб, чтобы спорить. Мы остановились в том городке, где прошлой ночью я приобрёл бутылку виски и термос. Когда мы прибыли в здание суда и явились к шерифу, последний отсутствовал на ланче, так что и мы перекусили, чтобы скоротать время.

Вернувшись, мы нашли шерифа у себя. Тот ни о чём не допытывался. Я ответил на пару вопросов и подписал короткий протокол, на том мы и покончили.

Уже по дороге в Чикаго дядюшка Эм произнёс:

— Ну что, Эд, — готов поговорить со мной?

— Несомненно.

— Мне известно всё то, что произошло после того, как вы вошли в воду. Но расскажи же мне, если тебе не трудно, всё, что происходило с той минуты, как вы с Дороти вышли из нашей конторы. Даже всё, что вы друг другу говорили, если вспомнишь.

Я вздохнул и начал рассказывать; некоторое время мы так и ехали. Когда я закончил, дядюшка сказал:

— Ты ни где не допустил оплошности, малыш. Не вижу, что бы ты ещё мог тут сделать, да не сделал. — С минуту дядюшка молчал. — Кстати, у нас в конторе вчера вечером Дороти упомянула, что утро она провела с Рэем Вернеке. Ты, случайно, не спрашивал её, с какого часу до какого они были вместе?

— Нет, а что? Какое это имеет значение?

— Это бы кое-что прояснило. Ведь именно вчера утром, а именно в десять, нам позвонил наш клиент. Если в это время Дороти была с Рэем, и будь она уверена, что Рэй тогда никуда не звонил, то остался бы один лишь Стэнтон. Мы, конечно, и так думаем на Стэнтон, но, исключив Вернеке, мы знали бы наверняка.

— Согласен, — ответил я. — Жаль не подумал об этом.

— И я тут сглупил. Только сейчас в голову пришло... Как ты себя чувствуешь?

— Норма. — Но, чтобы выразиться более честно, пришлось уточнить: — В телесном плане. А вот психологически — отвратительно. Хочется заползти куда-нибудь в щель.

— Так остановимся и выпьем.

— Да, не повредит и, возможно, поможет, — отозвался я, — но мы уже почти у Петли, так давай сперва вернём машину.

Дядюшка согласился, и когда дело было сделано, мы зашли в бар выпить. Немного, но мне полегчало.

— Знаешь, дядюшка, что? Я готов проглотить одно совпадение, если уж так нужно, но не два подряд. Обе девушки были убиты. Хорошо, пусть нет в этом моей вины, и кто-то оказался тут умнее меня, так что не мне было его остановить. Но уж схватить его я намерен. Не схвачу, так покончу с этим бизнесом. Вновь подамся на ярмарку.

— Да как, малыш? То есть — каким образом они были убиты?

— Не знаю, чёрт возьми, — ни малейшего понятия! Если хочешь, насчёт той смерти всё же есть предположение, но смутное; пусть сначала созреет, тогда и скажу. — Я взглянул на наручные часы. — Уже без четверти три. Какие-то планы имеются?

— От Ауслендеров я звонил Фрэнку Бассету и условился с ним поужинать. Встречаемся в полседьмого в вестибюле отеля «Блэкстоун». А после этого у меня была мысль, чтобы один из нас навестил Монику Райт. Сегодня она первый день работает заместо Сэлли и, вероятно, много не вызнала, но порасспросить её стоит и, может, дать ей более конкретные советы. И — вот что...

— Что?

— Я уже почти закончил штудировать твой отчёт, распечатанный Моникой. Вчера весь вечер провёл над ним, вернувшись от Стэнтонов; за ним-то и застал меня звонок миссис Ауслендер. Если Моника не слишком устала после первого дня на новом месте, то, может быть, надиктуешь ей отчёт по вчерашнему вечеру?

— Ладно, — ответил я без особенного энтузиазма. Скучное это было занятие — писать или даже просто диктовать отчёты, но я понимал, что дядюшка Эм не зря этого требует. Столь многое, к чему вы возвращаетесь, перечитывая отчёт впоследствии, вдруг становится важным, и вы видите, как одно либо согласуется, либо противоречит иному, лишь недавно открытому. А как

замечательно бывает вновь сверяться с записями, когда дело подошло к концу и остаётся лишь дать показания!

— Ну, что, — по второй? — спросил дядюшка.

— Пожалуй, не стоит. Но, возвращаясь к повестке дня, — вечер у нас расписан, начиная с половины седьмого. А что до тех пор? У нас в запасе ещё три часа. Чем заполним?

— Хотел бы я знать! Следовало бы вновь повидаться со Стэнтонами, но трёх часов нам не хватит, учитывая дорогу до Роджерс-парка и назад. Правда, есть ещё этот парень из Эванстона, за которого Сэлли думала выйти замуж, но тут та же штука. Эванстон даже подальше будет. А ты что думаешь?

— Ключ от Сэллиной квартиры всё ещё у тебя, дядюшка?

— Нет, но владелец дома, вероятно, не откажет мне, если я вновь попрошу его о ключе. Только, Эд, я ведь и так всё осмотрел там внимательнейшим образом.

— А как насчёт, — спросил я, — вентиляционной шахты?

— Так ведь ни на подоконнике, ни в самой шахте не было никаких следов! Уж как я высовывался, чтобы найти какие-нибудь царапины или вытертости — свидетельства того, что кто-то взобрался снизу либо спустился сверху! Ведь должно же было остаться нечто подобное, если бы по этой шахте лазали. И — ничего. Уже давно не было дождя, и стены там сплошь покрыты копотью; в этой узкой шахте даже сквозняка нет, чтобы её обмести. Да я сам, пока заглядывал в шахту из окна, наоставлял там следов.

— И всё же есть один способ, — сказал я, — каким Сэлли могли убить из шахты без того, чтобы спускаться по ней или подыматься.

— Какой способ? — Дядюшка тупо уставился на меня.

— Дуем туда. Расскажу по дороге.

Глава 9

Объяснять я начал прямо в такси (мы поймали его, едва лишь вышли из бара).

— Чтобы убить Сэлли в её состоянии, достаточно было внезапного испуга — чего-нибудь страшного в окне. Не обязательно кого-нибудь, — просто чего-нибудь, что бы выглядело пугающе. Ну, вроде тыквы с горящими глазами, как на Хэллоуин. Только это была, конечно же, не тыква. Если я прав, и Сэлли была убита именно так, то понадобилось тут нечто пострашнее. Что, дядюшка, будет для тебя самым страшным?

Дядюшка Эм согласно склонил голову.

— Для Сэлли, несомненно, это марсианин. Негуманоидная морда либо голова из папье-маше своё дело сделали бы. Да ещё с подсветкой изнутри как у такой тыквы, чтобы прям свет из глаз, либо вообще всё полупрозрачное и светится. На что может быть похож марсианин, а, малыш? Ты же читаешь научную фантастику.

— Во всех книжках они разные, — ответил я, — но большей частью зелёные. И глаза — такие, на ножках. Обычно есть антенны наподобие муравьиных.

Это всё, конечно, говорилось не всерьёз, — ни мои ответы, ни вопрос дядюшки; но я вдруг представил себе существо, которое только что описал, и поёжился. Поскольку мне вдруг привиделось — глазами Сэлли, — как нечто похожее пялится на меня в окошко, до которого с кровати можно рукой дотянуться. И в ту самую ночь, когда девушка ожидает покушения со стороны марсиан.

Вероятно, дядюшка представил себе то же самое, поскольку с минуту не произносил ни слова. Затем он сказал:

— Возможно, возможно... Это единственное, что хоть отдалённо подходит с тех пор как я убедился, что в той воздушной шахте никто не побывал. И поскольку нам ума не приложить, что могло вызвать эту смерть из имеющегося в квартире. Что ж, обсудим. В здании четыре этажа, то есть в шахту, помимо Сэллиного окошка, выходят ещё три.

— Про крышу не забудь, — вставил я. — В общей сложности имеется четыре таких места, откуда та штуковина могла быть поднята либо спущена до Сэллиного окна. Крыша даже более вероятна.

— Почему?

— Не ошибусь, если скажу, что в этом здании все квартиры населены. Мы это, конечно, выясним, когда будем говорить с хозяином, но можем уже сейчас на это рассчитывать. Если только убийца сам не занимает одну из этих квартир, он теми окнами воспользоваться не мог. Да и вообще крыша гораздо удобнее.

— Думаю, Эд, рассудил ты верно. Там весь квартал состоит из зданий одной высоты, ни одного пятиэтажного, либо ниже четырёх этажей. Можно прямо путешествовать по крышам. Значит, захоти я убить Сэлли именно этим способом, я не стал бы привлекать к себе внимания, нанимая квартиру в том же доме, да пусть бы даже у меня такая имелась и с окном на вентиляционную шахту. Да, ты прав: крыша лучший вариант. Туда открывается доступ с любой другой крыши квартала. Правда, если мы хотим в том убедиться, надо будет проверить, не появлялись ли в соседних домах новые жильцы. Хотя убийце вовсе не было нужды снимать в этих домах комнату либо квартиру; это всё меблированные комнаты в многоквартирных домах. Если убийца нашёл такую комнату, из которой открывается лёгкий доступ на крышу, то поселится в ней ему было вовсе не обязательно. Ну, мы приехали.

Такси остановилось у входа. Дядюшка Эм расплатился; мы вышли.

Перед тем как войти внутрь, я перешёл на другую сторону улицы, чтобы обозреть крыши. Дядюшка Эм был прав. Почти все здания тут были четырёхэтажные, лишь с одного конца квартала виделись пятиэтажки, да трёхэтажные здания с другого. Появись убийца на крыше с более низкого конца, ему всего-то пришлось бы немного поупражняться в скалолазании.

Когда мы уже вступили на крыльцо, дядюшка Эм остановился.

— Я вот что подумал, малыш. Этот Корбицкий, хозяин, он этакий старикан, не дурак выпить. Он и мне предложил в прошлый раз, да кухонный шкаф у него оказался пуст. Давай-ка подкатим к

нему со своим, чтобы он быстрее разговорился. Не то чтобы вчера он был неразговорчив, но выпивка улучшит ему память. Вон, на углу, магазин.

Я согласился, и мы направились к магазину.

— Можно также выяснить, — продолжал дядюшка, — не здесь ли купила Сэлли ту бутылку. Забыл сказать: я попросил у Стэнтона её фото, — авось пригодится.

— У них ты что-нибудь выяснил?

— Ничего нового. Со всеми поговорил и — всё то же, что и у тебя. Вызнал всё про детство Сэлли и про жизнь её родителей; история та же, что и Сэлли тебе рассказывала. Это и делает всю эту историю такой тугой. Все нам рассказывают одно и то же. Нигде никакого противоречия!

— Вернеке был трезв?

— Как стёклышко. Я его — насчёт марсиан, а он только смеётся, да не без смущения. Говорит, что шутил тогда с тобой, что он всегда, хотя сам не знает зачем, заводит шутки насчёт марсиан, когда выпьет. У меня о нём мнение в точности как и твоё: я так и не понял, верит ли он в них и лишь отнекивается трезвый, либо же разговоры о них добавочно веселят его, когда он и так навеселе. Если «сдвинутый» на них, то ведь и так человек не вполне нормальный.

В магазине дядюшка купил пинту доброго виски, после чего подsunул продавцу фотографию Сэлли Доерр. Высокий человек за прилавком вперился в фото сквозь толстые очки.

— Знакомы мы не были. Но здесь она бывала. Думаю, живёт где-то поблизости.

— Почти угадал, — сказал дядюшка. — Умерла на той неделе. Мы её семью разыскиваем. Будем благодарны любым сведениям об этой девушке.

Человек за прилавком поскрёб макушку.

— Многого не скажу. Занимаюсь тут бизнесом полгода, и всё это время она периодически захаживала. Не часто. Пивко покупала, временами бутылку виски да содовой в придачу.

— Всегда одна?

— Не всегда. Вот, помню я, заходила с девушкой, а та — точная копия её. Сестрица, должно быть. Очень похожи, потому и запомнил. Уже давненько, должно быть — несколько месяцев тому назад.

— Ещё какие-нибудь спутники припоминаются?

— Пару раз был с ней молодой человек. — Продавец взглянул на меня. — Вашего роста; слегка, может, погрузней, только блондин. Стрижка ёжиком и без шляпы.

— Как давно?

— С месяц или два тому назад. Кажется, звала его Биллом. Он платил за всё, что они тут брали. Не помню, звал ли он её по имени. А как её звали?

Скрывать было нечего.

— Сэлли Доерр, — сказал я ему. — А больше ни с кем она тут не бывала?

— Нет, других не помню. Это, наверно, всё, что могу вам сказать.

Мы поблагодарили и вышли. На обратном пути дядюшка произнёс:

— Вряд ли что даст, но попробовать стоит. «Билл» — это, вероятно, Уильям Хаберман, её жених или почти жених, из Эванстона. Если это описание к нему подойдёт, то всё ясно. Раньше или позже, а один из нас непременно должен его повидать.

Вместо ответа я кивнул. Глупо, конечно, но мне претила сама мысль о том, что блондин по имени Билл со стрижкой ёжиком заходил с бутылкой виски в квартиру Сэлли. Мне хотелось дать ему в нос, причём без всякого повода — Сэлли ничего для меня не значила, к тому же и вовсе лежала в могиле. С чего ж мне его ненавидеть, даже не повидав?

Мы вновь взошли на крыльцо и без остановки проследовали в коридор. Дядюшка постучал в нужную дверь, я же отметил про себя, что эта дверь, в самом конце коридора, должна находиться точно под Сэллиной. Значит, квартира Корбицкого — одна из тех трёх, что выходят на вентиляционную шахту. Беседа с ним позволяла нам убить двух зайцев сразу.

Отворив дверь и радостно приветствуя дядюшку Эма, Корбицкий имел вид более довольный, чем удивлённый. Должно быть, в первый дядюшкин приход сюда они вполне поладили. Маленький старичок в районе семидесяти, но шустрый и весёлый. То ли только-только начал отращивать бороду, то ли просто не брился четыре или пять дней; в то же время опрятный.

Ещё не успел дядюшка Эм меня представить, а уж старичок ввёл нас в своё жилище. Рука его, которую мы оба пожали, была тонка как птичья лапка, но крепка на удивление.

— А это, значит, твой компаньон, о котором ты тогда рассказывал? Молодец хоть куда!

— Потому-то он со мной, — пояснил дядюшка. — На случай женщин. Способен выудить из них поболее, чем я вместе со всеми силами полиции.

Старичок захихикал.

— Вижу, к чему ты клонишь. Эх, предложить мне вам нечего: с тех пор, как ты заходил вчера, всё собирался...

— Значит, — ответил дядюшка, — мы вас опередили! — И он передал нашу пинту из рук в руки. — На этот раз не увильнёте — будете угощать! Даже если у вас не заготовлено льда в кубиках. В трудную минуту мы на такое и не посмотрим

— В трудную минуту лёд у меня найдётся. Садитесь, джентльмены, а я мигом. — И старичок устремился на кухню, в точности повторяющую расположением Сэллину. Дядюшка Эм остановил его.

— Мы — не джентльмены и, если не возражаете, не станем садиться. Пока вы готовите выпивку, мы желали бы взглянуть на крышу этого дома. Вы не возражаете?

— Взглянуть на крышу?

— На крышу. Как туда попасть?

— На четвёртом этаже в конце коридора люк. Но только нужна стремянка. А она в подвале.

— Мы найдём, — сказал дядюшка. — Этот люк заперт?

— На крючок изнутри; другого запора нет. А вот подвал заперт. Придётся мне дать вам ключ, коли вы всерьёз решили на крышу слазать.

Дядюшка Эм подтвердил, что мы не шутим, и получил ключ от подвала.

Тащить стремянку по лестничным пролётам на четвёртый этаж было совсем не просто — та оказалась длинной. Одному человеку это, возможно, и удалось бы, да времени ушла бы уйма.

Я откинул крючок на люке, толкнул крышку и вылез наверх. Перед тем, как осмотреться, я подал руку в помощь дядюшке Эму. Тот уселся на краю люка, чтобы отдышаться.

— Чёрт его бери, малыш; сам бы он — наш убийца — сюда не влез. Да и на крыше обязательно остались бы его следы. Вон, битум какой свежий.

Дядюшка бы совершенно прав: мои ноги оставляли глубокие вмятины. Я нагнулся, ткнул пальцем, — снова вмятинка. Крыша была залита битумом совсем недавно, сомнений в том не было никаких. Верхний слой, правда, затвердел подобно насту на снегу, но под ним было мягко.

— Но ведь дело было поздно, около полуночи, — заметил я. — Когда битум тверже.

Солнце сейчас и в самом деле палило нещадно. Я огляделся и приметил квадрат вентиляционного колодца, шахта которого вела вниз мимо оконца Сэллиной спальни.

— Побудь здесь, дядя Эм, — сказал я. — Пройдусь к колодцу, поищу следов, а вдвоём мы ещё не так наследим. Нужно будет вернуться сюда ночью, когда крыша остынет; посмотрим, останутся ли тогда отпечатки ног. А что сейчас остаются следы, так это не доказательство.

Я приблизился к отверстию вентиляционной шахты, однако остановился примерно в ярде от него. Следы, которые я оставлял на мягком битуме, были столь же явственными, как те, что некогда повергли в ужас Робинзона Крузо, однако то были мои собственные следы, и никаких иных на крыше не просматривалось.

Вернулся к люку я в твёрдом убеждении, что по этому битуму никто не ходил с тех самых пор, как им покрыли крышу, и всё же мне хотелось увериться окончательно, проведя тот же опыт в ночное время.

Мы вернулись на первый этаж, оставив стремянку прислонённой к стене возле люка на крышу, и изложили мистеру Корбицкому моё желание вернуться туда ночью, когда битум уже не будет размягчён прямыми лучами солнца.

— Полезай, — разрешил тот. — Только потом тебе надо будет вернуть стремянку в подвал. Я не стану его запирасть. А чего его вообще запирасть? Только лишний труд... Хотите ключ от квартиры Сэлли Доерр?

Я объяснил, что мы действительно хотели бы вновь его позаимствовать; Корбицкий не возражал.

Он уже приготовил всем выпить, и, судя по количеству оставшегося в бутылке виски, успел, должно быть, приложиться к ней в наше отсутствие. Нас, это, впрочем, не огорчило, поскольку мы

я дядюшкой и сейчас намеревались оставаться трезвыми, и не забирать бутылку с собой, если в ней что-то останется.

— А вот насчёт почты, — спросил я Корбицкого. — Приходили Сэлли письма после её смерти?

— Только до субботы, — ответил тот. — Я подумал насчёт писем и заглянул в её почтовый ящик. Одни только рекламки, да номер журнала «Тайм»; ещё открытка от её приятельницы, приехавшей в отпуск с Запада, — открытка из Йоусмита, в которой всего-то было: «Прекрасно провожу время». А в субботу после полудня я проходил мимо почтового отделения, ну и оставил там уведомление, чтобы всю почту пересылали её опекунам. Я же верно поступил, нет?

— Совершенно верно, — уверил я его. — Мистер Корбицкий, не можете ли сказать, кто проживает в квартире прямо над квартирой мисс Доерр и под ней?

— Так... На этаж выше живёт продавец, Джордж Эверетт. Много разъезжает, почти не бывает дома. Его уже около двух недель не было видно; вот-вот должен вернуться. Продаёт какие-то станки, действует в пяти или шести штатах.

— Вы уверены, что в ночь на прошлую пятницу его не было в городе?

— Говорю же, что две недели его не видал. А заплатить за квартиру ему следовало ещё на той неделе, поэтому я точно это знаю, ведь он прислал мне чек в оплату по почте. Пришёл чек в пятницу, со штампом Сент-Поля.

Я взглянул на дядюшку; тот кивнул мне и принял эстафету.

— Не будет ли столь предосудительно, мистер Корбуцки, если мы заглянем в квартиру мистера Эверетта?

— А зачем?

— Просто взглянуть, нет ли там следов чьего-либо пребывания на этих днях — или не лазили ли туда сквозь окошко вентиляционной шахты. Вы можете нас сопровождать и проследить, чтобы мы ничего там не нарушили, а времени это не займёт.

— Удивляюсь я вам. Так и быть! — но лишь при одном условии. Уж скажите мне, чего такого ищете — и на крыше, и в квартирах. Я понимаю: вы считаете, будто Сэлли умерла не своей смертью, но как её могли убить с крыши или из чужого жилья? Скажу вам одну вещь: по шахте никто не лазал. Я туда смотрел. Вы ведь тоже.

Дядюшка признал, что он заглядывал в шахту, но изложил также и моё предположение о том, что нечто могли поднять или спустить до нужной высоты — до Сэллиного окна — с целью напугать девушку.

Корбуцкий слушал и кивал:

— Может быть, может быть. Так вы полагаете — с крыши либо из квартиры Джорджа, когда того не было, а? Ну, что же, пойдёмте.

Он взял ключ с меткой из тумбочки, и мы прошли на четвёртый этаж. Корбицкий сперва постучал — не откроет ли кто — и только потом отпер дверь. Как и жилище самого Корбицкого, данная квартира в точности повторяла Сэллину в плане, лишь мебель расставили здесь слегка по-другому.

— Фу, как тут душно! — воскликнул Корбицкий по входе. — Все окна оставил закрытыми.

Мы с дядюшкой направились прямо в спальню, а там — к окошку в шахту. Оно тоже оставалось плотно закрытым; на подоконнике и на переплёте лежал двухнедельный слой пыли, как и на всех прочих горизонтальных поверхностях в комнате. Было ясно, что давно уже никто не открывал это окно и никто не перегибался через этот подоконник.

— Первая часть нашей гипотезы полетела к чертям, Эд, — сказал мне дядюшка. — Это было сделано не отсюда. Крыша либо одна из остальных квартир. Кто живёт на втором этаже, мистер Корбицкий?

— Скажу, когда ко мне вернёмся. А то влетит мистер Эверетт, а мы, понимаете ли, беседуем. Объясняй потом, отчего именно здесь.

Мы вернулись вниз. Корбицкий вновь приготовил себе выпить, мы же с дядюшкой отказались.

— За вас, джентльмены, — провозгласил наш хозяин.

— Второй этаж, — напомнил я.

Корбицкий покачал головой.

— Невозможно. Почтальон с женой, пожилая чета. Тихие и уважаемые, давние квартиросъёмщики — живут здесь вот уже лет шесть. Он вот-вот выйдет на пенсию, и тогда они собираются съехать в деревню. Нет, совать что-то в шахту из окна — только не они.

— А вдруг они отсутствовали в ночь на пятницу?

— Вряд ли. Точно были в городе. Отпуск он брал ранней весной; вот в апреле их и не было.

— А если отлучались на весь вечер?

— Это не исключено... А вас какое время интересует?

— Полночь или чуть позже.

— Нет, так поздно они шляться не могли, если и выходили вечером. Встают в шесть, а спать ложатся в десять, в крайнем случае — в одиннадцать. Чтобы не пришли к двенадцати — не бывало.

— Как их зовут?

— Уинслоу, Джеймс Уинслоу. С трудом таскается в своё Дерборнское отделение, тут недалеко. А иначе зачем бы им жить тут так долго, квартирка ведь маловата для двоих. У почтальона случаются долгие концы, а он не сумасшедший, чтобы ещё и на работу тягаться далеко. По крайней мере, так он мне сам говорил.

— Но наверно вы не знаете, что в ночь на пятницу они были дома?

— Своими глазами не видел, нет. Но коли не были, это нечто новенькое. Сами можете спросить миссис Уинслоу; кажется, она у себя.

Я взглянул на дядюшку; тот сказал:

— Я, Эд, схожу, — и оставил нас.

— Чета Уинслоу знала Сэлли? — спросил я Корбицкого.

— Только как соседку, не по имени. В воскресенье за обедом я с ними разговаривал. Примерно дважды в месяц они приглашают меня на обед. Я рассказал им, что Сэлли Доерр умерла, а они и не знали, кто это, пока я не объяснил, что это та рыжая девушка, что жила этажом выше. Они лишь помнили, что встречали такую на лестнице, но понятия не имели, из какой она квартиры.

Корбицкий глотнул виски и посмотрел на меня сквозь стакан. — А если вы желаете знать, не высовывал ли кто-либо что-то из моего окна, то отвечаю: никто и ничего.

Я решил дожидаться возвращения дядюшки и узнать у него подробности. Самому же мне захотелось прояснить всё до конца, и я спросил Корбицкого, давно ли крышу заливали битумом.

— Два месяца назад. Стала немного протекать, и я решил, что лучше уж полностью покрыть её битумом, чем шпаклевать там и сям. Ударило по карману.

— Давно вы владеете домом?

— С дюжину лет. Собственно, я им не владею — я не мог бы, скажем, продать его и податься на пенсию. Заложено в ипотеку; проценты и «коммуналка» «съедают» большую часть дохода от аренды. Но пока живу здесь и присматриваю за всем, хоть не плачу за жильё, и на жизнь ещё остаётся. Миссис Уинслоу точно дома; ваш дядя с ней заговорился. Да, я был некогда домовладельцем и имел доход со многих вещей, потерянных в Великую депрессию, когда стоимость недвижимости и квартплата упали почти до нуля. Но скажем честно: пока я содержу этот дом, он содержит меня.

— Так можно мне взять ключ от квартиры Сэлли Доерр, мистер Корбицкий?

— Бери. Сейчас туда поднимешься? — Корбицкий вынул ключ из тумбочки.

— Сейчас время нас поджимает. Приглашены на ужин. И всё же мы не всё ещё выяснили. Не возражаете, если я пройду в квартиру позже, после ночного осмотра крыши?

— Это пожалуйста. Прибраться в той квартире я собираюсь завтра; объявление о сдаче появится в завтрашних газетах, а потому лучше привести марафет к полудню, когда люди начнут приходить. Так что, коли не найдёшь меня на месте, перед уходом просто кинь ключ в прорезь моего почтового ящика. А есть я или меня нет, будет видно по свету из-под двери.

Поблагодарив Корбицкого, я положил ключ в карман.

— Но что касается личных вещей той девушки, то их ты там уже не найдёшь. Миссис Стэнтон забрала их вчера вечером. Я помогал ей носить их и класть в машину. — Корбицкий сделал неопределённый жест. — Недалёкая женщина, но славная. Сказала, что хотя плата за квартиру

внесена до конца месяца, она не будет возражать, если я сразу же сдам её вновь. Так что у меня полумесячная плата ни за что.

— Миссис Стэнтон одна приезжала?

— Одна, хотя ей пришлось туговато. Не думала она, что столько вещей окажется. Три чемодана одежды, торшер, настольная лампа, мягкая подушка. Ещё и гардины с окна, выходящего на улицу; но мне сказали, что я могу их оставить.

Вернулся дядюшка.

— Вечером в четверг они были дома, — объявил он, затем сел и взглянул на Корбицкого. — Осталась, мистер Корбицкий, только ваша квартира. Были вы в полночь на пятницу дома?

— Был и не спал. Даже алиби имею! Сидели с тремя приятелями за пивом и покером по маленькой. Один, правда, около полуночи ушёл, но с остальными двумя я порядочно засиделся. Вы же знаете, как это бывает, когда играешь в покер: время летит незаметно. Хотите проверить, так дам их имена.

Дядюшка усмехнулся.

— Вашего слова достаточно. Но мы приглашены на ужин. Надо поторапливаться.

Мы стали прощаться. Корбицкий быстро понял, что мы не намерены забирать недопитую бутылку.

Пора была ловить такси до Петли, поэтому мы вышли на Стейт-стрит. Я спросил дядюшку, о чём он так долго беседовал с миссис Уинслоу.

— Да ни о чём, — ответил дядюшка. — Немного поговорил с женщиной и только собрался уходить, как пришёл её муж. Ну, мне и пришлось начинать сначала. Весь вечер в четверг они были дома; спать легли в пол-одиннадцатого.

— А нельзя ли предположить... — Впрочем, я и сам не знал, что тут можно предположить, и вопрос мой повис в воздухе.

— Ничего тут, малыш, не предположишь. К ним никто не мог войти, потому что дверь они заперли на задвижку, и сон их неглубок. А если ты собираешься предположить, что это они высунули что-то в шахту, то тебе стоит на них посмотреть. — Дядюшка издал короткий смешок. — Они же вылитые Дэвид Хэрам² да мамочка Уистлера³. Пугатели людей марсианами из папье-маше из них — как дрозд из Санта-Клауса. Нет, малыш, — боюсь, что все квартиры выше по шахте чисты. Если Сэлли под окно что-то и спустили, так только с крыши.

— А в Корбицком ты уверен?

— Заболтает любого до смерти, это правда. А так — ничем не опасен.

С этим пришлось согласиться. Даже если бы у Корбицкого и были мотивы, представить его в образе убийцы мне не удавалось. И историю с игрой в покер по маленькой он не мог сочинить, раз предложил дать нам имена своих гостей.

К «Блэкстоуну» мы прибыли ранее условленного часа, но оказалось, что Фрэнк Бассет уже нас ждёт.

² Герой романа Эдварда Уэскотта (опубл. 1898), банкир из провинциального городка и торговец лошадьми. Роман был экранизирован в 1915 и 1934 годах, а также адаптирован под «мыльную оперу» американского радио.

³ Персонаж наиболее известной картины художника Джеймса Уистлера. Изображена в профиль.

Глава 10

Бассет объявил, что умирает с голоду, так что мы сразу прошли в обеденный зал. Но стоило нам усесться за стол, он пожелал выслушать про то, как утонула Дороти Доерр. Я выложил ему главное, не останавливаясь на мелочах и утаивая иные наши реплики. Когда я закончил, Бассет покачал головой.

— Звучит, словно какое-то безумное совпадение. Но иным это может быть? Едва ли это такое расчётливое самоубийство. Типа решила покончить счёты с жизнью, да и плыла, пока не утопла, а?

— Нет, не самоубийство, — ответил я. Вдаваться во все те причины, по которым я так считал, я не стал, — они вовсе не были связаны с этой второй смертью, да и Бассета это не касалось, — но, насколько я помнил, в то время Дороти вовсе не была в том настроении, когда кончают с собой. Тогда и меня можно в том заподозрить.

Бассет вздохнул.

— Вот я и говорю, что, значит, совпадение. Да: я, как и вы, тоже не люблю совпадений, — но они же, чёрт их бери, случаются! Вот я однажды купил своему двоюродному братцу галстук на Рождество, и когда мы разворачивал подарки, то — что бы вы думали, оказалось? Он купил мне точно такой же! Вот смеху было! Вдобавок мы наши чеки сравнили, так выяснилось, что оба купили эти галстуки в «Маршал Филдс», и в один и тот же день.

— Но тут, Фрэнк, двойное совпадение. Сэлли уверяла, что её убьют, и она умерла. Дороти так же думала, и тоже умерла. И всё это за двадцать четыре часа, а то и меньше.

— Эд, ну и что с того? А вдруг смерть Сэлли, да ещё после её так называемых предчувствий, так подействовала на её сестру, что та тоже навоображала себе каких-то предчувствий, да и постаралась, чтобы те сбылись?

— Нет. Дороти не была чокнутой, как Сэлли. Не стала бы она кончать с собой ради того, чтобы предчувствие сбылось. Слово даю, Фрэнк. И обе девушки, хоть и ладили между собой, не были настолько близки, чтобы с ума сходить друг по дружке.

— Но тогда, Эд, каким образом могли убить Дороти?

— Есть одна смутная мысль, — отозвался я, — но пока не буду о том говорить. Не вполне уверен, что нечто нащупал.

Дядюшка Эм воззрился на меня с удивлением.

— Эд, ты говорил мне, что у тебя есть версия, но по поводу смерти только одной из этих девушек; я думал, что ты имел в виду Сэлли!

— Нет, дядюшка, я не её имел в виду. Мысль о каком-то пугале в шахте мне тоже пришла в голову только перед тем, как я её высказал.

Дядюшка Эм ещё пялился на меня, когда Бассет переспросил о «пугале в шахте», а потому я оставил дядюшку с его удивлённой миной и рассказал Бассету про наши предположения и про то, как мы одну за другой исключили все иные возможности доступа к шахте, за исключением сверху, с крыши.

Бассет пожал плечами.

— Ну, допустим, Эд, хотя звучит надуманно. Правда, для меня так же надуманно звучит и всякая мысль о том, что обе девушки были убиты. Сам не знаю, чего ради я вообще занимаюсь с вами всем этим. Чей-то пьяный бред, да и только, и лишь банкнота в тысячу долларов не даёт покоя! Некто помимо вас двоих также всерьёз полагает, что тут есть в чём покопаться!

— Ты, Фрэнк, проверил банкноту по серийному номеру? — спросил дядюшка.

— Проверил. Нашёл нужную банковскую запись, но это никуда нас не ведёт. Банкнота была выдана полгода назад. Пошла оператору крупного казино, где в карты играют; оно располагается сразу за чертой этого округа. Нечего даже пытаться отследить её путь далее: во-первых, времени суток там они нам не назовут, тем более куда затем отправилась та или иная конкретная банкнота. Там играют по-крупному, и банкноты наподобие этой пускаются в собственный путь из рук в руки. Как выйдут из банка, так за полгода сменят по дюжине хозяев.

— Тут впору Вернеке заподозрить, — сказал я. — Он у нас игрок, а не Стэнтон.

Бассет перевёл на меня взгляд своих бледных глаз.

— Сможешь ли ты, Эд, утверждать, глядя на человека, игрок он или не игрок? Что он не сможет вдруг поставить всё на кон да и огрести по полной, а после раскинуть там-сям тысячными купюрами? Я ещё этого Вернеке не видел; что ты имел в виду, говоря, «впору подумать»? Костюм в клетку и бриллиантовая булавка на галстук? Или просто щиток на глаза?

— Я просто имел в виду, — ответил я, — что Стэнтон, на мой взгляд, умерен в жизни, а Вернеке — наоборот. Но — всё так: ты прав, говоря, что нельзя сказать по первому взгляду, готов ли человек периодически ставить всё на кон. Ты, Фрэнк, не выяснял, насколько велик доход Вернеке?

— А, ничего особенного. Впрочем, не мал, при его-то обстоятельствах. Раз в месяц получает чек на четыреста тридцать пять долларов отчислений да сам выписывает Стэнтонам по сотне за стол и дом. У него остаётся, значит, ещё восемьдесят на выпивку да игру. Неплохо для человека без семьи.

— Если учесть ещё, — сказал я, — что он не интересуется женщинами; а меня он именно в этом и уверял. Но тут не восемьдесят долларов, Фрэнк; ты забыл подоходный налог. Немало он должен отваливать. Впрочем, пить без передыху это ему не мешает. А каков, по-твоему, должен быть доход Стэнтона как закупщика в универмаге?

— От пяти до семи тысяч в год. Высоких зарплат универмаги не платят. Это столько же, или даже больше, чем доход Вернеке, но Стэнтон ведь содержит жену и ребёнка, так что условия у них разные. Раньше они были ещё более несходны: Стэнтон содержал и Дороти, оплачивал её учёбу в колледже. Спору нет: Стэнтон не имеет достаточно средств, чтобы можно было говорить о нём в связи с игрой.

— Так вы полагаете, что наш клиент — это Вернеке?

Бассет кивнул.

— Залётная тысяча баксов — это по его части. Тем более на него похоже, что выпил да и решил изобразить из себя марсианина. Предполагаю, что он подозревает братца и надеется, что в ходе расследования вы его разоблачите, но самому — в данном случае — финансировать открыто не хочется. Конечно, следовало прийти к вам лично и попросить держать его имя в тайн, но вдруг он не верит вам на слово.

— То же самое можно сказать и о Стэнтоне, — возразил я, — если он подозревает Вернеке.

— Тебе выбирать, Эд. Просто Вернеке больше подходит с финансовой точки зрения. Ну, вот, боюсь, и всё, что я мог сделать для вас к этому часу. А официально я смогу приступить, лишь если вы предоставите какие-то доказательства в пользу убийства Сэлли Доерр.

— И большое, Фрэнк, тебе спасибо, — сказал дядюшка Эм. — Даже за это.

— Не стоит. Мне это было проще, чем вам. Ох, ещё ведь одно. Я попросил Макклейна припомнить всё в точности, что говорила ему Сэлли, когда пришла к нам в отдел с заявлением об угрозе со стороны марсиан. Я подумал, что она могла рассказать ему — перед тем как он дал ей от ворот поворот, — что именно навело её на эту мысль.

— И она рассказала? — спросил я. Как было бы здорово, окажись это так! В течение вечера и ночи, проведённых в обществе Сэлли, я намеренно не давал ей и думать о марсианах, а сейчас сильно об этом жалел. Каким бы обосновательным ни был её страх, нам не мешало знать, из чего он происходит.

— Рассказала, — ответил Бассет. — Оказывается, они сообщили ей об этом по телефону.

Меня аж на стуле подбросило. Сходилось! Нашла объяснение Сэллиной твёрдая уверенность в том, что именно и когда произойдёт. Более того, всё шло к тому, что теперь она могла помереть даже с лёгкого перепугу. Правда, это не объясняло ещё, от какого именно испуга ей судьба была умереть, но теоретически подготовка была произведена.

Но сходилось не только это. Лыком в строку оказывался теперь и тот телефонный звонок, который разбудил меня в два часа ночи, часа два спустя свершившейся Сэллиной смерти. Тот, кто звонил, чтобы предупредить Сэлли о её смерти, мог позвонить с целью проверить, сработал ли его замысел. А поскольку ответил ему мужской голос, то звонивший, не выяснив того, что хотел, без лишних слов повесил трубку.

Имей я некоторые сомнения насчёт того, была ли Сэлли Доерр убита, сказанное Бассетом их развеяло. Я всё ещё не мог догадаться, как именно это произошло, — не считая ещё не

доказанного предположения о том, что нечто было спущено в вентиляционную шахту, — но в самом факте убийства сомнений теперь не осталось. И если Сэллина смерть была делом рук убийцы, то и смерть Дороти также. А в этом, втором, случае, хотя я не мог этого доказать, я уже знал, как оно было совершено на деле.

— Марсиане позвонили ей только один раз? — спросил я Бассета. — Сэлли про это говорила?

— Про то Макклейн не спрашивал. Не вдавался в такие детали.

Я бы и сам не стал спрашивать, так что не винил Макклейна.

Пообедав, Бассет сказал, что ему пора.

— Признаю, — сказал он напоследок, — что смерть Дороти выглядит очень странно, и всё же ничего подозрительного в ней не вижу. Вам, правда, незачем брать в расчёт мои слова. Такой задаток вы ведь всё равно будете отрабатывать. Или — не будете?

— Да будем, — ответил я. — Не всё рабочее время, конечно же, а то по миру пойдём.

— Тогда дайте мне знать, если что-то нароете; тогда я, возможно, объявлю это убийством и смогу к вам присоединиться. А до того — я пас.

Мы с дядюшкой уговорили его выпить послеобеденную, и, пока ожидали доставки, дядюшка Эм сказал:

— Если, Эд, ты собираешься вечером повидать Монику, так не лучше ли просто ей позвонить? У меня есть и телефон её, и адрес. — И, вынув записную книжку, дядюшка протянул ту мне.

Я направился к телефонной кабинке. Голос Моники ответил мне: «Моника Райт слушает». Люблю, когда так отвечают по телефону, а не просто бросают ничего не значащее «алло».

— Эд Хантер, Моника, — сказал я. — Свободна вечером?

— Э... не совсем. Я...

— По делу я, по делу. Если располагаешь временем, то хотел бы надиктовать тебе ещё один отчёт. А коли будет поздно, чтобы перепечатывать его сегодня, завтра напечатаешь. И мы сможем обговорить твои действия в этой страховой компании. Идёт?

— Идёт. Собиралась вымыть голову и сделать себе перманентную завивку. Но, я думаю, это обождёт.

— Прекрасно. Ты в офис подойдёшь со своим блокнотом, или мне к тебе прийти?

Какое-то мгновение Моника колебалась, но потом сообщила, что ей ничего не стоит принять меня у себя; я обещал прийти через час.

Вернувшись к столу, я увидел принесённую выпивку. Бассет, как всегда, предпочёл неразбавленное; выпил он не откладывая и удалился. Дядюшка Эм сказал мне:

— Ну, что, малыш, договорился со стенографисткой?

Я кивнул.

— Ты со мной?

— Идти вдвоём смысла нет. Отчёт, когда его напечатают, я обязательно изучу, но мне нет необходимости слушать, как ты будешь его диктовать. Лучше тем временем сам за что-нибудь примусь. Возможно, ненадолго заскочу в контору.

— Для чего?

— Там, знаешь ли, мне как-то лучше думается. И вообще ведь мы ещё сегодня там не побывали. А вдруг почта? Тебя всё ещё тянет вернуться и вновь обследовать крышу?

Я кивнул.

— А также вновь осмотреть квартиру. Даже если вещи унесены. И не спрашивай, что я собираюсь там найти. Сам не знаю.

И в самом деле, что? Не призрак же Сэлли Доерр... А хоть бы и призрак!

— Я, дядюшка, вероятно, и на ночь там останусь, — огорошил я его.

Дядюшка холодно взглянул на меня.

— Малыш, — ты, возможно, знаешь, что делаешь, но чёрт меня возьми, если я это знаю. Что ж, в том состоянии, в котором ты находишься, наверно и впрямь всё что угодно лучше ничегонеделания. Если только... как насчёт того, чтобы нам позже встретиться да выпить как следует?

— И совсем не хочется.

— Тогда не подойти ли мне к Сэлли позже вечером?

Я решительно покачал головой.

— О'кей, — вздохнул дядюшка. — Не стану лезть к тебе в душу. А мне чем заняться — не посоветуешь?

Я задумался.

— Если есть время, то можешь узнать, когда будут хоронить Дороти, и послать цветы. Я, наверно, на похороны не пойду, но уж цветы-то мы послать можем. Она была отличной девушкой, дядя Эм. Как подумаю, что позволил её убить...

— Кончай, Эд. Пошлю я цветы. И надо ещё подумать над тем, как нам хоть немного отплатить Ауслендерам за то, что они для тебя сделали. Это большое дело. Что бы придумать... Есть мысли?

Я вновь покачал головой. Мозги не работали. Дядюшка продолжал:

— Я заметил, что их каноэ всё обшарпанное и в латках. Как насчёт того, чтобы купить им новое?

— Я бы и «Королевы Елизаветы» для них не пожалел.

— Да, было бы неплохо, но она не протиснется сквозь шлюзы на реке Святого Лаврентия. Так что ограничимся каноэ. Ещё по одной?

— Нет, спасибо.

— О'кей, малыш. — Дядюшка встал. — Займусь цветами, а после — в контору. К тому времени, возможно, найду чем заняться. А нет, так завалюсь на боковую пораньше. Прошлую ночь засиделся за отчётом, и только начал засыпать, как позвонила миссис Ауслендер. Потом лишь подремал с пяти до семи у твоей кровати.

А я и забыл, что дядюшке почти не довелось поспать.

— О'кей, — сказал я. — Увидимся дома, утром. Даже если я лягу у Сэлли, всё равно мне нужно будет зайти домой освежиться.

Выйдя из «Блэкстоуна», мы расстались. Было всего лишь полвосьмого, спешить не было нужды, а потому я прошёлся до Стейт-стрит и сел на трамвай. Даже с таким большим задатком не следовало по поводу и без повода хватать такси.

Моника жила в противоположном конце города, но в такой же квартирке, что Сэлли, и я почти что вообразил себе, когда Моника открыла мне дверь, что сейчас прошлый четверг, и я у Сэлли в гостях. Две комнаты, кухня, — всё почти такое же.

Только не было Сэлли, вместо неё — Моника. Не чокнутая. Которая знать не знала никаких марсиан.

— Садитесь, мистер Хантер, — произнесла она. — Сейчас возьму блокнот. Или вы сперва желаете, чтобы я рассказала вам, как провела день в кредитной компании?

— Что-нибудь интересное выяснила?

— Боюсь, что нет. Кажется, там и выяснять будет нечего. Я хотела сказать — по тому вопросу, которым вы сейчас занимаетесь.

— Тогда займёмся диктовкой.

— Хорошо, мистер Хантер. Вот вам кресло. Я сяду за стол; там писать удобнее.

— А ведь мы зашли уже так далеко, — сказал я, — что ты стала звать меня Эдом. Не помнишь?

Девушка слегка улыбнулась. Я сел в набивное кресло. Обивка его была другой, чем у Сэлли в квартире, но стояло оно на таком же месте и в том же положении.

В руке у Моника появился карандаш, только вот я не знал, с чего мне начать. Или — каким образом. Рассказывать о произошедшем прошлой ночью совершенно не было желания. Не то чтобы не хотелось посвящать в события Моника Райт (ведь Моника ничего для меня не значила), просто не хотелось словно бы проживать ту ночь заново, вообще, ради кого бы то ни было. Дядюшке Эму я, разумеется, рассказал всё, да Бассету в общих чертах. И вот приходилось снова...

— Моника, — произнёс я. — У тебя, случайно, нет предчувствия?

— Предчувствия?

— Что сегодня ночью с тобой что-то случится?

Сперва девушка не поняла; в лице её появилась краска гнева. Но затем, пристально в меня взглядевшись, она, кажется, осознала, что я не то имел в виду.

— Что такое, Эд? У тебя вид, словно бы с тобой случилось нечто ужасное.

И я начал ей излагать. Мне пришлось даже указать ей, что следует стенографировать, а не сидеть раскрыв рот, после чего я начал сначала. Так оказалось легче — словно бы я отвечал на её

вопрос, а не диктовал отчёт. Только отвечать я взялся как можно подробнее, пропуская лишь совсем личное.

— Вот и всё, — сказал я наконец, и Моника закрыла блокнот.

— Ужасно! — произнесла она. — Как это, должно быть, было ужасно!

Я издал неопределённое «угу».

— Видишь теперь, что я имел в виду? И если у тебя есть какое-то предчувствие, что с тобой непременно что-то случится, то не проси меня тебя охранять.

— Но ведь в том не было твоей вины! Тебе не следует винить себя!

Именно это мне и твердили, — все, кроме меня самого.

— Ладно, проехали, — сказал я. — Как там, на работе?

— Нормально. Только боюсь, что не много чего узнала.

— Ну, в первый день и ожидать нечего. Расскажи, что входит в твои обязанности.

Рассказ её в точности повторял рассказ той женщины, начальницы отдела, которую мне уже довелось расспрашивать. Никаких концов там, судя по всему, отыскать было невозможно.

— А Сэлли никому не рассказывала про своих марсиан?

— Видишь ли, марсиане пока не пришлись у меня к слову. Я отрекомендовалась как Сэллина знакомая, но решила не задавать слишком много вопросов сразу. Есть там одна девушка, Шарлотта Эндрюс, которая ближе всех сошлась с Сэлли. Они, возможно, стали подругами. И всё же ей и невдомёк было, что Сэлли умерла, пока ты не пришёл тогда в компанию. Когда я пришла вчера туда устраиваться, у неё глаза были красные от слёз.

— И ты с ней сразу же поговорила?

— Тогда ещё нет. Но когда я явилась на службу сегодня утром, то в первую очередь сошлась с ней, — прямо в туалет за ней побежала, как увидела, что она туда направляется. И когда я упомянула, что немного знала Сэлли, она разоткровенничалась и пожелала знать, как именно Сэлли умерла.

— Неужели? То есть, она что-то подозревала?

— Ох, нет! Ей было известно, что у Сэлли слабое сердце, и она приняла такую версию. Просто интересовалась подробностями; особенно огорчало её то, что она не побывала на похоронах — даже цветов не послала.

— Много ты ей рассказала?

— Только то, что Сэлли умерла в прошлый четверг, среди ночи, от разрыва сердца. Я сказала, что тоже не была на похоронах, но что ведь Сэлли была мне всего лишь знакомая, а не близкая подруга. Хватить через край мне не хотелось. Этот разговор, конечно же, не весь происходил в туалете; мы вместе пошли на ланч.

— Молодец, — сказал я. — Быстро двигаешься. — С минуту я размышлял. — Мне бы и самому не мешало встретиться с этой Шарлоттой Эндрюс. Есть у тебя её телефон или адрес?

— Завтра раздобуду. Только... ты хочешь подступиться к ней в открытую, как детектив, или просто встретиться, будто бы случайно? Знаешь, ведь я могла бы это устроить, типа свидания пара на пару.

— Да, так будет лучше. Тебе надо представить и меня как друга Сэлли, тогда будет выглядеть естественно, что я заговорю о ней и втяну Шарлотту в разговор. Слушай, а вот что ещё лучше. Я имею в виду, если удастся устроить это двойное свидание. Скажи ей — до разговора о свидании — что я студент психологического факультета. Даже что я собираюсь стать психиатром. Эта Шарлотта — она интеллигентная девушка, образована?

— Какое там!

— Так удовольствуемся этим. Знала она — либо как-то чувствовала, — что Сэлли была психопаткой?

— Конечно! «Немного сдвинутая», как она выразилась. Как я уже сказала, я не хотела с первых же слов педальировать эту тему, а потому не спрашивала, на чём именно сдвинута Сэлли. Так мне назначить это двойное свидание, скажем, на завтрашний вечер? То есть, если Шарлотта будет свободна?

— Попытайся, — согласился я. — Но это слишком скоро, у неё могут быть планы.

— Да уж вряд ли. Она — того, дурковата, да к тому же дурнушка. Вряд ли бегаёт от поклонников. Наверно, поэтому они с Сэлли и подружились. Ты никогда не замечал, Эд, что

красотки выбирают себе в подруги девушек непривлекательных, и наоборот? Не думаю, чтобы они поступали так специально, и всё-таки красотки имеют при себе дурнушек словно бы фоном, дурнушки же рассчитывают тоже отхватить свидание — в качестве подруг этих красавиц.

Я усмехнулся.

— Тогда вы с Шарлоттой должны подходить друг другу. Вот ты и подарила ей свидание. Это... ты подберёшь кого-то, или это сделать мне? Для Шарлотты, я имею в виду.

— Ты всё перепутал. Это у тебя свидание с Шарлоттой, чтобы ты смог поговорить с ней о Сэлли. И подбирать мне «кого-то» не нужно, спасибо. У меня самой есть приятели. На завтра как раз свидание назначено.

Я рассмеялся и понял, что мне даже легче стало. Моника была мне не шутя по сердцу. Просто до сей минуты у нас с ней не нашлось друг к другу подхода.

Я сказал Монике, что позвоню ей завтра в шесть вечера — узнать, удалось ли устроить это свидание пара на пару. Из того, что она рассказала мне про Шарлотту, предстоящее знакомство не радовало, но ради ближайшей подруги Сэлли стоило пожертвовать одним вечером.

Ещё не было и десяти, и я предложил Монике пойти куда-нибудь выпить, однако девушка напомнила мне, что ей требуется ещё напечатать продиктованный отчёт, а засиживаться за этой работой до ночи не следует, поскольку завтра ей рано на службу. На том мы и распростились.

На улице я забежал в аптеку купить фонарик, а затем направился к бывшему жилищу Сэлли.

Стремянка находилась там, где мы её и оставили, — на четвёртом этаже, и я легко выбрался на крышу. В небе ярко светила луна. Было столь же жарко и душно, как и в ночь на пятницу; ни дуновения ветерка. Сняв обувь, я проследовал по крыше до открытого колодца вентиляционной шахты, что вела вниз к Сэллиному окошку.

Битумный настил слегка пружинил под моими ногами. Наклонившись, я внимательно осмотрел его, освещая фонариком. Да, мои следы отпечатывались на нём, даже босые. Отпечатки были слабые, но разглядеть их не составляло труда. Битум лежал толстым слоем, но твёрдой была только верхняя корка. Моя стопа слегка её продавливала.

Согнувшись почти вдвое, я подобрался к шахтному колодцу. Единственными следами вблизи него были те, что я сам оставлял.

Смерть пришла к Сэлли не по этой шахте, не с крыши.

Я чертыхнулся. Идея о некоем приспособлении, спущенном в шахту, оказалась несостоятельной. Её следовало полностью забыть, либо же обвинить престарелого почтальона накануне ухода на пенсию, да его жену, которые столь полюбились дядюшке Эму, — наконец, того словоохотливого и симпатичного поляка-хозяина, который был раза в три старше Сэлли и имел не больше мотивов для её убийства, чем я, да к тому же обладал алиби: в ночь убийства играл в покер.

По стремянке я вернулся на четвёртый этаж и запер чердачный люк изнутри. Тащить длинную стремянку вниз по лестнице одному было нелегко, но я справился. Дотащил её по крайней мере до первого этажа; там меня услышал Корбицкий. Он вышел из своей сторожки и подал помощь: в подвал мы тащили стремянку вдвоём.

Корбицкий уговорил меня зайти к нему хоть на пару минут, чтобы рассказать о результатах исследования крыши, а заодно угоститься глотком из той, принесённой днём, бутылки.

Мне не хотелось ни пить, ни чесать языком, но отнекиваться не было сил. Я зашёл к Корбицкому.

Тот занялся приготовлением выпивки. Я предупредил его, чтобы мне он делал послабее.

— Мистер Корбицкий, вам не попадалась одна Сэллина подруга, Шарлотта Эндрюс? — спросил я между тем.

— Мне Сэллины подруги по именам не известны. А как она выглядит?

— Сам не знаю, — признался я. — Увижу её лишь завтра.

— Что ж, я видал, как Сэлли приходила и уходила с разными людьми. Чаще всех здесь появлялся один блондин с армейской стрижкой.

— А бывало, что он оставался на всю... Нет, постойте: тут я уже не в своё дело лезу.

— Подумаешь! Я всё равно не могу на это ответить. Я не отмечаю времени прихода и ухода к моим постояльцам гостей, и чем они там занимаются — это их личное дело, только бы не шумели. Даже если он оставался завтракать, мне не доводилось наблюдать его ухода. Так ведь я поздно

встаю! Редко ложусь до полуночи или даже до часу ночи, а встаю уж после девяти, а то и в десять. В моём возрасте, Эд, спать требуется часов по девять, а я и по десять часто сплю. Но если вернуться к Сэллиным подругам, то одну я видал с ней чаще прочих — раз восемь или десять; так та была клыкастая. Зубы выступали вперёд. Если это... как ты назвал?

— Шарлотта Эндрюс.

— Если окажется, что у Шарлотты Эндрюс клыки выпирают, то это она.

Я усмехнулся.

— Очень надеюсь, что не она. У меня с ней, возможно, завтра вечером будет свидание. Послушайте, мистер Корбицкий, вы не будете возражать, если эту ночь я проведу в квартире Сэлли?

— Да вовсе нет, только не сори. Но там нет простыней на кровати. Сегодня я их снял, а завтра буду там убирать — готовить хату, чтобы пришли смотреть наниматели по объявлению в газете. Ну, да ночка душная, можно не накрываться.

— Верно, спасибо. Утром, когда буду уходить, брошу ключ вам в почтовый ящик. Так я пошёл.

Я отставил пустой стакан и встал.

— Поболтали бы ещё, да уж ладно. Вот что Эд; скажи-ка мне одну вещь. Вы, конечно, в самом деле думаете, что Сэлли Доеерр была убита, иначе не затевали бы эту маетню. Но за что? Каким образом? И вообще — с чего вы взяли?

— Хотел бы я сам это знать, мистер Корбицкий, — ответил я. — Честное слово: ни малейшего понятия!

И я направился в квартиру Сэлли.

Глава 11

Включив везде свет, некоторое время я беспорядочно рыскал по квартире. Чего искать, я знать не знал, ничего и не нашёл.

Помимо подушек с софы да двух светильников недоставало чего-то ещё. Не сразу сообразил я, чего именно; мне пришлось сесть в мягкое кресло да закрыть глаза, чтобы мысленно вообразить квартиру, каковой она предстала мне в прошлый раз. Только после этого я вновь раскрыл глаза и понял, что исчезла картина, ранее висевшая на противоположной стене. То был пейзаж, нарисованный маслом, исполнения весьма посредственного. Не исключено, что некогда Сэлли увлекалась рисованием и сама намалевала этот пейзаж. Корбицкий картину не упоминал, но это вряд ли имело какое-то значение. С убийством эта картина никак не увязывалась.

Я встал с кресла и вновь принялся бесцельно слоняться по квартире. Подходил я и к окошку спальни, чтобы посветить в шахту фонариком. И что я надеялся там обнаружить?

Эту шахту следовало напрочь исключить. Ни со стороны крыши, ни из верхних окон в неё ничего не спускали. Старый Корбицкий и вовсе был непредставим в роли убийцы, а насчёт пожилого почтальона и его жены я охотно доверился мнению дядюшки Эма.

Итак, я велел себе забыть о шахте, чтобы думать об иных возможностях. Но о каких? У меня самого не было ответа.

Я взглянул на кровать. Простыни с неё сняли, как и обе наволочки с брошенных на матрац подушек. Эти подушки я вновь аккуратно положил в изголовье, как они были при Сэлли, да сам вытянулся на кровати, положил голову на эти подушки и впери́л взгляд в потолок. Но и там смотреть было не на что.

Я попытался придумать хоть какую-нибудь, самую маленькую угрозу, чтобы Сэлли, лежащая как я сейчас, оказалась напуганной до разрыва сердца. Бесшумную угрозу, поскольку иначе, из соседней комнаты, я бы услышал.

Собственно, я уж начал сомневаться, не прав ли Фрэнк Бассет, утверждающий, что смерть Сэлли от разрыва сердца в ту ночь была простым совпадением. Но кто-то посчитал, что прав всё-таки я, и послал мне в поддержку тысячу долларов.

Стэнтон или Вернеке?

Но я выбросил этот вопрос из головы, поскольку ответ ничего не изменил бы, по крайней мере до тех пор, пока оставался загадкой способ убийства.

Как, как оно было совершено?!

Я встал с кровати и вернулся в гостиную. Свет в спальне я не тушил и дверь оставил приоткрытой, — всё, как в ту ночь на пятницу. Кресло притягивало сесть и подумать. А поскольку было жарко и душно, поскольку рано или поздно всё равно следовало отойти ко сну, то я вновь, как в тот раз, снял с себя пиджак, галстук и туфли.

Только перед тем, как сесть в это кресло, я потушил свет. Мысленно я перенёсся в ту ночь, вообразил лежащую в своей кровати Сэлли, нагую, — хотя тогда я о том не догадывался, — и себя, сидящего, как и сейчас.

Разные звуки звучали у меня в ушах. Сэллины шажки, пока она, раздеваясь, двигалась у себя в спальне, затем скрип пружин матраца... Нет, сперва — щелчок выключателя, когда Сэлли потянула за цепочку, чтобы зажечь лампу над кроватью, а затем ещё один похожий щелчок, — это девушка выключила верхний свет. И тогда уж — скрип пружин.

Этот звук был последним, который я тогда слышал, а ведь я ещё с полчаса после того не засыпал. Вот в этой-то тишине Сэлли и умерла.

У меня было чувство, словно я бьюсь головой о кирпичную стену.

Рука Сэлли была поднята, покоилась на изголовье кровати. Она пожелала уснуть и потянулась рукой, чтобы выключить лампу? Мне так не казалось. Сперва бы Сэлли отложила книгу и переложила подушки, а уж потом потянулась бы к светильнику.

Та книга, «Жизнь на иных мирах»...

Не в ней ли дело? Обычная книжка карманного формата в четверть доллара. Тогда я лишь мельком взглянул на название. Там и сейчас лежало несколько книг карманного формата и

журналов; миссис Стэнтон, вероятно, не стала их забирать. По крайней мере, журналы; теперь я вспомнил, что рядом с кухонным ведром под сор и кожуру стояло мусорное ведро побольше, битком набитое непригодившимися миссис Стэнтон предметами.

Я зажёл свет и отправился исследовать содержимое ведра. «Жизнь на иных мирах» была там, вместе с другими книжками и журналами. Я пробежал её глазами, чтобы убедиться, что в ней не содержалось ничего пугающего.

Да не было там! И книжка была вовсе не из сенсационных. Автор, как оповещал о том титульный лист, был королевский астроном из Англии, книга же оказалась педантским рассмотрением возможностей существования жизни на других планетах; этот Х. Спенсер Джонс вовсе не настаивал на чём-то большем, чем простые возможности. Я так и не прочёл ни одной главы и всё же убил час на пролистывание и даже в конце концов заинтересовался, — решил, что книжку стоит прочесть, только не здесь и не сейчас. Я сунул её в карман.

Следовало вновь обдумать те способы — на этот раз привлечь даже сверхъестественные, — с помощью которых могли бы убить Сэлли. Я вновь выключил свет, закрыл глаза и попытался сосредоточиться.

Стояла такая тишина, что можно было бы слышать таракана, прошмыгнувшего по полу, если бы здесь водились тараканы. И внезапно, в полнейшей тишине, рядом со мною зазвенел телефон. Меня буквально вышвырнуло из кресла. Я вытянулся в рост, уставившись на аппарат.

В ошеломлении я позволил аппарату прозвенеть вторично, покуда не уверился, что мой голос, сними я трубку, мне не откажет.

И тогда — поднимая трубку с рычажков — я даже подумал: а почему бы не сымитировать голос Сэлли, насколько это у меня получится? Сошло бы по крайней мере на «алло». Если кто-то звонит Сэлли, значит он не знает, что она мертва, — не может этого знать. Пропищи я два слога по-женски, звонивший немедленно отзовётся, назвав себя.

А вдруг, пронеслось у меня в голове, это тот самый, кто звонил в два часа ночи в пятницу! Вдруг не повесит на этот раз трубку, услышав женский голос? Надо, надо попробовать... И я попробовал.

В трубке раздался смешок дядюшки Эма.

— Неплохо, малыш, хоть и не слишком похоже. Как будто Лили Понс скрестили с Чарли Маккарти⁴, но марсианина, может быть, и провело бы. Как там у тебя? Я подумал: не вредно будет проверить, отключен ли телефон.

— Мне это вредно. Перепугал до чёртиков.

— Надеюсь, они уже разбежались. Так как дела?

— Скверно. Крыша исключается, а за ней и вся теория с вентиляционной шахтой.

— Да, теория была что надо, жалко. Я вот что хотел сказать: наш клиент снова нам звонил. Я всё ещё в конторе. Сижу, значит, здесь, а телефон и зазвони. Я ещё подумал, что это ты, поскольку никому другому не известно, что я сюда пошёл.

— И что он сказал?

— Ничего особенного. Сказал, что узнал об убийстве Дороти Доерр и что...

— Погоди-ка! — перебил я дядюшку. — Так прямо и сказал: «об убийстве»?

— Так и сказал. Ещё сказал, что не винит нас, но надеется, что это заставит нас удвоить усилия.

— Голос был тот же самый?

— Тот же. И всё так же непонятно — Стэнтон или Вернеке. Я, разумеется, сразу же отзвонился. То есть, по номеру Стэнтонов. Ответил Стэнтон, но его голос звучал как обычно, а не на таких высоких нотах, как голос нашего клиента; и всё же Стэнтона, по моему убеждению, никак нельзя исключать.

— И о чём ты спросил его?

⁴ Лили (Алиса Жозефина) Понс (1898—1976) — французская и американская оперная певица (колоратурное сопрано). Чарли Маккарти — кукла, с которой выступал американский актёр и радиоведущий Эдгар Берген (1903—1978), лауреат премии «Оскар» (1938).

— Я сам немного изменил голос и разыграл пьяного. Спросил Вернеке, — должны же у него быть друзья-пьяницы, которые времени не разбирают: что день, что ночь, всё одно. Стэнтон сказал, что Вернеке нет дома. В общем, мы там же, где и были: это может быть и тот, и другой.

Я секунду думал, потом сказал:

— Если Стэнтон в Роджерс-парке, то ручаюсь, что звонил Вернеке. Звонивший должен был знать, что ты в конторе. А коли Вернеке нет дома, то он отправился в центр и наблюдал за нашими окнами из переулка.

— Такое, Эд, не исключено. Но ему не было нужды знать, в конторе ли я. Позвонить он мог и наугад. Мог и Стэнтон звонить из дома. Никто из нас не сидит весь день в конторе; названивать к нам можно хоть весь день; когда-нибудь мы всё равно снимем трубку.

— А не бросить ли нам играть в угадайку, и подумать ещё над чем-нибудь? — сказал я. — Я надиктовал Монике отчёт; перед сном она его распечатает, а утром, по дороге на службу, забежит к нам в агентство — бросит в почтовый ящик, если никого из нас не застанет.

— Чудесно. Ты давал ей инструкции насчёт разговоров о Сэлли?

Я поведал дядюшке, что Моника задумала организовать мне свидание с ближайшей подружкой Сэлли из страховой компании; дядюшка снова молвил: «Чудесно».

— Так ты не передумал оставаться там на ночь? — попутно спросил он.

— Если только ты не предложишь чего-нибудь получше. Сам я в тупике. Едва умом не тронулся, представляя себе то так, то этак способы убийства Сэлли. Ты-то что думаешь?

— Ни проблеска мысли, Эд. Но те усилия, с которыми ты пытаешься сосредоточиться на Сэлли — как и то, что ты говорил сегодня вечером, — заставляет меня подозревать, что у тебя всё же имеется некая мысль насчёт Дороти, а вот для меня этот случай самый загадочный. Как насчёт поделиться?

— Нет, дядюшка, — ответил я. — Нет — до тех пор, пока не выясню также насчёт Сэлли. Способ устранения Дороти в случае Сэлли бы не подействовал. И я не желаю высказывать свои безумные идеи до тех пор, пока мне не станет известно, как могли быть убиты обе девушки. Насчёт Дороти я могу и ошибаться, покуда не узнаю насчёт Сэлли. Ведь если Сэлли не была убита, то я, скорее всего, и насчёт Дороти заблуждаюсь.

— Добро, малыш. — Голос дядюшки звучал устало. — Но если ты умеешь говорить загадками, то и я умею. У меня есть-таки одна мысль, правильность которой я собираюсь выяснить. В этой связи немедленно буду звонить по междугородней связи. — Голос его смягчился. — А знаешь, это, может, и правильно: не посвящать друг друга в собственные догадки и тем самым друг дружку не запутывать. Держись своей догадки насчёт способа убийства, я же возьму иное направление, которым тебе и голову забивать не нужно. И если один из нас упрётся в стену, зато другой не будет сбит с панталыку.

Звучало здраво; я так и высказался. Мне, разумеется, было интересно, что такое у дядюшки вдруг появилось на уме, но с выяснением я решил обождать. Он настаивал, что это никак не было связано с теми способами, каковыми могли быть убиты обе девушки, а меня и впрямь интересовал пока только этот вопрос.

— Так, значит, и поступим. Позже позвоню. — В ухе у меня раздался щелчок.

Я вновь обошёл квартиру, ломая голову над тем, на что обратить внимание. Пытался отбросить эмоции и мыслить логически. Ответ должен найтись, внушал я себе. Если он не отыскивался здесь, значит на него должно было навести нечто такое, что уже отсюда убрали.

Господи, помоги мне! Ну хоть бы люк в потолке! Голова у меня давно шла кругом, и я даже обрадовался, когда телефон зазвонил вновь.

В трубке — взволнованный голос дядюшки Эма.

— Эд, начинает проясняться!

— Что именно?

— Правда, пока не уверен. Возможно, полная чушь — ну, как и ты обзываешь свои идеи. В общем, прокачусь из города. Вернусь, так буду знать и тебе расскажу.

— В Колорадо? В Секо, либо на тот участок земли, которым владели девушки?

— Ни-ни. Даже не на Марс. Трудись же, Эд, над своим вопросом «как»: это твоя область. Меня не будет день или два, а ты не лезь ни во что опасное.

— Но, дядя Эм...

— Пока, Эд.

Вновь щелчок в трубке. Я уставился на аппарат и почти решил перезвонить дядюшке: застану, или он уже ринулся в путь? Затем я отказался от этой мысли. Лучше всего мне и впрямь будет довести до конца ту линию расследования, над которой я работал, а не любопытствовать, куда дядюшка ринулся и зачем.

Возможно, подсознание справится лучше. Возможно, я переутомился. Я вновь выключил свет в гостиной: света из спальни мне было достаточно, — и сел проверить, не поможет ли это пресловутое подсознание.

Оно не помогло. Оно тоже запуталось. Оказалось, что я думаю о Дороти и о последних часах, проведённых с нею, а не о Сэлли и той ночи на пятницу.

Всякий раз, как я пытался очистить сознание и ждать, что будет, ко мне являлась Дороти. Она говорила: «После того, как искупнёмся, Эд. Лишь пара минут...» Да, это тоже не выходило у меня из головы, но не о том я желал думать. Как раз это я мечтал забыть.

Но Дороти не уходила, а потому я позволил ей остаться в моих мыслях и продолжал грезить, как она, не дожидаясь меня, сбегает к воде и входит в озеро, которое её и уьёт.

Эмоции, чувства — вот что не позволяло мне мыслить здраво!

Не то чтобы я влюбился в одну из девушек — что бы там ни называть любовью, — но их уход из жизни совершился при мне. Я и только я несу за это ответственность. Главным образом — за Сэлли. Если бы я воспринял её всерьёз, выслушал как следует, порасспросил бы о марсианах, — тогда, пусть я даже не предотвратил бы произошедшее, я знал бы, вероятно, на что сейчас направить свои усилия.

Я знал — или думал, что знал, — как была организована смерть Дороти, но доказать это было невозможно. Сэллина смерть являлась ключом к доказательству. Что же случилось с Сэлли?

Вспомнилась где-то прочитанное: «Смерть сумеет войти, а жизнь — выйти». Через какую же именно дверь ушла Сэллина жизнь?

Ответа не находилось. Истомлённый, я заснул.

Когда я проснулся, занимался день; в дверном проёме, ведущем в спальню, брезжил желтоватый электрический свет.

Я чувствовал себя даже более утомлённым, чем до сна; тем более что и сон не подсказал никакого ответа. Бывает, знаете ли, так, что когда вы, на чём-то сосредоточенные, засыпаете с грузом мыслей, ваше подсознание продолжает додумывать и по пробуждении у вас находится ответ. Но не в этот раз.

Я выключил свет в спальне. Надел галстук, пиджак и туфли — всё, что снял вчера перед сном — и покинул квартиру. По пути я бросил ключ в почтовый ящик Корбицкого. Звук его падения на дно ящика возвестил прощание. Я знал, что больше мне никогда не захочется им воспользоваться, даже если сегодня эта квартира ещё не будет сдана. Столько я провёл в ней времени, столько всего передумал, что возвращаться туда было совершенно бесполезно. Если ответ находился там, не с моим умишком было его разглядеть.

А если не там, то мне было невдомёк, где его искать. Чувствовал я себя омерзительно. После ночи в кресле словно задеревенел. Мышцы, ко всему прочему, саднило после тех невероятных усилий, с которыми я грёб прошлой ночью в небытие. Разум обволакивал безнадежный туман. И уже теперь, в полседьмого утра, асфальт был раскалён, а воздух труден для дыхания; дню предстояло быть жарче прежнего, волна жара всю неделю поднималась до своего пика.

Удивительно, как вообще кто-то живёт в таком городе как Чикаго. Сюда и соваться-то нечего! Я ненавидел Чикаго, ненавидел всё и всех, и в первую очередь себя самого.

Вот бы дядюшка Эм передумал уезжать, либо поездка оказалась короткой и он уже вернулся! Но когда я пришёл домой, у нас в комнате его не было, и на кровати этой ночью никто не спал. Чемодан оставался в шкафу, а вот саквояж отсутствовал, как и дядюшкины принадлежности для бритья.

Мне захотелось поспать ещё; не было никаких причин к тому, чтобы отправляться в агентство к какому-либо означенному часу. Просто нужно было появиться там, чтобы вынуть из ящика отпечатанный Моникой рапорт и положить его в сейф, а то уборщице ещё вздумается его прочесть. Ничего более важного я не мог вспомнить... ох, да, сегодня же я собирался смотаться в

Эванстон познакомиться с Уильямом Хаберманом, который едва не женился на Сэлли. Не то чтобы я надеялся вытянуть из него нечто полезное, но что-то же делать было надо...

А потому я принял ванну и побрился, затем сменил одежду и к восьми был готов. Позавтракав, в контору я прибыл к девяти.

Моника у нас уже побывала; рапорт в запечатанном конверте без надписи находился в нашем ящике для почты.

Телефон зазвонил, когда я вешал шляпу. Я уж обрадовался, что это дядюшка Эм, но то был не он.

Звонили из кредитной компании, одной из тех, для которых мы уже ранее кое-что делали. Они пожелали сообщить мне имя и иную информацию об одном человеке, который сбежал из города, не внося остатка суммы за мебель. Мебель они продали, но вырученные деньги не покрыли задолженности, поэтому они получили решение суда о взыскании долга и желали отыскать должника.

Я принял заказ на том условии, что им не спешно; они это подтвердили.

Просмотрев только что сделанные с их слов записи, я увидел, что того человека зовут Чарльз Бёрт и что для связи он оставил адрес своего шурина, кассира-операциониста в банке на Хольстед-стрит. Я позвонил в банк и спросил этого парня. Он подошёл к аппарату и проговорил: «Говорит Уильям Рэйнс». Я не стал изображать суровость; ответил я ему тихо и смиренно: «Это Джон Смит. Мне нужен адрес Чарли».

— То есть, моего зятя? Мне не известно, где он, мистер Смит.

— Отлично, — сказал я. — Однажды вечером вас навестит пара ребят. Каким вечером — не скажу. Чтобы копы не оказались поблизости.

— Ой! — ответил тот. Прозвучало чин-чином: и испуганно, и взволнованно. — А кто это?

— Сойдёт и «Джон Смит». Это легко выговорить, Рэйнс. Я принимаю ставки. Лошади. Чарли позвонил и сделал ставку. Он должен мне полсотни — пятьдесят баксов. Не знаешь, где он, — возьмём с тебя.

— Послушайте, мистер Смит... — проговорил мой собеседник.

— Незачем, — отвечал я. — Скажешь это тем ребятам.

— Подождите, я скажу вам, где он. Его трудности я разгребать не желаю. — Рэйнс назвал адрес и испытал видимое облегчение от моей благодарности.

Я повесил трубку и обдумал мысль о том, чтобы протянуть до завтра с ответным звонком в кредитную компанию: таким образом можно было требовать с них плату за полный день; однако затем я решил, что лучшее впечатление произведёт и будет полезнее в долгосрочной перспективе, если я отзвонюсь им немедленно.

А потому я позвонил им, назвал полученный адрес и почувствовал себя удовлетворённым их благодарным удивлением от нашей быстроты. Я потребовал плату за полдня — наш минимум. Было начало восьмого, и я, вычисляя на листке перекидного календаря, предался мечтам о том, сколько мы сможем выручать в год, если каждый из нас будет зарабатывать полусуточный гонорар за семь минут по восемь часов в день, пять дней в неделю. Вышла совершенно неправдоподобная куча денег, но ведь и ситуация-то была неправдоподобной, так что всё сходилась.

А в следующие семь минут никаких денег я не заработал. Я распечатал конверт от Моника и пробежал глазами отчёт. Отпечатано было замечательно, в стиле самой Моника — аккуратно и безупречно. Никакой погрешности я не обнаружил. Если Моника так же чётко будет работать в той страховой компании, там догадаются, что она подставное лицо, раз работает за столь низкое жалованье. Но я полагал, что девушка достаточно умна, чтобы самой о том подумать.

Открыв сейф, я вынул другой отчёт — о ночи на пятницу — и перечитал его в надежде, что почерпну оттуда какую-нибудь мысль. Этого не случилось.

Я вернул оба отчёта в сейф вместе с конвертом, который (я заглянул в него, чтобы убедиться) всё ещё заключал в себе тысячедолларовую купюру. Она не выглядела столь привлекательной, как в последний раз, когда я ею любовался; я начал опасаться, что мы вообще её не заработаем. Но если и заработаем, всё равно лучше бы ничему не быть — ни купюре, ни тем событиям.

Не сегодня ли хоронят Дороти? Или — завтра? Не сходить ли? Нет, лучше не надо. Слишком всё это меня расстраивало. И хотя я желал бы вновь поговорить со Стэнтонами — хотя о чём ещё мне их спрашивать, я и понятия не имел, — пристойнее было не надоедать им до похорон.

Я взял наш телефонный справочник по Эванстону и принялся выискивать салоны подержанных автомобилей. Под именем Хабермана таковых в общем списке не оказалось, а вот среди объявлений, помещённых в рамку, я нашёл Джесси Л. Хабермана как владельца салона «Аргонн» («Лучшие машины за меньшие деньги») на бульваре Хоуэлл.

Я набрал номер и спросил Уильяма Хабермана.

— Слушаю, — отозвался голос, который я встретил с предубеждением.

Я назвал своё имя.

— Хотел бы поговорить с вами по личному вопросу. Будете в Эванстоне — я приеду?

— Да, буду, — ответил Хаберман. — Я же здесь работаю. Буду весь день. Правда, с двенадцати до часу у меня обед, но это рядом.

Я поблагодарил его и скоренько положил трубку, чтобы он не стал спрашивать, что у меня за личное дело; мне не хотелось давать ему время обдумать эту тему, пока я буду в дороге.

Глава 12

Парковка автосалона «Аргонн» («Лучшие машины за меньшие деньги») вмещала около двух дюжин машин всех рангов от модели А, столь же древней, как и я сам, до нового блестящего «бьюика», словно только что сошедшего с конвейера, — наверняка не более нескольких сот миль на спидометре.

Пока я глазел на этот «бьюик», Уильям Хаберман вышел из уютной угловой конторы и направился ко мне. Я опознал его по описанию: ростом с меня, но потяжелее; блондин с армейской стрижкой.

— Добрая тачка, — сказал он. — Практически новая. Хотите проехаться?

Я покачал головой и объяснил:

— Я Эд Хантер. Мы только что разговаривали по телефону. Хочу порасспросить вас о Сэлли Доерр.

Его лицо окаменело.

— Сожалею. — Голос его, однако, не выражал сожаления. — Не стану это обсуждать.

Кулаки мои сжались, но таким образом сведений было не получить. Я решил не повышать голоса и блефануть.

— Если вы предпочитаете отвечать на такие вопросы в полиции, я облегчу вам туда доступ.

Лицо Хабермана оставалось столь же жёстким.

— Как угодно. Прочь отсюда.

Я размахнулся, даже не осознав этого. Зато Хаберман заметил мой жест, поскольку подался назад. И не успел я наброситься на него, как выражение лица Хабермана изменилось — оно стало словно бы довольным.

— Да постойте же, — сказал Хаберман. — Желаете подраться, так сделаем всё по правилам!

Да, я желал подраться. Я его люто ненавидел, даже не зная толком, почему; мне захотелось немедленно сорвать на нём злость и досаду, донимавшие меня полтора суток.

— А? — вылетело из меня. — Отойдём куда-то?

Хаберман сделал несколько шагов в сторону своей уютной конторы и крикнул туда:

— Папа, я отлучусь. Буду дома.

Мне же он бросил «За мной!» и повёл с парковки к кухонному входу в дом, располагавшийся по боку. Я перестал что-либо понимать.

— Эй, что за мысль? Нельзя же...

— Можно, можно! Там у меня в подвале полный комплект. Идём!

Он распахнул кухонную дверь и пропустил меня вперёд. Милая, немного с сединой женщина, на которой был передник в мелкую клетку, склонилась у плиты, от которой доносился запах свежих булочек. Она с улыбкой обернулась, когда Хаберман сказал ей из-за моей спины:

— Мама, это Эд Хантер. Мы ходим в подвал размяться.

Начиная чувствовать себя глупо, я выдавил из себя: «Рад познакомиться». Она протянула тёплую, дружескую руку, которую мне пришлось пожать.

— Всегда рада, Эд, видеть друзей Билла. Завтрак почти готов. Ведь вы останетесь с нами позавтракать?

— Боюсь, у меня не будет времени, миссис Хаберман, — отвечал я.

Но тут Хаберман избавил меня от пущей неловкости, отворив дверь, что вела в подвал, и начав спускаться.

— Идём же, — позвал он. — Времени нет!

Он уже включил там освещение. Подвал был просторен и вполне чист. В его дальнем конце находился небольшой буфет, а вот ближайшая половина была отведена под небольшой гимнастический зал. Пол покрывал помост, на нём — набор гантелей, булав, тут же турник; на стене висели четыре пары боксёрских перчаток.

Хаберман снял пиджак, после чего принял и мой. Пристроив их, он засучил рукава.

— Перчатки? — спросил он.

— Как угодно.

Мой хозяин снял со стены две пары и протянул одну мне. — Будем в лёгких. Боксируешь?

— Немного. Не спортсмен.

— Я тоже. В колледже занимался борьбой, а вот боксировал мало, так что мы в равном положении, разве что я на пять-десять фунтов тяжелее. Но ты сам напросился.

Я натянул перчатки. Они были эластичными, поэтому не нуждались в завязках. Свои Хаберман надел быстрее и ждал, пока я буду готов.

— Что ж, — произнёс он и усмехнулся. — Теперь можешь закончить свой замах.

У меня хватило ума не пытаться повторить удара наотмашь, который я начал было на парковке. Вместо этого я выбросил вперёд левую руку. Она достала его подбородок, но несильно, — он вовремя отпрянул.

Простой расчёт показывал, что на расстоянии Хаберман меня достанет, а потому я стал наступать, двигая кулаками. На этот раз Хаберман не подставился, отступил. Защищался он не очень умело, как и я; оба мы позволяли себя колотить.

Он не соврал, что так себе боксирует. Попадали мы друг по другу равно. Я испытал удовлетворение, сбив ухмылку с его лица добрым хуком, но тут же получил под дых, отчего согнулся пополам; почти сразу из моего левого глаза буквально посыпались искры — Хаберман заехал туда перчаткой. Я отступил, но тут же вновь ринулся вперёд. Теперь Хаберман сдал позицию, и я его преследовал, но без опрометчивости. Один раз я угодил и ему в брюхо, но он лишь отрыгнул, а пополам не согнулся; я дал ему левой по губам, а правой в подбородок, отчего бой мог закончиться, будь тот удар прямым, поскольку я вложил в него весь свой вес.

Но целил я высоко, а потому поздно заметил апперкот, в который Хаберман также вложил всю силу.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на помосте, а Хаберман склоняется надо мной. Он успел снять и свои перчатки, и мои.

— Как ты? — спросил он. Прозвучало, словно он всерьёз этим озабочен. Рывком я принял сидячее положение и подёргал рукой челюсть. Болело, но челюсть не была сломана. Что же до Хабермана, то у него по подбородку текла кровь: нижняя губа была рассечена.

Помотав головой, я обрёл некоторую ясность сознания.

— Очухался, — подтвердил я. — Дай минуту, и начнём второй раунд. Этот не считается.

Хаберман распрямился.

— Глупости. Ты целую минуту провёл в отключке; сегодня тебе не обрести нужной формы. Захочешь, так возвращайся завтра. А пока — может, виски желаешь?

Теперь, когда он меня одолел, он не испытывал ко мне былой неприязни. Смешно, но и я утратил к нему это чувство. Наш матч — с победой ли, с поражением, — улучшил мне настроение. И предложение виски показалось здоровой мыслью! Я согласился.

Хаберман направился к буфету.

— Подойдёшь, или мне принести?

— Уже иду. — Я поднялся на ноги. Ошеломление прошло, хотя я чувствовал слабость, а вместо ног словно резиновые шланги. По пути к буфету приходилось следить, чтобы колени не подкосились.

Пока я топал, Хаберман успел приготовить по бокалу виски и по запивке. Мы выпили; ощутив теплоту внутри, я почувствовал себя лучше — как умственно, так и физически.

Хаберман взглянул на меня и рассмеялся, но его смех совсем не показался мне обидным.

— У тебя, дружище, вот-вот фонарь вскочит!

— Твоей губе тоже нечем похвастаться, — парировал я. — Распухает. Тут нужен кровоостанавливающий карандаш. Да смыть с подбородка.

— Пожалуй. — Хаберман подошёл к раковине в углу и раскрыл подвешенный над ней аптечный шкафчик. Обернувшись, он крикнул мне, что я могу долить себе виски. Мне, впрочем, больше не хотелось.

Я вернулся туда, где мы сбросили пиджаки, и надел свой.

— Мне, вероятно, следует пробить новую дверь, чтобы не возвращаться через кухню.

— Как угодно. Но погоди-ка. Передай кое-что от меня Сэлли.

— Ах ты Господи! — воскликнул я. Только теперь до меня дошло! — Ты что же, не знаешь, что Сэлли умерла?

Хаберман медленно повернулся ко мне, и я увидел, насколько изменилось его лицо. Это и было ответом на мой вопрос.

Я подошёл к нему вплотную.

— Вот оно что. Мы с самого начала не поняли друг друга. Не знаю, что ты вообразил насчёт меня, — чего, мол, ему тут надо, — но это моя оплошность. Я думал, тебе всё известно.

— Чёрта с два! С Сэлли мы не виделись три недели, и... — Хаберман умолк. — Мы ведь расстались, с чего же её семье было ставить меня в известность? А в газетах я не прочёл. Очень сожалею.

Ему можно было верить. Он не пытался разыграть убитого горем, но и не притворялся.

— Умерла она вечером в прошлый четверг, — продолжал я. — Существует... есть подозрение, что её смерть не была естественной. Я провожу расследование.

— Боже ты мой! А я уж подумал... решил, знаешь ли, что тебя ко мне Сэлли подслала. Либо с угрозами из-за нарушенного слова, либо с уговорами... В общем, не важно, что я решил. Могу я чем-то...

Тут дверь вверху лестницы раскрылась, и раздался голос миссис Хаберман:

— Билл, завтрак на столе. И веди своего приятеля!

— Мы идём, мама, — отозвался Хаберман. — Сейчас почистимся и придём. — И добавил мне, понизив голос: — Нам следует поговорить. Позавтракай с нами, а затем вернёмся сюда и побеседуем. Только матери ничего не рассказывай. Ты — мой приятель, а больше нечего моим родителям знать.

— О'кей, — огласился я. — Немного умоюсь.

Зеркало на дверях аптечного шкафчика сказала мне, что Хаберман был прав насчёт синяка: ему предстояло стать просто великолепным.

Мы поднялись наверх и съели замечательный завтрак, первый домашнего приготовления за долгое время. Мистер Хаберман присоединился к нам за завтраком; сел он у окна, поэтому мог надзирать за своей парковкой — не пришёл ли кто выбрать машину. Мамаша Хаберман представила меня как приятеля Билла; мы пожали руки и всё пошло по-приятельски, что же насчёт того, как всё это началось, то я чувствовал себя дурак дураком. Особенно когда мамаша увидела мой синяк и рассеченную губу Билла и выбрала его за слишком грубое обращение со мной.

После завтрака Билл извинился от имени нас обоих, позаимствовал с парковки машину и повёз меня в сторону озера. Как только мы тронулись, он сказал:

— Невтерпёж было расспросить тебя о подробностях, но посвящать в них мать мне совсем не хотелось.

— Отчего? — спросил я. — Она не знала, что вы с Сэлли собирались пожениться?

— Знала, конечно. Они были знакомы, Сэлли ей нравилась. Ей было известно, что мы почти что обручены. Но отчего-то — и я сам не знаю, отчего — мне не хочется посвящать мать в настоящую причину нашего расставания. Я просто сказал ей, что Сэлли полюбила другого, а мне отказала.

— Что же произошло между вами на деле?

— Расстаться решил я. Выяснилось, что Сэлли... в общем... не то чтобы сумасшедшая, а — с приветом. Психотичка. Как я её ни любил, но всё же... ну нельзя же винить меня за то, что я не захотел на ней жениться!

— Я и не виню. А разрыв был окончательный? Вы не остались друзьями?

Он медленно покачал головой.

— Этого бы у нас не вышло. Очень уж далеко всё зашло; оставалось только полностью прекратить отношения. Главным образом — ради Сэлли. Как же было мне продолжать дурить ей голову, если я не собирался на ней жениться? Но скажи мне, когда она умерла? Где и как?

Было ясно, что следует поделиться тем, что мне известно, тогда я получу нечто и от него взамен. О Сэллиной смерти я рассказал то необходимое, что мог и что выглядело правдоподобно, но про своё присутствие рядом — утаил. Умолчал также про случай с Дороти. Просто объяснил Хаберману, что у нас есть клиент — не упомянув, кто он, — который подозревает, что Сэлли, вероятно, кем-то была запугана до смерти, и поручил нашему агентству провести расследование.

И, пока Хаберман не потребовал подробностей, я сам принялся за расспросы.

— Давно ты знал Сэлли?

— Месяца четыре. Познакомились на вечеринке. Потом примерно с месяц ходили на свидания, наши отношения переросли в серьёзные и... мы, в сущности, практически обручились. В общем, уже вели разговоры насчёт женитьбы, хотя никто из нас не проявлял спешки.

— А потом выяснилось, что она психотичка?

— Верно. Сдвинутая на марсианах, это ж надо! Самое смешное, что поначалу, когда она заговаривала о них, я-то полагал, что она притворяется, ну и подыгрывал ей. А затем, с месяц назад, вдруг понял, что это не шуточки.

— Она их боялась?

— Чего-о? Нет, она считала их дружественными, — марсианские, дескать, посланники скрытно действуют на земле, но они стремятся нам помочь. Помочь в чём-то этаким, уж не знаю. Думаю, переняла эту мысль от своего дядюшки-идиота; он у неё пьяница и картёжник.

— Так вы прервали ваши отношения месяц назад?

— Скажем, с три недели. Сначала я целую неделю раздумывал, но устал убеждать её пройти лечение — она категорически отказывалась; мне ничего и не оставалось, как перестать с ней встречаться. Пусть обоим будет больно, но делать нечего.

— Как она это восприняла?

— Выдержала молодцом. Не скажу, что была обрадована, но что мне оставалась?

— Ничего, полагаю, — подтвердил я.

— Но что заставляет кого-то думать, что будто бы Сэлли могли убить? У неё не было денег или ещё чего-то там, ведь так же? Кому понадобилось убивать её?

— Не знаю, — ответил я. — И всё же кое-кто уверен, что это не исключено, — настолько уверен, что обратился в наше агентство. Ты, к слову, знаком с её семейством?

— Познакомился. Сэлли пару раз меня к ним приглашала. С сестрой они практически близнецы. Стэнтоны — ничего люди, за исключением сыночка. А вот её чокнутым дядюшкой я не увлёкся. Случайно, не он к вам обратился? Коли он, значит мысль о том, что Сэлли умерла не своей смертью, — следствие белой горячки.

— Так сильно пьёт?

— Алкоголик, и говорить нечего.

Я припомнил, что Хаберман затрагивал и иную тему.

— Ты сказал, что он ещё и картёжник. Сэлли об этом рассказала?

— Не припомню. Да я сам видел, случайно, недель шесть тому назад. Проездом меня навестили пара приятелей, с которыми мы учились в колледже. Мы пошли прошвырнуться, похолостячки, и им пожелалось игры. Я — не любитель, и таких мест не знаю, но они подговорили водителя такси отвезти куда следует. Это оказалось за городом, придорожный ресторан под названием «Серебряная ложка», сразу за чертой округа. Там был зал для игры — с рулеткой и карточными столами; игра велась по-крупному. Я немного поиграл, чтобы поддержать компанию, и дёшево отделался, спустив пятьдесят баксов. Один из моих приятелей просадил тысячу, остальные — по несколько сотен, но деньги у них водились, и они не грустили. Там я и заметил Вернеке; уж он-то сорвал куш.

— Большой?

— По его словам — восемь тысяч.

— Вы, значит, поговорили?

— Да. Он был порядочно пьян, но меня признал и предложил выпить — после обналичивания выигрыша, — ну, мы и выпили по одной в баре. Поведал мне, что начал с сотней и на первый бросок — это было в кости — выложил десятку, затем всё удваивал ставку, пока не дошёл до их максимума, тысячи. Не упомяну, сколько раз, по его словам, ему везло. Затем некоторое время он играл без выигрыша и убытку, пока ему не стало везти вновь. Срубил двенадцать тысяч, но затем спустил восемь на четырёх бросках, после чего решил, что полоса везения для него закончилась. Ну, и пошёл обналичивать.

— Обналичку получил в тысячных бумажках?

— Да, я сам видел, как он складывал их в бумажник, когда мы направлялись в бар.

Я присвистнул.

— Сэлли ты об этом рассказывал?

— Нет. Он просил меня никому не говорить, я и не говорил. Да и выдавать его Сэлли не было повода.

— Тогда ты провёл с ним весь вечер?

— Вот уж нет! Он три рюмки выпил, пока я расправлялся с одной, и был уже вдрызг. А я не люблю с пьяными засиживаться. И потом, я же был с приятелями, и мне хотелось, чтобы они покинули это местечко, пока последнюю рубашку здесь не оставили.

— Благодарю, Билл, — сказал я. — Много узнал от тебя. Не знаю, правда, что именно и как это использовать, но — спасибо. И — вот что: извини, что я так налетел на тебя с первых же слов. Молодец, что показал мне, где раки зимуют. Не подбросишь на станцию Норт-Шор?

— С удовольствием. И если я только могу чем-то...

Я ответил:

— Ты уже очень помог. В особенности ударом в челюсть и подбитым глазом. Это для меня гораздо дороже, чем те сведения, которые ты мне сообщил.

Хаберман рассмеялся.

— Да в любой миг, Эд. Только, чур, в следующий раз наденем тяжёлые перчатки, не эти детские.

— Договорились, — сказал я.

Хаберман довёз меня до станции Норт-Шор. Перед тем как сесть в трамвай, я отыскал телефонную будку и позвонил Фрэнку Бассету.

— Это Эд Хантер, Фрэнк. Насчёт той тысячедолларовой купюры, путь которой ты отследил из банка до игорного дома за чертой округа. Его название, случайно, не «Серебряная ложка»?

— Сразу, Эд, не скажу. Хозяина звали Хойнацки, а вот названия его заведения я и не знаю. Не клади трубку, я посмотрю, есть ли кто поблизости, может подскажут. — Спустя минуту вновь раздался голос Бассета. — Оно самое, Эд. Придорожное заведение под названием «Серебряная ложка». Я так понимаю, что теперь ты знаешь, кто ваш наниматель. Вернеке?

— Он сорвал куш в «Серебряной ложке» полгода назад, — сказал я. — Получил тысячными.

— Так и думал, что это он. Просто не мог представить себе такие деньги у Стэнтонна и всю его конспирацией, даже если они у него вправду имеются. И много ему привалило?

— Тысяч восемь.

— Да, не мелочь, хотя такого человека как Хойнацки это ничуть не разорит. Ну, Эд, счастливой охоты. Обнаружил-таки голубчика.

От Норт-Шор я на трамвае доехал до Петли и направился напрямик в наше агентство, вновь надеясь, что дядюшка Эм уже вернулся и сидит в конторе. Его там не было. Я позвонил домой, то есть — нашей квартирной хозяйке миссис Брэйди, и спросил её, не показывался ли дядюшка там. Он не показывался.

Уже было полтретьего, но до шести делать было нечего (в шесть я обещал позвонить Монике и уточнить, готово ли для нас двойное свидание). Мне всё же нужно было ответить на вопрос, как именно убили Сэлли. Не преуспей я в этом, всё теряло смысл. Я сел на скамейку скамейку и попытался думать, с усилием отгоняя мысль от том, где дядюшка и чем он может быть занят. Коль он решил, что взял след, это его дело. Как он сказал, выяснение обстоятельств убийства Сэлли — это мой участок, и я желал иметь ответ к его возвращению. Не важно, что он там выяснил; без решения моей проблемы расследование умирало.

Я вновь вынул свой отчёт и просмотрел его, в особенности ту часть, которая повествовала о той ночи, когда умерла Сэлли. В отчёте, разумеется, не появилось ничего нового. Когда я клал его обратно в сейф, тысячедолларовая купюра всё ещё лежала там.

Нечто, спущенное вниз по вентиляционной шахте либо поднятое по ней же вверх, — вот, хоть тресни, единственное решение, которое мне виделось. Но и этого не могло быть. Я ведь сам убедился, что квартирой выше Сэллиной для этого не пользовались, как и крышей.

Тогда — Корбицкий или почтальон? Те две квартиры ниже Сэллиной? Да смешно же, в самом деле! Подозревать Корбицкого... А почему не Элеонору Рузвельт? А дядюшка Эм лично виделся с остальными — с почтальоном и его женой, и я не имел повода не доверять его суждению. А он согласился со мной насчёт Корбицкого.

А потому не глупи, сказал я себе, и выкинь из головы Корбицкого, выкинь из головы почтальона с супругой. Выкинь воздушную шахту. Думай!

Я попытался думать.

Мне вспомнилось, что порой лучше всего мне думается в кино, особенно если фильм не захватывает. Стоило попробовать. Я вышел из здания и направился к Саут-Стэйт-стрит, где было множество дешёвых кинотеатров, в которых крутили низкопробные ленты, хотя порой среди них попадались и приличные фильмы. В первом встреченном мною кинотеатре крутили старую картину «Экстаз» с Хеди Ламарр. Я уже два раза её смотрел, бог весть когда, но побоялся, что она вновь меня расстроит. Неминуемо.

Следующий кинотеатр был в самый раз. Гангстерский фильм и вестерн категории Б, и ни одной известной мне кинозвезды. Я купил билет.

В зале я отсидел сиднем пару часов; вояки не интересовали меня вовсе, я даже не помню, гангстеры то были или ковбои; взгляд мой был уставлен в экран, но я ничего не видел. Я не переставал думать, вернее — биться головой о стену.

Выйдя из кинозала, я с удивлением узнал, что сейчас всего лишь пять часов. День в разгаре! Жара в разгаре! И так рано для звонка Монике! Сейчас она лишь выходит с работы.

Однако свидание, если оно состоится, это вам не ужин, а потому я подкрепился. Затем, чтобы убить время, прошёлся до агентства, решив позвонить оттуда, а заодно и проверить, не вернулся ли дядюшка. Он не возвращался.

Я позвонил Монике. Свидание было назначено. Её парень должен был подобрать её у дома в восемь; мне следовало оказаться там к этому часу, и затем мы трое отправлялись за Шарлоттой Эндриус, которая, к счастью, проживала на Нир-Норт-сайд, что было совсем рядом.

— Давай обо всём условимся, — предложила Моника. — Ты был знаком с Сэлли, но не слишком близко, просто виделся с ней несколько раз...

— Только не на свиданиях. А ты познакомилась с ней через меня, месяца четыре назад.

— Хорошо, и ты студент в Чикагском университете, изучаешь... скажем, психологию либо психиатрию. Сможешь притвориться?

— Она умненькая?

— Тоже мне!

— Тогда притворюсь. У неё клыки выпирают?

— Как ты догадался?

— Удосужился выяснить, — сказал я. — А что твой парень? То есть — подоплёка ему известна?

— Я не распространялась.

— А у него не выпирают клыки?

— Нет. У него вот что — заячья губа. Только про то — молчок, ладно?

— За кого ты меня принимаешь!

— Я просто... Ну, это его больное место, вот как. Я подумала, что тебя лучше сразу предупредить. Знаю, что ты не станешь задевать ничьих чувств, и все же... — Хватит. Ну, до восьми. Спасибо, Моника.

Я отправился домой освежиться. А поскольку мне предстояло поубивать время, я вспомнил, что у нас на книжной полке есть книжица из серии «Современная библиотека», под названием «Очерки по психопатологии», и полчаса я потратил на неё, набираясь терминологии, чтобы выглядеть заправским психологом для всякого, кто разбирается в этой науке меньше моего.

Время я рассчитал верно и оказался у дома Моника с последним ударом часов.

Глава 13

Оказалось, что Моника меня разыграла насчёт заячьей губы. Её ухажёр оказался вполне симпатичным высоким блондином, да и одевался он получше моего, хоть я и напялил свой лучший костюм и новую белую рубашку, ещё до того не надёванную. Звали молодого человека Харви Уэллс; по виду — парень что надо. В голове мелькнул вопрос, в серьёзных ли они с Моникой отношениях, и тот час другой: а мне-то что с того?

Моника, нарядившись для вечера (но без излишеств), выглядела словно миллион баксов в подарочной упаковке. Когда я пришёл, она была готова; они с Харви допивали коктейль. Моника предложила сделать и мне, но я воспротивился: сперва следовало подобрать Шарлотту Эндрюс, после чего я не поскупился бы выставить на круг, пока мы будем решать, куда двинуться. Дискуссии я не потерпел, а потому мы тут же и отправились.

Оказалось, что Шарлотта Эндрюс отнюдь не такая дурнушка, как я, было, вообразил. Спустя минуту выяснилось, что она просто балаболка и к концу вечера моим ушам, пожалуй, несдобровать, однако же для моих целей это было весьма кстати, если не дать ей сворачивать на другие темы помимо той, которая меня интересует.

Выпить коктейль мы отправились за угол, и так оттуда и не выбрались. Питьё нам понравилось, можно было потанцевать — под музыкальный автомат, который не заглушал беседу, — и когда, поближе к полуночи, мы проголодались, еда тоже показалась нам сносной.

Моника почти всё время держала своего виз-а-ви подальше, непрерывно с ним танцуя, но это ничего не значило: те вопросы, которыми я пичкал Шарлотту про Сэлли, не содержали ничего секретного. Харви всего-то мог подумать, что у меня к Сэлли нечто вроде мании, но, повторяю, это не имело значения.

Вечер мы провели превосходно, и всё же к часу ночи, когда Шарлотта стала зевать, я понял, что время потрачено зря. Я получил замечательный массив информации о Сэлли, но всё это и гроша не стоило. Я узнал, где она покупала чулки и сколько за них платила, чем занималась на свиданиях и кто из кинозвёзд был наиболее ей симпатичен. Шарлотта видела Сэллину семью и встречалась с Билли Хаберманом, но всё, что она мне о них наговорила, лишь подтверждало известное ранее и не прибавило такого, что представляло бы хоть малейший интерес.

Моника и Харви вышли вместе с нами; они взяли такси, я же свернул с Шарлоттой за угол и распрощался с ней у её двери. Домой я отправился в надежде, что дядюшка уже там, но его не было. Он так и не приходил: ни одна вещь не была тронута.

Я отправился в постель, чувствуя себя слишком утомлённым, чтобы и далее размышлять; заснул я в ту же секунду, как коснулся головой подушки, и лишь будильник разбудил меня поутру.

Сиднем сидеть в конторе я в этот день был не в силах, а потому даже не пошёл в агентство. А поскольку звонить с утра Стэнтонам мне не хотелось, я придумал проделать ещё одно столь же бесполезное дельце. Я отправился в университет порасспросить про Дороти. Там я поговорил с несколькими её педагогами, в особенности с профессором психологии, которого мне посчастливилось поймать между лекциями. Кое-что я выяснил, но из такого, в чём и так был уверен. Мои догадки, таким образом, подтвердились, но ничего не доказывали.

На это у меня ушла первая половина дня. Я позвонил в агентство и вновь не попал на дядюшку, а после ланча повторил звонок с тем же результатом.

За ланчем меня посетила одна совершенно новая мысль, которая не показалась мне стоящей, но я решил её проверить и уж тогда выкинуть из головы. Я направился к Корбицкому, домовладельцу, и спросил его, кто снял Сэллину квартиру. Он ответил, что — одна женщина, только-только приехавшая из Кливленда, которая сказала ему, что работала там в Христианской ассоциации молодых женщин, а в Чикаго приехала три дня назад с желанием служить в какой-то социальной организации, — он не помнил, в какой именно. Корбицкий назвал мне её имя.

Ниточкой это не выглядело, но я вернулся в агентство и потратил несколько долларов на междугородный звонок в помянутую Христианскую ассоциацию. Женщина действительно уехала из Кливленда, где она и работала, и проживала, в воскресенье. Другого я, собственно, и не

ожидал. На листочке перекидного календаря я нарисовал план Сэллиной квартиры и некоторое время пялился на него. Подобраться к Сэлли с целью её убить не было никакой возможности.

Я понял, что вот-вот чокнусь, если продолжу над этим размышлять. Стэнтоны, вероятно, уже вполне от меня отдохнули; я набрал их номер; ответил мне Джеральд. Я извинился за беспокойство и спросил, когда мы могли бы встретиться?

— Хоть сегодня, мистер Хантер. После полудня мы хороним Дороти. Э-э... будем рады видеть вас на похоронах, если соблаговолите прийти.

— Не знаю, удастся ли мне... — Я не стал связывать себя твёрдым обещанием. — Вы скажите, где и когда?

Стэнтон назвал ритуальный зал, тот же самый, из которого и Сэлли пустилась с свой последний путь. — А похороны в три. Спасибо вам и вашему дяде за присланные розы; они прекрасны.

Я не понял, отчего он нас благодарит, розы же предназначались Дороти. Но я был рад, что дядюшка не забыл выполнить обещание.

Я заверил Стэнтона, что если смогу, то прибуду на кладбище, и если мы не встретимся там, то приеду к нему между восемью и половиной девятого — если он будет в настроении вновь говорить со мной после похорон. Стэнтон заверил меня, что он не будет против.

Положив трубку, я взглянул на свои наручные часы. Те показывали два с четвертью. Самое время собираться на кладбище.

Если я туда пойду.

Мне не хотелось, но чем ещё было заняться? Стоило мне двинуться к двери, как в голову стукнула другая идея. Сначала я сам испугался, но в следующий миг понял, что последую ей. По крайней мере, если не придётся высаживать дверь. А я был вполне уверен, что не придётся, поскольку дверь в квартиру Стэнтонов отпиралась обыкновенным ключом универсального типа... кажется.

И с трёх до по крайней мере четырёх никого из них дома не будет.

Вынув из ящика письменного стола связку отмычками, я отправился в путь; надземка помогла мне выиграть время: было пять минут четвёртого, когда я оказался у двери в квартиру Стэнтонов.

В замке я не ошибся, однако, не прикасаясь к ручке, заглянул в замочную скважину — не вставлено ли ключа изнутри. Ради сугубой предосторожности я позвонил также в звонок и с минуту ждал; только после этого полез в карман за отмычками.

И тут я застыл, так и не вынув руки из кармана, поскольку дверная ручка повернулась, и дверь распахнулась внутрь. От увиденного в дверном проёме у меня волосы встали дыбом.

Там стоял человек четырёх футов ростом с лицом какого-то ярко-оранжевого оттенка, с огромным ртом, из которого торчали огромные белые клыки. Весь в белом, а в руке нечто, весьма походившее на пистолет, у которого на конце дула имелось утолщение в виде катушки провода. И всё нацелено мне в солнечное сплетение.

Какая-то отвратительная дрожь пронизала меня. Я уже готов был выказать себя великим мастером поступков, совершаемых наитием. Например, — «мамочка!» и дёру, либо бух на пол с подкосившихся коленок, либо хватить его за оружие, либо руки вверх.

Но, к счастью, сознание вернулось ко мне раньше, чем я проделал что-то из перечисленного.

— Здравствуйте, — проговорил я. — Не ты ли Дикки Стэнтон?

Человек хихикнул и стащил с головы ненастоящее лицо оранжевого цвета.

— Что, испугались? А вы кто?

— Эд Хантер, — сказал я. — Родители дома?

— А, вы тот сыщик! Входите; на горизонте чисто.

И Дикки — всего лишь мальчик одиннадцати лет от роду, в белой пижаме, с тыквенной маской в одной руке и фантастическим оружием в стиле Бака Роджерса в другой — сделал шаг назад. Марсиан не было и в помине.

Для своих лет Дикки был слишком мал и худ, но в глазах его светился недюжинный ум. Взгляд был задорен — и видя этот задор, я тотчас почувствовал себя перестарком. За десять центов я бы перекинул его через колено да так надавал по задку, что весь его задор мигом сошёл бы. Но никто не предложил мне десяти центов, да и не в моём положении было ссориться. Я просто вошёл и прикрыл за собой дверь.

— У меня простуда, — объявил Дикки и чихнул в подтверждение. — Вот меня и оставили валяться в постели. Но если вы и вправду Эд Хантер, то почему спрашиваете моих родителей? Вы же знаете, где они сейчас; я ведь слышал, как папа разговаривал с вами по телефону и сказал, где и когда состояться похороны. Хотите, поспорим?

— На какой предмет?

— Что вы хотели проникнуть в квартиру и обыскать её, потому что думали, что никого не будет дома. У вас рука была в кармане, и готов поспорить, что вы собирались вытащить отмычку. Только дверь не была заперта. И пока вы позвонили да ждали, я вскочил с постели, надел маску и выхватил лучевой пистолет. Небось, вы решили, что я марсианин!

Я таранился на него, поражаясь, насколько возмутительно может вести себя человек, едва достигнувший одиннадцатилетнего возраста. Теперь-то я понял, отчего Сэлли терпеть его не могла.

Мальчишка рассмеялся.

— Да будет вам! Я вас не гоню! Может, я и сам как-нибудь стану сыщиком. Но не обычным каким-нибудь, а учёным сыщиком, поскольку я всё равно собираюсь стать учёным и решать задачи в исследовательских центрах. Так что я вас не выдам. Посидите немного.

— Но если у тебя простуда и тебе велели не вставать... — начал я.

— А, ничего серьёзного. Я притворился, что мне хуже, чем на самом деле, просто чтобы не ходить на похороны. Не люблю я похорон. А вы?

— Тоже от них не в восторге.

— Вот-вот. Конечно, следовало пойти, потому что с Дотти мы дружили, но она всё равно не узнает, пришёл я или не пришёл. Я же не верю, как мама, что после смерти люди превращаются в ангелов и отправляются жить на небеса. Вздор это всё. Ведь и вы же так считаете, правда?

— Не знаю, — ответил я. — Но если родители велели тебе лежать...

— Да ну их! Я и лежал, читал. Но опять ложиться не собираюсь, да и кто меня заставит? Ведь не вы же! Вам даже нельзя признаваться, что вы побывали здесь, когда прекрасно знали, что их не будет. А я всегда хотел поговорить с сыщиком, даже если он не учёный. Вы часто в людей стреляете?

— Хотелось, что б было чаще, — заверил я мальчугана. Мой ответ сбил его с толку. Но потом он хмыкнул — понял меня, значит.

— А пистолет вы носите?

— Не ношу. Обычно не ношу. А это у тебя настоящий лучевой пистолет?

Мальчишка опять рассмеялся.

— Когда вырасту и буду лучше разбираться в электронике, я придумаю настоящий лучевой пистолет. А этот у меня стреляет резиновыми колечками, зато метко. Поглядите!

Мальчишка направил пистолет на абжур торшера у дальней стены, — я его уже приметил, его миссис Стэнтон забрала из бывшей квартиры Сэлли — и нажал на курок. Резинка хряснулась об абжур, точно посерединке. А парень был настоящий снайпер; будь у меня в руке настоящий пистолет, мне пришлось бы дольше целиться, чтобы попасть так же метко.

— Меткий выстрел, а? — спросил Дикки. — Хотите попробовать?

Я отказался.

— Желаете взглянуть на мою лабораторию?

Не очень-то я желал, но мне предстояло либо ему поддакивать — до определённого момента, конечно, — либо впоследствии иметь бледный вид при объяснении с мистером Стэнтоном. Так что я кивнул.

— Но постой-ка, Дикки. Хочу у тебя кое-что спросить. У тебя давно эта привычка пугать людей, — ну, как, вот, ты сейчас меня испугал? Да, признаю, если тебе так хочется, что ты меня всерьёз напугал.

— Вовсе я никого не пугаю. Иногда только. У меня хватает ума не пугать папу — у него слабое сердце. Нельзя пугать людей со слабым сердцем — как папа или Сэлли.

— И ты никогда не пугал Сэлли?

— Однажды, по глупости. Она едва не померла, так что я больше так не делал. А, Сэлли была слегка чокнутая. Дотти тоже, но не так сильно.

— Ты с ними дружил, Дикки?

— У нас были нормальные отношения, особенно с Дотти. Только я увлекаюсь естественными науками, а она — ментальными, как и дядя Рэй. По мне это всё чушь. Так пойдёмте посмотрим мою лабораторию.

Лаборатория была что надо. С полкомнаты занимала и выглядела как раз для одиннадцатилетнего подростка. Вторая половина комнаты была отведена под спальню.

— В этом углу у меня розыскной исследовательский центр. Порошок для снятия отпечатков пальцев, микроскоп — им я, конечно, пользуюсь и в других случаях, — а вот раскатная плитка и карточки для получения отпечатков преступников и подозреваемых. Хотите, я и у вас возьму отпечатки?

— Нет уж, — ответил я. — Они мне и самому нужны. Вот вырастешь, тогда приходи к нам: примем тебя на работу.

Чёрта с два мы его дождёмся, но в этом случае в таком предложении был и расчёт. Если он и взрослым останется таким же, буду в полном праве захватить ему по уху. А то не вымещать же таким образом досаду на одиннадцатилетних...

— Обязательно! — воскликнул мальчишка. — Я и теперь помогу вам, как только вы ко мне обратитесь. Я уже раскрыл одно преступление.

— Да ну! А какое?

— Кражу. Год назад кто-то вынул у меня из банки пять долларов. Через несколько дней деньги вернули, но мне захотелось узнать, кто это сделал; а вдруг такое повторится. И я покрыл купюры — все пять — химическим составом, который красит руки в зелёный цвет и не отмывается; просто сам стирается постепенно. И пару недель спустя деньги снова исчезли, а мамины пальцы были вымазаны зелёным.

— Мамочка ждёт от тебя помощи, а ты... — Я покачал головой. — Будь ты моим сыночком...

— А я не ваш сыночек! Вот, взгляните: на этом столе у меня химическая лаборатория, а здесь — электрофизические приборы. Вот лейденская банка. Знаете, что это такое?

Дикки взял со стола колбу, которая была снизу до половины, внутри и снаружи, выложена оловянной фольгой, а на верхушке имела латунный набалдашник. Стоило Дикки протянуть мне банку, как я вспомнил.

— Стоп, — сказал я. — Нечего пропускать через меня электрический разряд. Уже получал в классе по физике, когда в колледже учился. Забыл, как это действует, но оно бьёт током.

Мальчишка ухмыльнулся.

— Верно, но безопасно для здоровья. Всего лишь конденсатор. Стекло — это диэлектрик между двумя полосками оловянной фольги; вы наносите положительный заряд на внешнюю фольгу и отрицательный на внутреннюю. И тогда, если вы дотронетесь до внешней фольги и до набалдашника, который соединён со внутренней фольгой, вы произведёте разряд и получите удар током. Искры тоже можно получать.

И он указал на небольшую машину с колесом и ручкой.

— Это генератор статического заряда, которым можно зарядить лейденскую банку. Я и с радио экспериментировал. Собственноручно собрал приёмник, так что могу слушать программы. Только папа не покупает мне пока детали для телевизора; жду дня рождения.

— А в ядерной физике сечёшь? — спросил я. — Если я пришлю тебе критическую массу плутония, смастеришь атомную бомбу?

— Да, это несложно, имея плутоний. Но если набирается критическая масса, то лучше присылать его в двух разных посылках. Но даже если вам удастся выйти на плутоний, он вам будет не по карману.

Что верно то верно, подумал я, — и очень хорошо, а то бы я, пожалуй, не устоял.

Наручные часы показывали половину пятого.

— Когда возвращаются родители?

— После службы в молельне они собирались на кладбище, по крайней мере дядя Рэй. Вряд ли вернуться до половины шестого. Можете не спешить.

— Не в том дело, — сказал я. — Просто у меня мало времени. Видишь ли, я ошибся насчёт времени: думал, что застану их здесь перед уходом на похороны. Часы остановились — забыл их утром завести.

— Позвольте взглянуть.

Я усмехнулся.

— Ни в жизнь, Ролло. Это моя история и я буду её держаться — в случае если ты задумал всё-таки рассказать родителям, что я приходил, пока их не было дома. Тогда получится моё слово против твоего про эти часы, и ты удивишься тому, насколько твёрдо я придерживаюсь своей версии. Ну, я пошёл.

Жара на улице так и не спала, досада на Дикки Стэнтон не проходила; тому и другому должно было пособить холодное пиво. Я вернулся на авеню Лент и побрёл по ней, пока не встретил пивную в трёх кварталах от надземной железной дороги. Внутри было прохладно — действовали кондиционеры. Я получил желаемое пиво, но успокоиться не удавалось.

Пусть бы дядюшка Эм поскорее возвращался с какой-нибудь находкой, поскольку у меня ничего не находилось! Ничего.

О, я-то понял, кто убил обеих девушек, и понял даже, каким образом были совершены оба убийства, но доказать хотя бы один случай мне было не по силам.

И когда я думал о Сэлли и о Дороти — особенно о Дороти — я чувствовал, что сам вот-вот совершу убийство. Возьму закон в собственные руки и стану действовать — это взамен того, чтобы доказывать свою правоту.

И это при том, что мотив мне совершенно неясен.

Я присел, вспоминая прекрасное тело Дороти, которое на моих глазах погрузилось в воды, а после лежало, распростёртое на песке.

Я думал о Сэлли — о её безосновательных страхах и о молчаливой вере в меня, с которой она ложилась в постель, успокоившись после слёз на мысли о том, что я сумею её защитить.

А я в обоих случаях прокололся — и сейчас прокалывался вновь, поскольку всё узнал, но никак не мог доказать.

Убийство должно быть смыто убийством — вот мысль, которая засела теперь у меня в голове.

Но я уже несколько часов не справлялся насчёт дядюшки. Он говорил, что будет отсутствовать около суток, а прошло уже почти два дня. Поэтому я позвонил в агентство из телефонной кабины. Ответа я не дождался.

Тогда я позвонил домой. Опять без ответа, хотя я попросил оператора подождать подольше, чтобы у дядюшки было время выйти из нашей комнаты и спуститься на первый этаж.

Я вернулся за свой столик допить пиво и додумать свои мысли.

Тут некто бросил монетку в игровой автомат, который разревелся ковбойской песенкой. Я поплёлся вон.

Глава 14

Было шесть, я проголодался и всё же долго шёл на юг в сторону города, прежде чем остановился поесть. Мне претило оставаться в соседстве с жилищем Стэнтонов. Зашёл я в наиболее респектабельно выглядевший ресторан, который только смог высмотреть, и всё же еда показалась мне на вкус хуже опилок.

Домой я доехал на такси. Дядюшка отсутствовал.

Побродив по комнате, я вынул из ящика в платяном шкафу автоматический пистолет тридцать восьмого калибра, почистил его и смазал. Наполнив магазин и дослав патрон в патронник, я отложил пистолет и снял пиджак, чтобы прицепить наплечную кобуру. Но, совершая это действие, я осознал, какая всё же глупость у меня на уме, и засунул пистолет с кобурой назад в ящик.

Чёртов дядюшка! Чего не возвращается? Чего не звонит?

Некоторое время я глядел в окно на сгущающиеся сумерки. С озера надвигались тучи, жару слегка развеял лёгкий дождь, способный, правда, лишь на то, чтобы смочить улицы и заставить асфальт заблестеть. Я распахнул окно, и в комнату ворвался посвежевший воздух, а вместе с ним — визг скользящих шин.

Послышался стук в дверь, и я поспешил открыть.

Там была миссис Брэйди.

— Тебя спрашивают по телефону, Эд. Зову-зову, а ты и не слышишь.

— Простите, — сказал я. — Дышал свежим воздухом у окна. Внизу шумно... Это дядя Эм?

— Он самый.

У меня появилось предчувствие, что понадобится куда-то нестись, а потому, перед тем как выйти на лестницу, я напялил шляпу и пиджак. Пистолета я так и не взял, — иметь его при себе показалось мне небезопасным. Мои руки, во всяком случае, были при мне.

— Привет, малыш, — услышал я дядюшкин голос. — Как там у тебя?

— Не густо. Ты где?

— В аэропорту. Ты, значит, так и не разобрался... ну — в том, над чем размышлял.

— Во всём я разобрался, и часа не прошло. Увидел тот вход, через который смерть вошла к Сэлли, но доказать не могу.

— И через какой же вход она вошла?

— То есть, я знаю, кто убийца. И как убили Дороти, мне тоже известно. Вернеке убил обеих. Но нет ни доказательств, ни свидетелей.

— Эд, потрясающе! — Голос дядюшки прозвучал так, будто он и в самом деле был в восторге.

— Движемся, значит! Доказательства нам не нужны — на сей счёт. Уже одно то, что тебе известно, как убили девочек, отдаёт всё дело под наш контроль. Вот что: берём такси до Стэнтонов. Там и встречаемся, ага? Ты приедешь первым, так жди поблизости, посматривай, чтобы Вернеке не ушёл, пока мы туда не нагрянули.

— Кто это «мы»?

— Мы с дядей Сэмом. Задержи Вернеке, понял?

— Это я с удовольствием. Но с чего... — В ухе у меня раздался щелчок.

Я вышел из здания в прохладный, чистый вечер и принялся высматривать такси. Мне повезло: хоть накрапывал дождик, такси попало мне в нашем же квартале.

Водителю я велел припарковаться у здания, соседнего с тем, где проживали Стэнтоны; вскоре подъехала и другая машина, из которой вышли дядя Эм и двое крепко сбитых мужчин. Дядюшка подозвал меня и представил федеральным агентам; тех звали Бэскомб и Селиг.

Вчетвером мы поднялись по лестнице, и Бэскомб постучал в дверь.

Открыл нам Стэнтон. Отворил — и распахнул пошире, завидев в компании нас с дядюшкой. Мы вошли. Бэскомб спросил Вернеке, и Стэнтон с округлившимися глазами указал дверь. «Там, — произнёс он. — Нужно мне...»

— Благодарю, возьмём сами.

Бэскомб и Селиг скрылись за указанной дверью. Спустя секунду они появились вновь, с двух сторон ведя Вернеке. Шёл он прямо и смотрел тоже прямо перед собой, ни на кого из нас. Выглядел трезвым. Чересчур трезвым. Они вышли, все трое.

— Подавление внезапно, — проговорил дядюшка. — Быстро войти, никаких вопросов и ордер под нос. Иногда люди оказываются так ошеломлены, что начинают говорить, не дожидаясь, пока спросят. — Дядюшка взглянул на Стэнтон. — Вы знали?

Джеральд Стэнтон опустился в стоявшее позади него кресло.

— Я... подозревал. Только — зачем? Причины не приходили мне в голову. Ведь не сумасшедший же он! Зачем было убивать Сэлли и Дороти, да и как это ему удалось?

— Тот участок в Колорадо, — ответил дядюшка. — Гейгер тарыхтит не переставая; я видел, как государственный недровед пялился на свой счётчик. Вы — богач, мистер Стэнтон; ну, или станете, если продадите участок правительству. Уран сейчас ох как нужен.

— Но каким образом...

Дядюшка присел на софу.

— Садись, Эд, — сказал он. — И мне есть что рассказать, и ты должен будешь разъяснить нам насчёт девочек. Мне ведь тоже всё ещё невдомёк.

Я присел на подлокотник кресла и воззрился на дядюшку.

— А мне показалось, что в Колорадо ты не собираешься.

— Я и не собирался. Сначала я побывал в Эль Пасо. Пока ты в ночь на вторник сидел в квартире Сэлли, у меня появилось страстное желание пообщаться с Джеком Сильвером — тем недроведом, который проводил разведку. Вопреки тому факту, что участок признали нестоящим, это виделось единственным возможным мотивом, и я никак не мог успокоиться. Я, значит, позвонил в Эль Пасо и выяснил, что его телефон некоторое время назад был отключён. А уж когда я стал проверять и оказалось, что отключён он был примерно тогда же, когда они произвели эту разведку в Колорадо, уж тогда я решил добраться до Эль Пасо. Вылетел в ту же ночь.

— Я глупец, — сказал я. — Следовало об этом подумать.

— Ты, Эд сосредоточился на другом вопросе. В общем, раненько утром я встретился с Джорджем Макнелли, боссом Сильвера, и узнал, что Сильвер случайно погиб в Колорадо — как раз после геологоразведки. Послал отчёт, а перед тем как выехать самому, с ним случилось несчастье. Прямо в Секо.

Я рассказал Макнелли о своём подозрении, что этот отчёт поддельный; мы отправились прямиков в офис, подняли оригинал и сравнили его с другими отчётами Сильвера. Все они были составлены от руки; он не печатал. Сразу же стало понятно, что отчёт фальшивый, работа на уровне любительской. Мы отнесли его прямиком в ФБР и...

— А зачем? То есть — зачем к дяде Сэму? Подлог — это не федеральное преступление.

— Отчёт он — либо кто-то другой — прислал по почте. Мошенничать с помощью почты — это федеральное преступление, да и дело таким образом значительно ускорялось. Кстати говоря, и ордер на арест выписан на данном основании. А Бэскомб сказал, что у них есть специалисты, которые обязательно установят, что Вернеке подделал тот отчёт, если только это и вправду был он. А в том и сомнений нет, поскольку Вернеке единственный, кто был вместе с Сильвером и кто мог его убить.

— А как Сильвер умер? — спросил я.

— По виду — споткнулся на лестнице и катился целый пролёт в небольшой гостинице в Секо, где они с Вернеке остановились, вернувшись из геологоразведки. В ту минуту они были вдвоём, но подозревать убийство не было оснований, и всё закончилось заявлением Вернеке про падение с лестницы.

На самом же деле Вернеке, вероятно, убил Сильвера, когда тот собирался отправить отчёт по почте. Отчёт Вернеке забрал, а позднее отправил поддельный, по образцу оригинала, но с поправками. А поскольку доказано, что это подлог, да при помощи почты, Колорадо собирается экстрадировать его за убийство. Коль одно обвинение доказано, оно доказывает и другие, даже если улики косвенные. Если установят, что отчёт выполнен его рукой, то мне думается, что и осудить его за убийство им будет легче лёгкого.

— Но зачем ему было... — И Стэнтон горько покачал головой.

— Вы спрашиваете, мистер Стэнтон, зачем ему было совершать три убийства? Государственный недровед, вылетевший туда из Денвера, уверяет, что стоимость участка — несколько миллионов долларов. На свете много таких, которые убьют за несколько миллионов, — и всё это люди даже в более здравом уме, чем Вернеке.

Он не посмел выкупить участок у девочек, — у вас бы сразу зародилось подозрение. А потому он немного выждал и убил их, — Эд говорит, что может рассказать нам, как именно. Тогда собственность переходит в ваши руки и вашей жены, его сестры. А у вас слабое сердце, мистер Стэнтон, как и у Сэлли. Ему опять-таки стоит лишь подождать, и участок перейдёт в собственность миссис Стэнтон. А уж он сделает милость, выкупит у неё участок, когда та начнёт испытывать нужду в средствах, что неизбежно. Она-то ничего не заподозрит.

— Нет, она не заподозрит... Стыдно признаться, мистер Хантер, но моя жена — дура. И настолько доверяет своему брату, что никогда не спросит, зачем ему то-то или то-то. Вот отчего, кстати говоря, я попытался заинтриговать вас таким способом. Узнай моя жёнушка, что я заподозрил её братца и нанял вас провести расследование... В общем, конец тогда нашему браку.

— А откуда, мистер Стэнтон, у вас эта тысячедолларовая купюра? — спросил я.

— От Рэя; он дал мне её недель шесть или семь тому назад. К слову сказать, и ещё парочку. Как-то около полудня он зашёл ко мне и сказал, что на мели и хотел бы занять сотню долларов, поиграть. Сказал, что чувствует себя в ударе — это значит, у него такое чувство, что он сорвёт куш. У него часто бывает вроде предчувствий, и они почти всегда исполняются. А он знал, что я как раз обналичил один платёжный чек, и сотенная у меня найдётся. Сперва я ему отказал, но он пообещал поровну разделить со мной весь свой выигрыш, коли таковой будет, а нет — вернуть сотню назад. — Стэнтон пожал плечами. — Мне, значит, нечего было терять, ну, я и дал. Вернулся он поздно вечером и вручил мне четыре тысячи долларов; по его словам — выиграл восемь. Признаюсь, я этому подивился; я думал, что он не признается в столь большим выигрыше; либо он выиграл ещё больше.

— Нет, — сказал я, — Вернеке не соврал. Но почему он поделился честно, можно понять. Билл Хаберман, тот молодой человек, с которым Сэлли в то время встречалась, случайно оказался там и видел, как Вернеке обналичивает свой выигрыш. Правда, Вернеке попросил Хабермана не распространяться на этот счёт, но потом, наверно, решил, что Сэлли тот всё же расскажет, а Сэлли — вам, так что лучше не обманывать.

Дядюшка Эм взглянул на меня с одобрением:

— Времени, Эд, ты впустую не тратил!

— Да, заработал, вот, — и я указал на фонарь под глазом. Дядюшка хмыкнул:

— А я удивлялся. Но как романтично выглядит! Знаешь, носи всё время. — Он обратился к Стэнтону. — Но к чему этот розыгрыш с марсианином и вся эта забота подсовывать нам деньги в контору?

— Знаете... подумалось, что вы решите, будто ваш клиент — это Вернеке. Я знал, что вы и так предпримете тщательное расследование. Но при прочих равных условиях вы, на мой взгляд, должны скорее решить, что это он из нас двоих нанял вас. А поскольку он всё время толковал о марсианах, я и решил словно бы под него подделаться. Ведь, кроме нас, вам и подумать будет не на кого. — Стэнтон откашлялся. — В молодости я не без успеха играл на любительской сцене. И сейчас отлично владею голосом. Ну, да это уже не важно.

Стэнтон обратился ко мне.

— Эд, а как Вернеке убил девушек? Это было... постгипнотическое внушение?

— В случае с Дороти — да, — ответил я. — Трудно это ему не составило: они вместе экспериментировали с парапсихологией, в том числе с попытками телепатии под гипнозом. Вернеке был с Дороти утром того дня, когда она утонула. Он сделал ей два несложных постгипнотических внушения: одно — это непреодолимое желание искупаться, о чём она просила меня весь вечер, а другое — чтобы в воде у неё появилась галлюцинация наплавного моста немного впереди, и она бы страстно пожелала его достичь.

— Я... я это предполагал, — проговорил Стэнтон, — но гнал от себя такие мысли. Мне это было тем легче, что ведь Вернеке никогда не занимался парапсихологией с Сэлли. Она ему не доверяла и не позволила бы себя гипнотизировать. Как же тогда...

Я ответил:

— Против Сэлли он нашёл оружие. — И я указал на торшер, который раньше стоял у изголовья Сэллиной кровати, в её спальне. — Не светильник, один лишь абажур. Снаружи он покрыт медной фольгой, а внутри алюминиевой, между которыми целлулоид в качестве диэлектрика. Действует по принципу лейденской банки.

— У Дикки есть такая.

— Как и генератор статического электричества для её зарядки. Вернеке принёс генератор в квартиру к Сэлли, когда той не было, и зарядил абажур — создал разность потенциалов между двумя покрытиями из фольги. В другое время разряд оказался бы несмертелен, девушку просто тряхнуло бы как следует. Но Сэлли была психологически подготовлена этим телефонным звонком от гнусных марсиан, и можно было не сомневаться, что её бедное сердце не выдержит внезапного потрясения.

— В ту ночь, — продолжал я, — Сэлли читала перед сном и потянулась рукой к абажуру, расположенному почти над самым изголовьем, чтобы поудобнее направить свет. Естественным образом она коснулась сразу обеих сторон абажура — большим пальцем снаружи и указательным изнутри, либо наоборот. Вернеке, разумеется не мог знать, что она поступит так именно этой ночью, но он позвонил около двух часов ночи проверить, снимут ли трубку. Когда вместо Сэлли снял её я, он разъединил связь.

Стэнтон мрачно произнёс:

— Этот светильник он подарил Сэлли два месяца назад, на её день рождения. Видно, уже тогда всё задумал.

— Он всё задумал, — сказал дядюшка, — сразу же как узнал от недроведа, что в той земле содержится уран. Первым делом убил геолога и подделал отчёт, а затем стал готовить покушение на девочек. И ему, вероятно, всё сошло бы с рук, если бы не эти их «предчувствия». Сэлли, Эд, я ещё могу понять — её телефонным звонком напугали; но откуда у Дороти появились мысли, что ночью с ней нечто должно случиться?

Я ответил:

— Вернеке, разумеется, желал б этого избежать, и всё же нечто от постгипнотического внушения, которым он наделил Дороти, просочилось из подсознания к её «я». Достаточно для того, чтобы поселить в ней тревогу, в которой она поспешила к нам за защитой.

Но насчёт Сэлли. Этот абажур, столь необычный, мне не следовало обойти вниманием. Я ощупал его, но разряда, разумеется, не ощутил, поскольку абажур уже был полностью разряжен касанием руки Сэлли. И я так бы ни о чём не догадался, если бы Дикки не продемонстрировал мне свою лейденскую банку и генератор для её зарядки.

С минуту висела тишина, затем дядюшка встал.

— Прошу, подождите, — произнёс Стэнтон. — Он поспешил к себе в кабинет, а вернувшись, протянул нам тысячедолларовую банкноту, близняшку той, что лежала у нас в сейфе. — Я обещал вам. И... могли бы вы сохранить в тайне, что это я вас нанимал? Мне... мне всё ещё не хочется посвящать в это жену. Она ведь и о четырёх тысячах не догадывается — ну, что достались мне тогда от Вернеке. Я хотел сберечь их — отложить на чёрный день, а потому не говорил ей. Теперь же мне будет неловко, если она узнает.

Дядюшка уложил банкноту в бумажник.

— Обещать это, мистер Стэнтон, мы вам можем. Представляю, какое потрясение ей придётся испытать.

— Придётся, но ничего не поделаешь. Сегодня ей стало дурно на кладбище, и я отправил её провести вечер к родственникам в Виннетка, — они пришли к нам с похорон. Очень кстати, что в ту минуту, как... как всё произошло, её не было дома.

Отклонив последовавшее предложение выпить, мы распрощались со Стэнтоном. Нет, мне бы не помешало, но не здесь. Хотелось освежиться вечерней прохладой; события прошедшей недели начали отдаляться в сознании.

Мы поймали такси, и дядюшка сказал:

— Нам, малыш, следует положить эту купюру в сейф ко второй; завтра в банк отнесём. В Денвере я обналичил один чек, и от него осталось ещё почти две сотни; на сегодня должно хватить. Нам ведь предстоит нагрузиться, не так ли?

— Видимо, — ответил я, впрочем без энтузиазма.

Мы зашли в контору и спрятали деньги в сейф. Не успели мы покинуть агентство, как зазвонил телефон, и дядюшка снял трубку. То был Баскомб с приятным известием, что Вернеке во всём признался, когда понял, что им удастся доказать подлог и, следовательно, первое убийство. Допрос ещё продолжался, поэтому Бэскомб проговорил всё скороговоркой.

В баре, после нескольких порций спиртного, я почувствовал себя лучше. Затем ещё лучше, поскольку мы не остановились. А когда, часов в десять, дядюшке взбрело в голову побросать кости, меня осенило позвонить Монике Райт. Я рассказал ей, что дело закрыто, что мне известно: час поздний; но — завтра ей не нужно вновь отправляться на работу в страховую компанию.

— Щас за тобой приеду, — пообещал я. — Только не надо предчувствий, будто сегодня ночью с тобой что-то произойдёт!

— Знаешь... есть у меня такое предчувствие, Эд! Но поглядим, всё ли так плохо.

В общем, предчувствие её не обмануло, но всё оказалось совсем не плохо.

Перевод А.Москотельникова

<http://forum.ingenia.ru/viewtopic.php?id=29993>